

РУССКАЯ АГРАРНАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА (историко-конструктивистский анализ)

ЕФИМОВ ВЛАДИМИР МАКСОВИЧ

доктор экономических наук,
независимый исследователь,
e-mail: vladimir.yefimov@wanadoo.fr

В статье рассмотрена русская аграрная институциональная система на всех исторических этапах существования государства вплоть до начала XXI века. В заключение автором анализируются советские и постсоветские аграрные преобразования как проявления эволюции русской аграрной институциональной системы.

Ключевые слова: институт; аграрная реформа; крестьянское хозяйство; фермерство; коллективизация; сельское хозяйство.

In this article the Russian agrarian institutional system at all historical stages of the state existence until the beginning of the XXI century is considered. In the conclusion the author examines Soviet and post-Soviet agrarian reforms as a manifestation of Russian agrarian institutional system evolution.

Keywords: institution; agrarian reform; farm; farming; collectivization; agriculture.

Коды классификатора JEL: E02, N50, Q18.

1. ВВЕДЕНИЕ

Российская статистика сельского хозяйства выделяет три типа хозяйств: сельскохозяйственные организации, хозяйства населения (это, прежде всего, так называемые личные подсобные хозяйства (ЛПХ) сельского населения) и крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ)). По данным недавно проведенной сельскохозяйственной переписи, большая часть сельскохозяйственных угодий России занята сельскохозяйственными организациями (82,2%), каждая из которых в среднем использует 6 392,5 гектаров; в ЛПХ сельского населения, средний размер которых 0,52 га, обрабатывается 2,5% земли; и, наконец, КФХ располагают 7,3% земли при среднем ее размере на каждое хозяйство 101,3 га. В 2006 г. сельскохозяйственные организации (предприятия) произвели 40,9% валовой сельхозпродукции, хозяйства населения (прежде всего ЛПХ) — 52,7%¹, а крестьянские (фермерские) хозяйства — 6,4%. Названия двух последних типов хозяйств связаны с идеологиями, лежащими в основе их законодательного закрепления. В советской колхозно-совхозной системе семейные хозяйства были объявлены «подсобными», обреченными с развитием этой системы на скорое исчезновение, а в период реформ 1990-х гг., когда ставилась задача превратить Россию в «нормальную» страну, т.е. страну европейского и/или североамериканского типа, предполагалось, что семейные хозяйства, аналогично тому, как это имеет место в Европе, США и Канаде, должны стать доминирующими. Идеологической базой для проекта постсоветской аграрной реформы служили, с одной стороны, распространенные на Западе идеи экономического превосходства относительно небольших семейных ферм без или с минимальным использованием наемного труда, а с другой стороны — аналогичные идеи отечественного экономиста-аграрника начала XX в. А.В. Чаянова, который естественным образом называл современные ему рус-

¹ На естественный вопрос, как можно произвести более 50% продукции на 2,5% земли, ответ очень прост: в эти 50% входит продукция животноводства, корма для которого производятся в основном сельскохозяйственными организациями.

ские семейные фермы крестьянскими хозяйствами. Название КФХ соединило в себе эти два идеологических влияния.

Сейчас можно констатировать, что идеологии, лежащие в основе названий ЛПХ и КФХ, не оправдались. Как-то не поворачивается язык назвать «подсобными» хозяйства, производящие более половины валовой сельхозпродукции страны, а с другой стороны, семейные высокотоварные фермы играют в современной России скорее маргинальную роль, производя всего 6,4% валовой продукции. Причины этого можно искать в разных направлениях, в том числе и в недостатках государственной сельскохозяйственной политики. В данной статье нынешняя ситуация в российском сельском хозяйстве будет анализироваться как результат многовековой институциональной эволюции. Такой анализ, на наш взгляд, позволит как лучше понять современное положение в этой отрасли экономики страны, так и выработать реалистичную сельскохозяйственную государственную политику для этой отрасли. Этот анализ в частности показал, что такие аграрные потрясения в России, как отмена крепостного права в 1861 г., Столыпинская реформа 1906 г., Октябрьская революция 1917 г., коллективизация конца 1920 — начала 1930-х гг., а также постсоветские реформы 1990 г. и их корректировки в начале нынешнего века, разворачиваются, следуя циклам. Эти циклы могут быть представлены следующим образом: функционирование институтов вызывает реакции различных акторов, которые выражаются в идеологиях; идеологии конкурируют между собой за свое влияние, и по тем или иным причинам одна из этих идеологий определяет содержание законодательства, которое создается, чтобы решить проблемы функционирования институтов; новое законодательство влияет на (но не определяет) функционирование институтов со старыми и/или новыми проблемами, и мы возвращаемся к исходному пункту цикла.

Рис. 1. Треугольник циклов институциональных изменений

Законодательство не определяет функционирование институтов, так как правила, лежащие в основе институтов, могут быть формальными и неформальными. Для того чтобы понять дополняемость или несовместимость формальных и неформальных правил, нужно анализировать динамику этих связей, так как социально-экономические реальности очень инерционны. Восприятие функционирования институтов различными акторами происходит через призму их правосознаний, и здесь может возникнуть конфликт легитимности и законности². Этот конфликт принимает умеренные формы

² «Категория легитимности в современной социологии означает (в отличие от категории законности) не только и не столько соответствие данных социальных институтов действующему закону, сколько принятие этих институтов массовым общественным сознанием. Понятия легитимности и законности могут совпадать (когда правовые нормы соответствуют представлениям о справедливости), но могут не совпадать или даже находиться в остром конфликте между собой. Иначе говоря, социальные институты могут быть законными (опирающимися на действующее позитивное право), но не легитимными и, наоборот, могут быть легитимными (в глазах населения), но не законными. Кризис легитимности существующих институтов земельной собственности — центральная составляющая аграрного вопроса и аграрных конфликтов в истории и современности» (Медушевский 2005, 13).

в обществах с высоким уровнем правовой культуры, т.е. знанием законов и сознанием необходимости следовать им, даже если они не нравятся. Если эта культура низка, что имело место в русском обществе, то конфликт легитимности и законности ведет к тому, что поведение людей определяется исключительно их пониманием справедливого, а не законного действия.

Проделанный эволюционный анализ позволяет сделать вывод о существовании особой русской аграрной институциональной системы, которая возникает вместе с появлением централизованного русского государства и продолжает действовать и в наши дни. Под русской аграрной институциональной системой мы понимаем совокупность взаимосвязанных аграрных институтов, действующих в России начиная с возникновения Московской Руси. Базовым институтом в ней всегда было, и во многом остается и сейчас, *крестьянское хозяйство*. Базовым этот институт является, с одной стороны, потому, что большая часть сельскохозяйственной продукции производилась именно крестьянскими хозяйствами, а с другой стороны, именно он обеспечивал на протяжении всей русской истории воспроизводство сельского населения. Вторым институтом русской аграрной институциональной системы является *сельская община*. Для нашего анализа не очень важно, была ли она древним русским институтом или появилась с возникновением Московской Руси. Важно то, что в русском централизованном государстве она всегда играла важнейшую производственно-организующую и фискальную роль. Большую часть русской истории сельское хозяйство было основной отраслью национальной экономики и, следовательно, основным источником поступлений ресурсов государству. Русское государство всегда внимательно следило за этим источником и принимало меры, чтобы он исправно продолжал поставлять ему ресурсы. Делало оно это через свои *органы территориального управления*. Институт государственных органов территориального управления является третьим институтом рассматриваемой нами русской аграрной институциональной системы. Наконец, последним, но не последним по важности, институтом русской аграрной институциональной системы было на протяжении столетий *поместье-вотчина*. Кажущееся на первый взгляд принципиальное различие между поместьем и вотчиной (первое передается государством служилому человеку во временное владение, а вторая является его собственностью) в русской истории не было таковым. В первые века существования централизованного русского государства вотчина имела многие черты поместья, а с середины — конца XVIII в. поместья, по существу, превратились в вотчины. Все четыре вышеназванных института тесно связаны между собой, и понять их функционирование и эволюцию можно, только рассматривая, как они взаимодействуют друг с другом. На разных этапах своего исторического развития эта институциональная система видоизменяется, сохраняя свое ядро.

Проведенный анализ помогает понять, почему претерпели неудачи те аграрные преобразования в России, у истоков которых стояла либеральная идеология, и пролить свет на то, что происходит с российским сельским хозяйством сейчас.

Данный анализ может быть классифицирован, с одной стороны, как исследование, выполненное в рамках интерпретативной институциональной экономики (Ефимов 2007а; Ефимов 2007б), а с другой стороны — как историко-этнологическое исследование (Лурье 1997; Чеснов 1998).

2. ИСХОДНАЯ РУССКАЯ АГРАРНАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА³

Система управления Московского царства развилась из удельно-княжеской системы. Удельное княжество было, собственно, не государством, а хозяйством князя: иначе говоря, государство в то время было не чем иным, как княжеским хозяйством.

³ Описания исходной русской аграрной институциональной системы заимствованы из (Ключевский 1988, т. 2, 188–313).

Поэтому удельное управление было, собственно, эксплуатацией различных частей этого хозяйства. Население удела для князя не представляло собой общество, не было оно для него и союзом подданных для достижения целей общего блага и общественного порядка, а было оно для него лишь орудием или предметом хозяйственной эксплуатации княжества. Правительственные действия, имеющие целью охрану права и общественного благосостояния, поддержание законного порядка, как то: суд, полиция, даже частью само законодательство, рассматривались как доходные статьи княжеского хозяйства, были сопряжены с известными сборами в пользу правительства и его агентов; так произошли все те судебные, торговые, свадебные и другие пошлины, какие поступали в княжескую казну или на содержание отдельных управителей удельного времени. На таком строе удельного княжества построилась и держалась удельная администрация. Различные учреждения в ее системе имели целью извлечение дохода из разных земель и угодий в княжестве, а люди, работавшие на этих землях, как бы причислялись к угодьям, составляя живую механическую силу, вводящую в хозяйственный оборот эти мертвые земли и угодья. Все земли в уделе по своим хозяйственным отношениям к князю делились на три вида: одни из них были приписаны к княжескому дворцу, обрабатывались непосредственно на князя, который получал с них необходимые для дворца припасы; другие земли отдавались на известных условиях в частное владение лицам или учреждениям (церковным), составляли их привилегированную собственность; наконец, третьи сдавались в пользование горожанам и крестьянам за известные повинности. Первые земли назывались дворцовыми, вторые — боярскими и церковными, третьи — тяглыми, или черными.

Земли, не приписанные к княжескому дворцу, а именно земли частновладельческие и черные, входили в круг местного управления, которому предоставлено было в княжестве все, что княжеский дворец не эксплуатировал сам. Это управление находилось в руках наместников и волостелей. Значительные княжества делились на административные округа, называвшиеся уездами. Впрочем, уезд не был административным округом в нашем смысле слова, подчиненным одной местной власти. Уезд состоял из города и сельских обществ, называвшихся волостями и станами. Главной целью удельного уездного управления было извлечение доходов из управляемого округа.

К моменту возникновения Московской Руси на ее территории господствовала подсечно-огневая система земледелия, при которой путем вырубki и выжигания определенный участок леса превращался в поле крестьянского хозяйства, которое использовалось несколько лет для производства сельхозпродукции за счет естественного плодородия почвы. После утраты естественного плодородия участок забрасывался и осваивался новый. Обычно освоение новой территории начиналось одной семьей, но с течением времени рядом с первоначальным двором возникали один или два других; тогда он становился деревней. Деревня превращалась в пустошь, если в ней не оставалось жилых дворов и пашня забрасывалась или поддерживалась только ее часть путем наездов из ближней деревни. Таким образом, в этот период сельское хозяйство велось бродячим и мелко разбросанным сельским населением, которое, не имея средств или побуждений широко и усидчиво разрабатывать лежавшие пред ним обширные лесные пространства, пробавлялось скудными пахотными участками и, сорвав с них несколько урожаев, бросало их на бессрочный отдых, чтобы на другой целине повторить прежние операции.

Земли, на которых создавались крестьянские хозяйства в Московском царстве, были трех типов: земли церковные, принадлежавшие церковным учреждениям, земли служилые или боярские, находившиеся во владении служилых людей, и, наконец, земли государевы. Последние подразделялись на два типа: на государевы дворцовые, приписанные ко дворцу и как бы составлявшие его частную собственность, и государевы черные, т.е. государственные, не находившиеся ни в чьем частном владении. Различие между землями дворцовыми и черными было больше хозяйственное, чем

юридическое: доходы с них специально назначались на содержание государева дворца и поступали больше натурой, чем деньгами. Поэтому земли одного типа часто переходили в другой, и в XVII в. те и другие смешались, соединившись под одним дворцовым управлением. Таким образом, в Московском государстве XVI в. существовало три типа землевладельцев: государь, церковные учреждения и служилые люди. На всем пространстве Московского государства не было других частных землевладельцев, т.е. не существовало крестьян-собственников. Крестьяне всюду жили на чужих землях: церковных, служилых либо государственных; даже сидя на черных землях, не составлявших ничьей частной собственности, крестьяне не считали эти земли своими. Про такие земли крестьянин XVI в. говорил: «Та земля великого князя, а моего владения»; «Та земля божья да государева, а распаша и ржи наши». Итак, черные крестьяне очень ясно отличали право собственности на землю от права пользования ею. Значит, по своему поземельному положению, т.е. по юридическому и хозяйственному отношению к земле, крестьянин XVI в. был безземельным хлебопашцем, работавшим на чужой земле.

Будучи безземельным, крестьянин XVI в. был в то же время вольным хлебопашцем, сидевшим на чужой земле по договору с землевладельцем. Его свобода выражалась в крестьянском выходе или отказе, т.е. в праве покинуть один участок и перейти на другой, от одного землевладельца к другому. Первоначально право это не было стеснено законом, так как сам характер поземельных отношений налагал обоюдное ограничение как на это право крестьянина, так и на произвол землевладельца в отношении к крестьянину: землевладелец, например, не мог согнать крестьянина с земли перед жатвой, как и крестьянин не мог покинуть свой участок, не рассчитавшись с хозяином по окончании жатвы. Из этих естественных отношений сельского хозяйства вытекала необходимость однообразного, законом установленного срока для крестьянского выхода, когда обе стороны могли рассчитаться друг с другом. Судебник Ивана III установил для этого один обязательный срок — неделю до Юрьева дня (26 ноября) и неделю, следующую за этим днем, т.е. крестьянин мог покинуть участок, когда кончались все полевые работы и обе стороны могли свести взаимные счета. Свобода крестьянина выражалась также в том, что, садясь на чужую землю, он заключал с землевладельцем поземельный договор. Условия этого арендного договора излагались в порядных грамотах, или записях. Крестьянин договаривался с землевладельцем как свободное, юридически равноправное с ним лицо. Он брал у хозяина большой или меньший участок земли, сообразуясь со своими рабочими возможностями.

В удельных русских княжествах административное территориальное и общинное (мирское) управление касались одних и тех же административных округов, называемых станами и волостями. Они создавались для организации уплаты крестьянами податей и отбывания ими повинностей. Станы и волости первоначально и составляли сельские общества, крестьянские миры, связанные круговой порукой в уплате податей. Эту первоначальную форму сельских обществ, крестьянских миров, можно назвать волостью-общиной. Административными округами (станами и волостями) управляли, с одной стороны, наместники и волостели — органы территориального управления центрального правительства, но, с другой стороны, у них было и свое мирское управление, свои мирские собрания (сходы), выбиравшие свои исполнительные органы управления. Волостное мирское управление состояло из старосты или сотского с окладчиками, которые «сидели на размете» — на разверстке податей и повинностей между членами общества. Мирское управление занималось делами поземельного хозяйства волости, в составе которого важнейшей статьёй и было распределение и исполнение податей и повинностей. Выборные вели текущие дела, в случае надобности организуя собрания крестьян волости. Кроме разверстки податей и повинностей

староста «перед всей братией» раздавал по решению схода пустые участки в волости новым поселенцам, давал им льготы, отстаивал в суде волостную землю от сторонних захватов и притязаний, ходатайствовал о нуждах своей волости перед центральным правительством или жаловался на неправды его местных органов, если волость была черная, не имевшая ходатая в своем вотчиннике. Самым тяжелым делом волостного мира, вызывавшим к действию круговую поруку, была уплата податей миром за несостоятельных или выбывших членов общества. Назначалась обыкновенно известная определенная сумма податей на все общество по величине значившейся за ним по переписи земли, прежде всего пашни. Общество разверстывало эту сумму по отдельным дворам, соображаясь с земельным участком каждого двора. Но иные крестьяне покидали свои участки и выходили из общества; другие оказывались не в состоянии платить падавшие на них по их пашне доли общественных платежей и переходили на меньшие участки. За тех и других до новой переписи обязано было платить подать все общество. Такое волостное устройство существовало в удельные века и сохранялось приблизительно до XVI в. С объединением Московского государства и с развитием служилого и церковного землевладения волость как цельное сельское общество постепенно разрушалась.

Частные землевладельцы, служилые помещики и вотчинники, церковные учреждения, получившие земли в черных и дворцовых волостях, становились в Московском государстве местной властью, заменяли ее. Теперь наместники и волостели не судили ни самих помещиков и вотчинников, ни их крестьян, кроме наиболее тяжких уголовных дел, и приставов своих «не высыпали к ним ни по что»; они сами получали право суда и полицейского надзора над своими крестьянами, которые при этом также освобождались иногда от обязанности тянуть наравне с другими крестьянами своей волости их мирские повинности по отношению к государству. Село такого привилегированного землевладельца с приписанными к нему деревнями и отдельно стоящими крестьянскими хозяйствами выделялось из состава волости как особый судебно-административный округ, со своим вотчинным управлением, с барским приказчиком или монастырским старцем; но рядом с ними действуют сельский староста и другие мирские выборные, которые ведут поземельные дела своего мира с участием вотчинных управленцев, раскладывают налоги, нанимают землю у сторонних землевладельцев. Такие села и образовали новые сельские общества (сельские общины), на которые распались старые станы и волости. Судебник 1497 г. принимает за сельское общество безразлично и целую волость, и отдельное село и этим отмечает эпоху, когда волость как общество начала разлагаться на села. Впрочем, разложение далеко не было повсеместным: только крупные или особенно покровительствуемые землевладельцы получали привилегии, выделявшие их земли из волостного строя; у остальных крестьян и в конце XVI в. «тягло государственное всякое тянули с волостью вместе». Но и сельское вотчинное общество держалось на том же основании, какое объединяло прежнюю волость: это было то же государственное поземельное тягло (подати и повинности). Значит, и для сел, и для волостей связью, соединявшей их в общества, служило поземельное тягло, а не прямо сама земля: это были сельские союзы финансовые, податные, а не собственно поземельные.

Вопрос о происхождении русской сельской общины давно вызывал оживленный спор, и на этот предмет установились два взгляда. Первый состоит в том, что русская сельская община — учреждение довольно позднего времени и получила свое окончательное образование только в последней четверти XVIII в. под действием закрепощения крестьян и подушной подати. Второй рассматривает сельскую общину как исконное явление русской жизни, что начала, на которых основаны общинные учреждения конца XIX — начала XX вв., действовали уже с самых ранних пор исторической жизни Руси, задолго до прибытия Рюрика. В Древней Руси сельское общество называли

миром и не знали слова «община», как стали звать его в литературе XIX в., понимая под этим словом сельское общество, как оно сложилось к эпохе реформы 1861 г., со всеми особенностями поземельного строя общины. Существенными особенностями, в которых выражалось ее основное начало, общинное владение землей, можно охарактеризовать следующим образом:

- 1) обязательная уравнительность наделов,
- 2) строгое сословное значение общины и
- 3) круговая порука.

Земля распределялась соразмерно с рабочей и податной возможностями крестьян, т.е. земля делилась между дворами по наличным рабочим силам каждого двора, и делилась принудительно, навязывалась. Размером надела определялась для каждой крестьянской семьи соответственная тяжесть сословных обязанностей, падавших на эту семью. Увеличение рабочих рук в семье путем рождения детей и их уменьшение путем смерти ее членов влекло за собой пересмотр размера земельного надела семьи. Таким образом, земля была не источником повинностей, а вспомогательным средством для их исполнения. Ни этой принудительной уравнительности участков с их переделами, ни сословного характера поземельных крестьянских обязанностей не существовало в сельских обществах XV–XVI вв. Крестьянин брал себе участок «по силе», т.е. по своему усмотрению, договариваясь о том во владельческом или дворцовом имении с самим владельцем или с его приказчиком без участия сельского общества. Податная тяжесть вольного съемщика определялась размером снятого участка; следовательно, земля служила источником крестьянских обязанностей, а не вспомогательным только средством для их исполнения. Самые участки имели постоянный, неизменный состав. То были большей частью отдельные деревни в один-два двора с принадлежавшими каждой из них угодьями, пределы которых из века в век определялись обычным выражением поземельных актов: «куда соха, коса и топор ходили». Сам крестьянин не был прикреплен ни к участку, ни к сельскому обществу, ни даже к состоянию, свободно менял свою пашню на другую, выходил из общества и даже из крестьянства. Так, в сельских обществах XV–XVI вв. не было двух существенных признаков общинного владения землей.

Для понимания института поместий-вотчин необходимо затронуть вопрос о составе военно-служилого класса в Московском государстве. Чтобы понять его составные элементы, надо припомнить состав общества в удельном княжестве. Идеи подданства в удельном княжестве не существовало: господствовали договорные отношения свободных жителей удела к его князю, основанные на обоюдных выгодах. Общество делилось на классы по роду услуг, какие оказывали лица удельному князю: одни служили ему ратную службу и назывались боярами и слугами вольными; другие служили по дворцовому хозяйству князя, были его дворовыми людьми и назывались слугами дворными; наконец, третьи снимали у князя его земли, городские или сельские, за что платили ему подать, тягло, и носили название людей тяглых, земских или черных. Таковы три основных класса, из которых состояло свободное гражданское общество в удельном княжестве: слуги вольные с боярами во главе, слуги дворные и люди черные, как городские, так и сельские. Холопы, как несвободные люди, не составляли общественного класса в юридическом смысле слова. Особое положение занимали разные типы лиц, состоявших при церкви, с духовенством во главе: это был не особый класс, а целое общество церковных людей, параллельное мирскому, со своим управлением и судом, с исключительными привилегиями; в состав его входили классы, однородные с мирскими, церковные бояре и слуги, крестьяне на церковных землях и т.п.

Все слои удельного общества или целиком вошли, или внесли свой вклад в состав служилого класса в Московском государстве. Ядро его образовали бояре и слуги воль-

ные, служившие при московском княжеском дворе в удельные века, только договорные отношения теперь заменились обязательными государственными повинностями по закону. С середины XV в. состав этого первоначального московского двора, т.е. военно-служилого класса, осложнился новыми военными же элементами, вошедшими в него со стороны. То были: 1) потомки князей великих и удельных, вошедших в состав московского двора; 2) бояре и вольные слуги бывших великих и удельных князей, вместе со своими хозяевами перешедшие на московскую службу. Оба этих элемента целиком вошли в состав класса, хотя некоторое время сохраняли свое местное обособление и даже в актах XVI в. писались: князи ростовские, князи стародубские, двор тверской и т. д. Кроме этих военных, или вольных, слуг в состав класса вошли еще элементы, невоенные и невольные по происхождению. То были, во-первых, бывшие дворцовые, большею частью даже несвободные слуги великих и удельных князей, разные приказные и ремесленные люди, служившие при княжеских дворах для хозяйственных надобностей. Приблизительно с половины XV в. эти дворцовые слуги стали получать от московского государя земли наравне с военно-служилыми людьми и вошли в один разряд с ними, отбывая по земле ратную службу. Во-вторых, это были служилые люди прежних удельных бояр и дворян, которых Московское правительство иногда отбирало на государственную службу, наделяя их землей и заставляя по земле нести ратную повинность наравне с прочими служилыми людьми⁴. В-третьих, это было неслужилое тяглое население городов и сел вместе с духовенством. Последние также внесли свой вклад в состав московского военно-служилого класса. Тяглые люди вместе с поповичами различными путями проникали в этот класс. С половины XV в. устанавливается правило, что все личные землевладельцы должны нести по земле воинскую повинность. Завоевая вольные города — Новгород, Псков, Вятку, московское правительство находило там горожан, владевших землей, и, как землевладельцев, призывало их на свою службу, одних оставляя на месте, а других переводя в центральные уезды Московского государства, где их наделяли вотчинами или поместьями взамен покинутых земель. Так значительное количество землевладельцев-горожан из вольных городов очутилось в составе поместного дворянства. С усложнением центральной администрации и письменного канцелярского делопроизводства размножился и класс гражданских чиновников (дьяков с подьячими). Они набирались преимущественно из грамотных людей, принадлежавших к духовному сословию или к городскому просто-народью. Эти дьяки с подьячими получали за свою службу или приобретали сами вотчины и поместья и по общему правилу, как землевладельцы, обязаны были отбывать ратную службу, ставя за себя наемных или крепостных ратников. Дети их часто уже не сидели в канцеляриях, а со своих вотчин и поместий отбывали личную ратную службу наравне с прочими служилыми людьми. Сверх постоянных служилых людей, на которых ратная служба падала по наследству, как наследственная сословная повинность, московское правительство, нуждаясь в ратниках для внешней обороны, набирало их на время войны и из тяглых классов, городских и сельских. Все они получали от правительства мелкие поземельные участки в поместное или вотчинное владение и таким путем входили в состав помещиков-вотчинников.

Поместная система, как порядок служилого, т.е. обязанного ратной службой, землевладения, установился в Московском государстве XV и XVI вв. В основании этого порядка лежало поместье. Поместьем в Московской Руси назывался участок казенной или церковной земли, данный государем или церковным учреждением в личное владение служилому человеку под условием службы, т.е. как вознаграждение за службу и вместе как средство для службы. Подобно самой службе, это владение было временным, обыкновенно пожизненным. Условным, личным и временным характером своим

⁴ Так, после покорения Новгорода Великого Московским правительством было забрано с новгородских княжеских и боярских дворов 47 семейств таких слуг.

поместное владение отличалось от вотчины, составлявшей полную наследственную земельную собственность своего владельца.

Как и все в Московском государстве, поместье возникло еще в удельное время; оно имело свой первоначальный источник в поземельном хозяйстве московского князя. Как уже указывалось ранее, при дворе удельного князя было два рода слуг: слуги вольные, военные и слуги дворные, дворцовые. Слуги вольные составляли боевую дружину князя и служили ему по договору. Обязательства, какие они на себя принимали, не простирались на их вотчины: служебные отношения слуг вольных были совершенно обособлены от отношений поземельных. Слуга вольный мог покинуть князя, которому он служил, и перейти на службу к другому князю, не теряя своих владельческих прав на вотчину, находившуюся в покинутом княжестве. Слуги дворные составляли хозяйственную службу князя. Эта служба, напротив, обыкновенно обуславливалась землевладением. Слуги дворные резко отличались от слуг вольных, военных, и князь в договорах обязывался не принимать их, как и черных людей, т.е. крестьян, в военную службу. Одни из этих слуг дворных были лично свободные люди, другие принадлежали к холопам князя. Тем и другим удельный князь за их службу или для обеспечения исправного ее отбывания давал участки земли в пользование.

С половины XV в. с московским объединением Северной Руси произошли важные перемены в строе служилого класса. Во-первых, служба слуг вольных, оставаясь военной, перестает быть вольной, становится обязательной: они лишаются права покинуть службу великому князю московскому и переезжать в уделы, а тем паче за русскую границу. Вместе с тем слугам военным, переставшим быть вольными, московский государь за их службу дает земли на особенном праве, отличном от вотчинного. Дворцовая служба, в удельные века столь резко отделявшаяся от вольной, военной, с половины XV в. стала смешиваться с последней, соединяться со службой ратной. Слуги дворные, как и бывшие слуги вольные, одинаково стали зваться служилыми людьми московского государя и ходить в походы наравне с ними. Тем и другим слугам правительство раздавало казенные земли в пользование совершенно на том же праве, на каком получали их слуги дворные XIV в., только под условием ратной службы, которой прежде не несли последние. Как скоро произошли эти перемены в служебных отношениях и в служилом землевладении, это землевладение получило характер поместья. Земельные дачи, обусловленные дворцовой и ратной службой бывших вольных и дворцовых слуг, и получили в XV и XVI вв. название поместий.

Итак, поместье развилось из землевладения дворцовых слуг при удельных князьях и отличалось от этого землевладения тем, что обуславливалось не только дворцовой, но и ратной службой. Это отличие становится заметно с половины XV в.; не раньше этого времени поместье получает значение средства обеспечения как дворцовой, так и ратной службы — впрочем, тогда же оба этих рода службы сливаются, теряют юридическое различие. С той поры возникает юридическая идея поместья как земельного участка, обеспечивающего государственную службу служилого человека, ратную или дворцовую — безразлично. С того же времени, т.е. со второй половины XV в., поместье складывается в стройную и сложную систему, вырабатываются точные правила раздачи земель в поместье.

Поместье изменило юридический характер землевладения вотчинного. Перемена эта была произведена распространением на вотчинное землевладение принципа, на котором построено было поместье. В удельное время государственная служба, точнее, вольная служба при дворе князя не была связана с землевладением. Поземельные отношения боярина и вольного слуги строго отделялись от его личных служебных отношений к князю. Этим строгим разделением поме-

мельных и служебных отношений в удельные века обуславливалось тогдашнее государственное значение земли. Тогда земля платила, несла тягло, служили только лица. Это правило применялось так последовательно, что бояре и вольные слуги, покупавшие земли черных людей, т.е. крестьян, живших на казенной княжеской земле, обязаны были тянуть тягло (платить подати и выполнять повинности) вместе с крестьянами, а в противном случае теряли купленные земли, которые возвращались черным людям даром. В XV в. служба связалась с землей, т.е. служебные повинности распределялись на лица по земле. Поэтому теперь рядом с землей платящей явилась земля служащая, или, говоря точнее, земля платящая в руках служилого человека становилась и землей служащей. Благодаря этому соединению службы с землей произошла двоякая перемена в вотчинном землевладении:

- 1) стеснено было право приобретения вотчин, т.е. ограничен был круг лиц, имевших это право;
- 2) стеснено было право распоряжения вотчинами.

Как скоро государственная служба как повинность стала падать на лица по земле, утвердилась мысль, что, кто служит, тот должен иметь землю. На этой мысли и была построена поместная система. Прямым последствием этой мысли было другое правило: кто владеет землей, тот должен служить. В удельное время право земельной собственности принадлежало на Руси всем свободным классам общества, но, как скоро восторжествовало указанное правило, внесенное принципом поместного владения, землевладение на личном вотчинном праве должно было стать привилегией служилых лиц. Вот почему в Московском государстве XVI в. уже нет землевладельцев-вотчинников, которые бы не принадлежали к служилому классу. Вотчины церковные не были личной собственностью, а принадлежали церковным учреждениям; впрочем, и они отбывали ратную повинность через своих церковных слуг, которые, подобно государевым служилым людям, получали поместья от этих учреждений. Итак, кто владел землей в Московском государстве на вотчинном праве, тот должен был служить или переставал быть земельным вотчинником. Далее, ограничено было право распоряжения вотчинами. На вотчинное землевладение налагалась служебная повинность в одинаковой степени, как и на землевладение поместное. Следовательно, вотчиной могло владеть только лицо физическое или юридическое, способное нести военную службу лично или через своих вооруженных слуг. Отсюда закон стал ограничивать право распоряжения вотчинами, чтобы помешать их переходу в руки, неспособные к службе, или помешать их выходу из рук способных, т.е. предотвратить ослабление служебной годности служилых фамилий.

Вотчины принадлежали не только служилому классу, но также церкви и монастырям. Вотчины жалованные, испрошенные у мирской власти, были основным фондом земельного богатства монастырей. Вклады были другим, еще более обильным источником земельного обогащения монастырского монашества. Вклады землей монастырям от состоятельных служилых людей были для последних средством для найма монастырской молитвы, которые служили ради спасения души, «в наследие вечных благ». Древнерусскому человеку вообразить себя на том свете без заказного поминовения на земле было так же страшно, как ребенку остаться без матери в незнакомом пустынном месте. Кроме вкладов для спасения души монастыри обогащались еще взносами для пострижения. Таким взносом как бы обеспечивалось пожизненное содержание постриженника в монастыре. Этот источник расширялся по мере того, как в древнерусском обществе укреплялся обычай постригаться под старость или перед смертью: думали, что во что-нибудь зачтется, если отречься от мира хотя за несколько минут раньше, чем сама природа закроет человеку глаза на этот мир. Редкий государь в Древней Руси умирал, не постригшись хотя бы перед самой смертью; то же делали по возможности

и частные лица, особенно знатные и состоятельные. Вступление в иночество обыкновенно соединялось со вкладом в монастырь при самом пострижении или со вкладом, назначенным заранее на случай пострижения. Иосиф Волоцкий признавался, что его монастырь начал обстраиваться с тех пор, как стали в нем стричься в чернецы добрые люди из князей, бояр, дворян и купцов. Испрашивая себе широкие привилегии по податям и повинностям, монастыри могли заселять свои пустоши на льготных условиях, переманивая крестьян с соседних казенных и владельческих земель, отнимая тяглых и оброчных плательщиков у крестьянских обществ и у служилых землевладельцев. Уже к половине XVI в. монастырское землевладение достигло обременительных для государства размеров. Чтобы остановить или хотя бы только упорядочить уход земли из служилой среды в неслужилую, в XVI в. стали запрещать монастырям без доклада государю покупать, брать в заклад и на спасение души вотчины у служилых людей. В XVIII в. при царствовании Екатерины II монастырские и церковные земли перешли к государству, что стало источником появления большей части государственных крестьян.

Знаменитый спор между иосифлянами, во главе которых стоял сторонник земельной собственности церкви преп. Иосиф Волоцкий, и нестяжателями во главе с противником земельной собственности церкви преп. Нилом Сорским закончился полной победой иосифлян. Нил умолял великого князя, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы чернецы по пустыням и кормились бы своим рукоделием. Великий князь поставил этот вопрос на соборе 1503 г. Нил и стоявшие за него белозерские пустычники говорили об истинном смысле и назначении иночества; Иосиф ссылаясь на примеры из истории восточной и русской церкви и при этом высказал такой ряд практических соображений: «Если у монастырей сел не будет, то как честному и благородному человеку постричься, а если не будет добродетельных старцев, откуда взять людей на митрополию, в архиепископы, епископы и на другие церковные властные места? Итак, если не будет честных и благородных старцев, то и вера поколеблется». Собор согласился с Иосифом и свое заключение представил Ивану III в нескольких докладах, очень учено составленных, с каноническими и историческими справками. На соборе оспаривали только монастырское землевладение, а великому князю отцы собора заявили, что они не благоволят отдавать и архиерейские земли, против которых на соборе никто не высказывался. Дело объясняется молчаливой тактикой стороны, воздержавшейся на соборе. Иосиф знал, что за Нилом и его нестяжателями стоит сам Иван III, которому были нужны монастырские земли. Эти земли трудно было отстоять: собор и связал с ними вотчины архиерейские, которых не оспаривали, обобщил вопрос, распространив его на все церковные земли, чтобы затруднить его решение и относительно монастырских вотчин. Иван III молча отступил перед собором. Итак, дело о секуляризации монастырских вотчин, поднятое кружком заволжских пустычников по религиозно-нравственным побуждениям, встретило молчаливое оправдание в экономических нуждах государства и разбилось о противодействие высшей церковной иерархии, превратившей его в одиозный вопрос об отнятии у церкви всего ее недвижимого имущества.

3. ЗАКРЕПОЩЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА, ПРИВАТИЗАЦИЯ ПОМЕСТНОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ИДЕОЛОГИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН

Можно предположить, что описанная выше исходная русская аграрная институциональная система имела высокий уровень легитимности для всех классов русского общества XVI в., включая крестьянство. Легитимность ее происходила прежде все-

го из православия, заимствованного у Византии, идеи божественного происхождения царской власти, подкрепленной теорией Москвы как Третьего Рима⁵. При этом русское крестьянское национальное сознание воспринимало земельные отношения в терминах «земля божья»⁶, «земля великого князя», «земля ничья», и все эти три выражения рассматривались как синонимы, а по существу речь шла о принадлежности земли государству. В соответствии с этим сознанием царь предоставляет часть своих земель в поместья и вотчины служилым людям, которые призваны защищать Россию как оплот православия. В этом служении и только в нем русские крестьяне видели правомерность помещичьего землевладения. Изменения, произведенные правящим классом в русских аграрных институтах в XVI–XVIII вв., подорвали легитимность помещичьего землевладения в глазах русского крестьянства. Речь идет о закреплении крестьянства и приватизации поместий.

Возможность смены крестьянином места жительства и приложения своего труда, даже ограниченное Юрьевым днем, мало устраивало как помещиков-вотчинников, так и государство. Такая возможность создавала неопределенности и трудности управления регулярным поступлением средств и отбытием повинностей как в пользу помещиков, так и в пользу государства. Соборное уложение 1649 г.⁷ полностью отменило законную возможность для крестьянина такой смены и тем самым его закрепостило⁸. По словам Ключевского, была введена «крепостная крестьянская неволя» (*Ключевский* 1988, т. 3, 135). Соборное уложение делает также серьезный шаг в направлении приравнивания правового режима поместий к режиму вотчин по линии предоставления помещикам права распоряжения землей (Российское законодательство в X–XX веках, т. 3, 78). Многие статьи Уложения относились одновременно и к поместьям, и к вотчинам. Окончательно приватизация поместий была завершена Екатериной II в 1785 г. в Жалованной грамоте дворянству⁹. В соответствии с ней владение землей дворянами не является обусловленным государственной службой (военной или гражданской). Поместья стали собственностью владельцев, окончательно слились с вотчинами, и самое слово «помещик» получило значение земельного собственника из дворян, заменив

⁵ «Храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать» (Послание старца Филофея к великому князю Василию 1984, 441).

⁶ Этот центральный элемент русского крестьянского национального сознания стал важнейшим положением программы первой русской революционной организации «Земля и воля» (1861–1864): «Правовые народные воззрения признают несправедливым тот порядок, при котором земля находится во владении тех, которые ее не обрабатывают. По народному понятию, “земля божья”, и каждый земледелец имеет право на землю в том количестве, которое он своим трудом может обработать. Поэтому мы должны требовать перехода всей земли в руки сельского рабочего сословия и равномерного ее распределения. Мы убеждены, что две трети России будут владеть землею на общинном начале». (Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация 1997).

⁷ Полный текст см. в (Российское законодательство в X–XX веках, т. 3, 76–257).

⁸ Этому посвящена важнейшая глава XI Соборного уложения. В ней происходит отмена не только Юрьева дня, но и срока давности поиска беглых крестьян (урочные годы). Глава трактует крестьян как имущество помещиков и повелевает разделять семьи, если ее разные члены принадлежат разным вотчинникам или помещикам. Ст. 3 главы XI Уложения гласит: «А кому доведется беглые крестьяне и бобыли по суду и по сыску отдать, и тех крестьян отдавати з женами и з детьми и со всеми их животы, и с хлебом стоячим и с молоченым. А владенья за тех крестьян на прошлыя годы до сего нынешняго уложения не указывати. И которые крестьяне будучи в бегах дочери свои девки, или сестры, или племянницы выдали замуж за крестьян тех вотчинников и помещиков, за кем они жили, или на сторону в (ы)ное село или в деревню, и того в вину не ставити и по тем девкам мужей их прежним вотчинником и помещиком не отдавать, потому что о том по нынешней государев указ государевы заповеди не было, что ни кому за себя крестьян не примати, а указаны были беглым крестьяном урочныя годы, да и потому, что после писцов во многия годы вотчины и поместья за многими вотчинники и помещики переменялись» (Российское законодательство в X–XX веках 1985, т. 3, 151, 152).

⁹ См. «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» в (Российское законодательство в X–XX веках 1987, т. 5, 22–53).

собою слово «вотчинник»¹⁰. Эти изменения породили потерю легитимности русского аграрного строя поместного землевладения в глазах крестьянства и положили начало его борьбе за «землю и волю».

При крепостном праве крестьянское хозяйство оставалось базовым институтом, но центр русской аграрной системы сместился от сельской общины и территориальных органов управления к поместью-вотчине. Община оказалась полностью подчиненной поместью-вотчине: «Во всех крепостных вотчинах форму эксплуатации крестьян и форму землевладения определял не мир (община), а помещик: он или вел чисто сельскохозяйственное производство, или открывал фабрику и переводил крепостных на фабрику; заводил барщину и вел собственную запашку или переводил крестьян на оброк — все это делалось в зависимости от того, что в данной местности было более экономически рациональным, что давало больший доход. Помещик решал, как верстать землю его крепостным — по тяглам¹¹ или душам, делать или не делать земельные переделы и т.д.» (Чернышев 1997, 66). Община была привязана к поместью-вотчине, и поместье-вотчина, кроме того, что было хозяйством помещика, стало играть роль базового территориального органа управления. Община держала под своим надзором каждого крестьянина и тем бесконечно облегчала помещику управление крепостными, а государственной власти — управление страной. Помещики являлись местными правителями, представителями государства, ничего ему не стоящими: «Что помещичье управление было управлением наиболее дешевым и удобным, государственная власть признала уже давно. С конца XVIII века она начала копировать помещичье управление в вотчинах государственных крестьян и переносить туда крепостные порядки и вместе с тем и земельное равнение — поземельную общину. И уже в первой четверти XIX столетия почти у всех свободных крестьян устанавливаются отношения, мало чем отличающиеся от отношений, господствовавших у оброчных крепостных крестьян» (Чернышев 1997, 71, 72).

Крестьянская идеология, которая сопровождала борьбу русского крестьянства, выражавшуюся в многочисленных бунтах и восстаниях на протяжении нескольких веков, вытекала из их убежденности, что земля принадлежит государству и что единственным оправданием дворянского землевладения является дворянская государственная служба. Крестьяне считали, что их земельные участки являются частью огромного государственного фонда, из которого они им предоставлялись на протяжении веков. После приватизации поместий крестьяне считали справедливым передать им помещичьи земли, ими обрабатываемые, и освободить их от барщины и оброков в пользу помещиков, т.к. последние были освобождены от обязанности нести государственную службу, а если ее и несли, то за отдельное, не связанное с землевладением вознаграждение, и «кормление» крестьянами дворян-помещиков теряло в их глазах всякую легитимность. Крестьяне никогда не признавали «либеральную» революцию Екатерины II, провозглашенную в Жалованной грамоте дворянству (Леонтович 1995).

¹⁰ «Ст. 18. Подтверждаем благородным, находящимся в службе, дозволение службу продолжать и от службы просить увольнения по сделанным на то правилам». «Ст. 21. Благородный имеет право по прозванию своем писаться как помещиком его поместий, так и вотчинником родовых, наследственных и жалованных его вотчин». «Ст. 22. Благородному свободная власть и воля оставляется, быв первым приобретателем какого имения, благоприобретенное им имение дарить, или завещать, или в приданые или на прожиток отдать, или передать, или продать, кому заблагоразсудит». «Ст. 26. Благородным подтверждается право покупать деревни» (Российское законодательство в X–XX веках 1987, т. 5, 28, 29).

¹¹ Термин *тягло* обозначал трудовой или фискальный показатель для определенного числа работников. Он мог обозначать также обязательства этих работников (*Land Commune and Peasant Community in Russia* 1990, 418). Например, в барщинных имениях Ф.В. Самарина (1817 г.) в разных губерниях объем барщинного тягла обуславливался возрастом (16–18 лет — полтягла, 18–60 лет — полное тягло для мужчин и до 50 лет для женщин). В имениях основанных на оброчной системе, при определении тягла как единицы обложения в пользу помещика и государства принималась во внимание не только рабочая сила семьи, крестьянского двора, но и его хозяйственное состояние (Александров 1976, 206, 207).

Важной частью крестьянской идеологии была также непоколебимая вера в доброго и справедливого царя. Среди крестьян постоянно ходили слухи, что царь (царица) уже дал(а) и землю и волю крестьянам, но помещики и чиновники скрывают это решение от крестьян. Отсюда их попытки обращаться с их «челобитными» непосредственно к государю (государыне). Постановление Сената от 22 августа 1767 г. запрещает под страхом каторжных работ такое обращение и, опровергая слухи об отмене крепостного права, приказывает крестьянам продолжать по-прежнему во всем подчиняться своим помещикам. Постановление предусматривает его чтение во всех церквях в течение месяца во время всех праздничных и воскресных служб и в дальнейшем раз в году во время одной из праздничных или воскресных служб (Miller 1926, 378–380).

К концу XVIII в. помещичья идеология была в корне отличной от крестьянской. Она основывалась на двух идеях, а именно идее повышения доходов, получаемых от поместий, и идее сохранения устойчивости крестьянских хозяйств, так как повышение доходов, получаемых с поместий, не могло быть без этого обеспечено (Confino 1963, 131). Однако эта общая помещичья идеология принимала у разных представителей класса землевладельцев разные формы. Идеологический спектр помещиков касающийся помещичьего землевладения и крепостного права, богато представлен в многочисленных проектах реформ, подготовленных государственными и общественными деятелями России¹². Дифференциация взглядов имела место прежде всего не по вопросам «воли», но по вопросам «земли». Отпускать ли крестьян на волю с землей или без земли, а если с землей, то только ли с приусадебным наделом или также и с полевым, а если с полевым, то какого размера? Важным вопросом, по которому шли дискуссии в проектах и вокруг них, было сохранение или ликвидация института сельской общины. В этой дискуссии победило консервативное крыло класса землевладельцев.

4. ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Практически на протяжении всей русской истории, начиная с возникновения Московской Руси и кончая 60-ми гг. XX в., правовой режим крестьянства резко отличался от правового режима других классов. По большей части этот режим не фиксировался в национальном законодательстве, а представлял собой неписаное обычное право, иногда отражаемое в предписаниях местных властей¹³. Законодательство реформы 1861 г. интересно, кроме всего прочего, тем, что здесь, по-видимому, впервые важнейшие элементы этого обычного права перетекали в письменное национальное законодательство. Причем, что очень важно, реформа не только не отдала русскую аграрную институциональную систему от исходной, но в определенном смысле и приблизила ее к ней. Кроме того, что не менее важно, многие правовые понятия, используемые в законодательных актах реформы, в том или ином виде пережили советское время, а некоторые даже получают второе рождение в настоящее время. Приведем и кратко прокомментируем некоторые статьи центрального законодательного акта реформы, которым является «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»¹⁴.

«3. Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли, предоставляют, за установленные повинности, в постоянное пользование крестьян, усадебную их оседлость, и, сверх того, для обеспечения их быта и для выполнения их

¹² См. первые две главы книги (Медушевский 2005).

¹³ Примерами таких предписаний в период крепостного права могут служить уставы, регламенты, уложения и т.п., которые помещики составляли для своих поместий-вотчин. См., например, «Уложение» для села Поречье (графов Паниных) Ростовского уезда Ярославской губернии (1842 г.) (Конец крепостничества в России 1994, 39–43).

¹⁴ Полный текст этого законодательного акта приведен в (Российское законодательство в X–XX вв. 1989, т. 7, 35–79).

обязанностей пред правительством и помещиком то количество полевой земли и других угодий, которое определяется на основаниях, указанных в местных положениях.

4. Крестьяне за отведенный, на основании предыдущей статьи, надел обязаны отбывать в пользу помещиков определенные в местных положениях повинности: работою или деньгами».

Крестьянское хозяйство имеет два типа земельных участков: *приусадебный надел*, так называемую усадебную оседлость, и *полевой надел*. Первый тип участков успешно пережил советский период и продолжает существовать до сих пор. Второй тип участков был ликвидирован после коллективизации, но в настоящее время и на практике, и законодательно восстановлен. Оба эти типа участков по реформе 1861 г. предоставлялись крестьянам в *постоянное пользование*, а не в собственность. Категория постоянного пользования была основной в советском земельном законодательстве. Полевая земля (полевой надел) предоставляется крестьянам не только и не столько для их собственных нужд, а скорее «для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком».

...17. Вышедшие из крепостной зависимости крестьяне составляют, по делам хозяйственным, сельские общества, а для ближайшего управления и суда соединяются в волости. В каждом сельском обществе и в каждой волости заведование общественными делами предоставляется миру и его избранным, на основаниях, в сем Положении изложенных.

...40. Сельское общество» составляется из крестьян, водворенных на земле одного помещика; оно может состоять либо из целого селения (села или деревни), либо из одной части разнопоместного селения, либо из нескольких мелких, по возможности смежных, и, во всяком случае, ближайших между собою поселков (както: выселков, починков, хуторов, застенков, односельий, или отдельных дворов, и т. п.), пользующихся всеми угодьями, или некоторыми из них сообща, или же имеющих другие общие хозяйственные выгоды.

На территории занимаемой имением одного и того же помещика крестьяне образуют как бы два органа территориального управления, один хозяйственный («сельское общество») и другой административный («волость»). На самом деле речь идет об одном и том же органе. Слово «мир» может быть здесь эквивалентно понятию «сельская община» или просто обозначать жителей данной сельской территории. *Сельское общество* представляет здесь не что иное, как поземельную общину с ее хозяйственно-управленческими и фискальными функциями. *Волость* как сельская территориально-административная единица самого низкого уровня является возвратом к широко распространенной в ранний период существования Московской Руси системе волостей-общин. В советский период волости сразу превращаются в сельсоветы, а после коллективизации сельские общества замещаются колхозами¹⁵.

...46. Сельское общественное управление составляют:

- 1) сельский сход и
- 2) сельский староста. Сверх того, общества, кои найдут то необходимым, могут иметь: особых сборщиков податей; смотрителей хлебных магазинов, училищ и больниц; лесных и полевых сторожей; сельских писарей и т. п.

...51. Ведению сельского схода подлежат:

- 1) выборы сельских должностных лиц и назначение выборных на волостной сход...
- б) дела, относящийся до общинного пользования мирскою землею, както: передел земель, накладка и скидка тягол¹⁶, окончательный раздел общинных земель на постоянные участки и т. п.;

¹⁵ Об этом подробнее речь пойдет ниже.

¹⁶ См. сноску 11 выше.

- 7) при участковом или подворном (наследственном) пользовании землею, распоряжение участками мирской земли, по какому-либо случаю остающимися праздными или не состоящими в подворном пользовании...
- 11) раскладка всех лежащих на крестьянах казенных податей, земских и мирских денежных сборов, равно как земских и мирских натуральных повинностей, и порядок ведения счетов по означенным податям и сборам...
- 13) дела по отбыванию рекрутской повинности, в той степени, в какой они касаются сельского общества;
- 14) раскладка оброка и издельной¹⁷ повинности по тяглам¹⁸, по душам или иным принятым способом, там, где повинности, в пользу помещика, отбываются за круговую порукою целого общества;
- 15) принятие мер к предупреждению и взысканию недоимок.

Два органа территориального управления, «сельское общество» и «волость», сливаются в один, так как имеют одного и того же выборного руководителя, *сельского старосту*, и одного и того же коллективного руководителя — общее собрание, или, по-старому, *сельский сход*. В приведенном выше выборочном списке функций общего собрания имеются как чисто хозяйственные, так и чисто административные. Интересно отметить, что статья 51 предусматривает возможность «окончательного раздела общинных земель на постоянные участки» и участковое или подворное (наследственное) пользование землей, то есть общинное управление не обязательно связывалось с регулярными земельными переделами. Это также соответствует порядку, существовавшему в государственных (черносошных) регионах Московской Руси, особенно долго просуществовавших на северо-востоке страны. Из п. 14 статьи 51 следует, что круговая порука также не является абсолютно обязательной.

...59. Пока крестьяне состоят в обязательных отношениях к помещику, на земле коего они водворены, сельский староста должен: крестьян, отправляющих издельную повинность, наряжать на работу, а с оброчных взыскивать оброк, сообразно с требованием помещика, основанным на правилах местных положений, и вообще немедленно исполнять законные требования помещика, под своею личною ответственностью, согласно с изданными о крестьянах положениями.

...148. Помещику предоставляется, на основаниях и в пределах, ниже сего означенных, вотчинная полиция в сельском обществе временно-обязанных крестьян, на земле его поселенных, и с сим вместе помещик есть попечитель того сельского общества.

149. Помещик имеет право надзора за охранением общественного порядка и общественной безопасности на пространстве принадлежащего ему имения.

...153. В случае злоупотреблений и вообще неисправного исполнения своей должности старостою или помощником старшины, помещик имеет право требовать смены их. Для сего он обращается к мировому посреднику, который, удостоверясь в справедливости требования, сменяет прежних старосту или помощника старшины и назначает новых, по своему усмотрению, на все время, остающееся до истечения срока службы сменяемого. Впрочем, избрание нового старосты или помощника старшины может, с согласия помещика, и до истечения сего срока быть предоставлено самим крестьянам».

Положение подтверждает подчиненное положение старосты, а следовательно всей общины помещику, а также ее инструментальную роль по отношению к нему. Староста обязан исполнять требования помещика, т.е. помещик отдает старосте распоряжения, а в случае необходимости помещик может сместить его с должности, минув общее собрание членов общины. Как и до отмены крепостного права, помещик продолжает выполнять полицейские функции в населенных пунктах, расположенных

¹⁷ То есть барщинной.

¹⁸ См. сноску 11 выше.

на территории его имения. Сейчас в России активно обсуждается необходимость восстановления института сельского старосты, а кое-где в современной России сельский староста стал уже реальностью.

Реформа предусматривала выкуп крестьянами у помещика как приусадебных, так и полевых наделов. При этом правительство предоставляло крестьянам ссуду на длительный срок для осуществления этой выкупной операции¹⁹.

Крестьяне враждебно встретили реформу. Они недоумевали насчет земли, которая будто бы им дается в пользование, но дается не даром, а большей частью за прежние повинности (Конец крепостничества в России, 1994, 251). Размер получаемых в пользование земель был для крестьян недостаточным, а выкупные платежи за эти земли слишком высокими. Два царских указа от 28 декабря 1881 г. нацелены на облегчение груза, который несли крестьяне в результате реформы: первый из них отменяет положение крестьян как временнообязанных по отношению к помещику и причисляет их к разряду крестьян-собственников с 1 января 1883 г., а второй понижает выкупные платежи за землю (Конец крепостничества в России, 1994, 459–461). Однако и эти меры не удовлетворили крестьян. «Россия вступила в XX в. с сохранением помещичьего землевладения при крестьянском малоземелье, с выкупными платежами крестьян за «освобождение» от крепостного права, с политическим господством помещиков в деревне, с крестьянским бесправием, доходившим до административной (без суда) высылки из родных мест и даже телесных наказаний — прямого пережитка крепостного рабства. Сохранение крепостнического насилия над деревней, промедление с проведением давно назревших социально-экономических реформ делало неизбежным революционный взрыв» (Данилов 1996, 5).

Весной 1902 г. усилились крестьянские волнения, а 1905 год отмечен началом первой русской революции: «Осенью 1905 г. крестьянское движение охватывало свыше половины Европейской России, практически все регионы помещичьего землевладения. Всего за 1905 г. было зарегистрировано 3 228 крестьянских выступлений, за 1906 г. — 2 600, за 1907 г. — 1 337 <...> Крестьянская убежденность в том, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает своим трудом, в 1905 г. не только проявилась в массовых захватах помещичьих земель, но и породили программное политическое требование их полной и безвозмездной конфискации. Два обстоятельства способствовали быстрому формированию самой радикальной программы крестьянской революции. Во-первых, основные революционные действия, особенно захват помещичьих земель, проводились вполне легитимными органами общинного самоуправления: решение (“приговор”) принималось на сельском сходе большинством голосов. Община, служившая средством подчинения деревни государственному управлению, являвшаяся традиционной опорой самодержавия, “вдруг” стала действовать как революционно-демократическая организация крестьян в борьбе с помещичьим зем-

¹⁹ Статьи 2, 3 и 4 «Положения о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению ими крестьянами в собственность полевых угодий» предусматривали:

«2. Крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости, предоставляется право выкупать в собственность усадебную их оседлость.

3. Приобретение в собственность крестьянами, вместе с усадебною оседлостью, полевых земель и угодий, отведенных им в постоянное пользование, допускается не иначе как с согласия помещика.

4. При приобретении крестьянами в собственность, вместе с усадебною оседлостью, полевого надела оказывается, в определенных сим Положением случаях, содействие от правительства посредством выкупной операции (выкупа). Содействие сие заключается в том, что правительство ссужает под приобретаемые на этом основании земли определенную сумму, с рассрочкою крестьянам уплаты оной на продолжительный срок, и само взыскивает следующие с них платежи как в счет процентов по выданной сумме, так и на постепенное погашение долга. Означенная сумма выдается помещику процентными кредитными бумагами, по коим правительство принимает на себя уплату процентов и капитала» (Российское законодательство в X–XX веках 1989, т. 7, 120, 121).

левладением, способная к тому же сразу распределить захваченные земли и включить их в производственный процесс <...> Во-вторых, начавшееся с осени 1905 г. составление наказов депутатам, избираемым в Государственную думу, послужило для деревни небывалой политической школой — школой осмысления своего положения в обществе и формулирования своих требований к обществу. Это положение оценивалось в наказах такими словами, как “разорение”, “нужда”, “голод и холод”, “несчастное”, “безнадежное”, “подневольное”, “угнетенное”... Эти требования в конечном итоге сводились к одному: «чтобы вся земля немедленно была объявлена собственностью всего народа» и бесплатно передана «в уравнильное пользование» тем, кто трудится на ней» (Данилов 1996, 9, 10).

5. СТОЛЫПИНСКАЯ РЕФОРМА

Реформа 1861 г. оставила практически без каких-либо серьезных изменений все четыре элемента русской аграрной институциональной системы²⁰. Первая русская революция показала, что в таком виде русская аграрная институциональная система нежизнеспособна. Последовавшая за революцией аграрная реформа, получившая название столыпинской, была нацелена на кардинальное изменение двух из четырех институтов, а именно крестьянского хозяйства и сельской общины. «Революция показала несостоятельность политики, проводившейся по отношению к крестьянству после отмены крепостного права. В частности, надежды на общину как на гарант спокойствия деревни себя не оправдали. Напротив, лишённые в силу общинного характера землевладения “понятия о собственности” (как в свое время говорил С.Ю. Витте), крестьяне оказались весьма восприимчивы к революционной пропаганде. Общинные традиции воспитывали у крестьян привычку к коллективным действиям, вносили в их движение элементы организованности. Поэтому правящие круги начали ориентироваться на разрушение общины и на насаждение в деревне собственника, способного стать оплотом порядка (в силу своей кровной заинтересованности в нем) в условиях медленного, но неуклонного ухода в прошлое старых патриархальных отношений и сопутствовавшего им наивного монархизма, с помощью которого власть ранее удерживала в повиновении крестьянские массы» (История России от древнейших времен до начала XX в. 2001, 152).

Важнейшим законодательным актом реформы был царский Указ от 9 ноября 1906 г.²¹, первый пункт которого гласил: «Каждый домохозяин, владеющий надельной землей на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли» (Российское законодательство в X–XX веках 1989, т. 9, 235). Основное содержание столыпинской аграрной реформы заключалось в разрешении крестьянам выхода из общины, в проведении землеустройства для ликвидации чересполосицы, «насаждении» частной крестьянской земельной собственности путем предоставления крестьянам льготного государственного ипотечного кредита через Крестьянский поземельный банк и переселении крестьян при поддержке государства на окраины империи (*Проскуракова* 2004)²². В указе не случайно употребляется термин «личная собственность», а не

²⁰ Крестьянское хозяйство, сельская община, территориальное управление и поместье-вотчина.

²¹ Позднее он был преобразован с некоторыми поправками в Закон от 14 июня 1910 г.

²² «Отвод земельных участков выходцам из общин производился на следующих условиях:

1. Крестьянин мог получить свои полевые участки в том же виде, в каком ими пользовался, т.е. 5–10–15 полос и более (иногда до 100). В этом случае он пользовался пастбищами, лесами, сенокосами и водопоями вместе с общинниками.
2. Крестьянин мог с согласия общины свести все эти полосы в один отруб, т.е. в один участок. Иногда к отрубам добавляли количество земли, равное его доле в сенокосных пастбищных угодьях.
3. Крестьянин мог с согласия общины получить хутор, который включал полный отруб с добавлением к нему усадебного участка и переноса туда дома и построек, тогда как в первых двух случаях усадьба оставалась в деревне. Отвод участков «выделенцам» назывался укреплением земли в личную собственность, а сами выделившиеся крестьяне — «укрепленцами».

«частная собственность», так как крестьяне могли продать свои наделы лишь лицам, приписанным к какому-либо сельскому обществу, которые могли купить не более шести полных наделов (т.е. шести норм для душ мужского пола). По Столыпину наделная земля не может быть отчуждена лицу иного сословия; наделная земля не может быть заложена иначе, как в Крестьянский банк; она не может быть продана за личные долги, она не может быть завещана иначе как по обычаю (*Проскуракова 2004*).

По мнению В.П. Данилова, столыпинская реформа была направлена на сохранение помещичьего землевладения и расчистку крестьянских земель от «слабых» для «сильных». При этом » десятки и сотни тысяч обездоленных выбрасывались из деревни в город, который не мог их принять, или отправлялись столыпинскими переселенцами в далекие края, где слишком многие оказывались еще в худшем положении, возвращались «обратниками» вконец разоренными и отчаявшимися» (*Данилов 1996, 12*). Однако такой расчистки в сколько-нибудь полной мере произвести не удалось: «К 1915 г. из общины вышло 3084 тыс. дворов (32,5% к числу общинников) по данным на 1905 г., а с учетом продолжавшегося дробления хозяйств — 26%» (*История России от древнейших времен до начала XX в. 2001, 153*). Но если число выходцев из общин по официальным данным было велико в новороссийских губерниях (до 60%), на территории правобережной Украины (до половины) и в ряде центральных губерний (Самарской (49%), Курской (44%), Орловской (39%), Московской (31%), Саратовской (28%)), то в остальных губерниях черноземного центра вышло из общины около четверти дворов. По этим же данным в большинстве нечерноземных губерний доля «выделенцев» была небольшой (в среднем 10%), а в северных и приуральских губерниях она составляла всего четыре-шесть процентов (*Проскуракова 2004*). Кроме того для оценки результатов реформы нужно учитывать, что в число «выделенцев» включали и так называемых подворников²³, то есть крестьян еще до реформы не являющихся членами сельской общины и живущих обособленным подворьем²⁴. В результате реформы «общая численность подворников выросла с 23% в 1905 г. до 30–33% в 1916 г.» (*Данилов 1992, 317*), и их хозяйства занимали около 25–27% крестьянской земли (*Danilov 1990, 290*).

Таким образом, даже по формальным официальным данным результаты реформы были скромными. Однако такой вывод еще более усилится, если начать выяснять, что же из себя на самом деле представляли выход из общины и укрепление за собой в личную собственность причитающейся наделной земли. Чаще всего крестьяне выбирали первый вариант (см. ссылку 22) выхода из общины. При этом сохранялись чересполосица и совместное использование пастбищ и сенокосов: «Указ 9 ноября 1906 года исходил из предположения, что крестьяне, укрепившие свои полосы пахотной земли, впоследствии попросят, чтобы эти полосы были собраны в обособленные хутора. Это ожидание не оправдалось. Аналогичным образом не оправдались ожидания авторов

4. Вместо земельного участка общество могло предложить выходящему из общины крестьянину за причитающуюся ему землю деньги по ее рыночной стоимости.

В первом случае нужно было получить разрешение простого большинства сельского схода, а во втором и третьем случаях — согласие двух третей крестьянского схода. За выходящими из общины укреплялись земельные участки, находившиеся в их пользовании со времени последнего передела» (*Проскуракова 2004*).

²³ «Большая часть крестьянской земли находилась в общинном владении даже накануне революции 1917 года, а единоличные хозяйства были сравнительно редки. Добавление хозяйств, уже державших свою землю в наследственном владении (подворное землевладение) до столыпинской аграрной реформы, к тем, которые укрепили за собой землю на праве личной собственности в годы реформы, дает цифру примерно 27-33 процента крестьянских хозяйств, в той или иной форме наследственно владевших землей накануне 1917 года. В эту сумму входит и значительно меньшее число дворов, реорганизованных в разные формы обособленного хозяйства согласно Указу от 9 ноября 1906 года и Закону 1911 года о землеустройстве» (*Пэллот 2004*).

²⁴ Если до реформы земля подворника принадлежала двору, то есть семье в целом, то после реформы — ее главе.

реформы, что непахотные угодья, такие как пастбища, луга, кустарники и леса, впоследствии будут поделены» (Пэллот 2004). Один из современников писал по этому поводу: «2 миллиона личных собственников не обозначают собой разрушение общины в той мере, в какой это кажется с первого взгляда... преобладающим типом этих личных собственников оказывается чересполосник, “собственность” которого следует считать больше фразой, нежели реальным фактом» («Речь», 124 (1911), 2–3). Исследователь русской аграрной России Джудит Пэллот приводит следующие данные Вольного экономического общества: «В ответах на вопрос (о выходе из общины) анкетированные из самых разных губерний отрицали, что какие-либо крестьяне вышли из общины, даже если в ответе на предыдущий вопрос они подробно описали хозяйства, которые вступили в наследственное владение своими полосами. В Самарской губернии некоторые из анкетированных сопроводили ответы особыми пояснениями в том смысле, что, хотя хозяйства вступили в наследственное владение своей землей, из общины никто не вышел. Например, в Ивановской волости один из отвечавших крестьян писал: “Землепользование в поименованной местности: крестьяне все равно ведут свое хозяйство чересполосно, трехпольное, как укрепившиеся, так и не укрепившиеся, выходить на хутора и отруба никто не думает, потому что из общины нельзя...” Для этого отвечавшего, как и — фактически — для многих крестьян, одного изменения в характере владения землей было недостаточно для того, чтобы считать крестьянина вышедшим из общины, хотя большинство законодателей считали иначе. Более того, крестьянские хозяйства и их родные общины не всегда ощущали обязывающий характер правовых положений, сопровождавших изменения в характере землевладения. В ходе исследования Вольного экономического общества было установлено, что некоторые обладатели наследственных прав на землю воспользовались получением дополнительных полос при последующих переделах земли в их родной общине. .. Как сообщалось в обзоре Вольного экономического общества, крестьяне иногда оставались в неведении относительно того, что они стали собственниками своих наделов и — хотя это было незаконно — продолжали проводить переделы земли» (Пэллот 2004).

Даже в тех случаях, когда крестьяне выбирали второй или третий варианты получения в собственность наделной земли (см. сноску 22), т.е. в виде отрубов или хуторов, община продолжала существовать, т.к. пастбища и сенокосы оставались в общем пользовании: «В большинстве случаев формирование отрубов означало прекращение уравнительного передела пахотной земли, прекращение вмешательства всей общины в семейные разделы, а также отсутствие необходимости для каждого единоличника подчиняться одному и тому же циклу севооборота. Однако же кроме таких проблем существовали и вопросы, относительно которых владельцы отрубов оставались обязанными принимать совместные решения и которые требовали сельского схода. Вопросы были далеко не тривиальные. Так, в северных и центральных губерниях оставался вопрос о том, как вести хозяйство на постоянных пастбищах, а местами он приобрел даже большее значение, чем прежде, из-за того, что скот перестали пастись на парующих землях и жнивье. Как и прежде, решения должны были приниматься сообща о норме отчисления в продовольственные запасы, относительно штрафных санкций к хозяйствам, получившим из общих запасов сверх полагающейся им доли, и об условиях найма пастухов. Пользование неподеленными покосами также требовало общинного принятия решения, как и пользование несельскохозяйственными угодьями и утверждение планов мелиоративных работ. Пока крестьяне собирались, чтобы решать подобные вопросы, община продолжала играть большую роль в организации землепользования... Даже когда проекты землеустройства все-таки приводили к разделению общинных угодий, крестьянские дворы не обязательно прекращали пользоваться ими сообща. Владельцы хуторов, например, иногда заключали соглашения, чтобы пользоваться некоторыми угодьями совместно» (Пэллот 2004).

Что касается хуторов, то они практически не прижились, хотя реформа делала ставку именно на них: «Невозможно оценить, сколько хуторов, созданных землеустроительными комиссиями и Крестьянским банком, остались не обустроенными к 1917 году. Однако же нет сомнений в том, что возникло гораздо меньше “подлинных” хуторов, нежели указывалось в официальных публикациях того времени. Это явление было признано в проведенном Вольным экономическим обществом исследовании общин после 1906 года; ответственный за Орловскую губернию, например, сообщил, что формирование хуторов на земле Крестьянского банка было “номинальным”, поскольку крестьяне полагали, что достаточно построить на укрепленной земле “хижину без окон”, чтобы считать исполненными все данные обещания о переселении. Другой корреспондент из той же губернии заметил, что хуторяне, воспользовавшиеся услугами Крестьянского поземельного банка, продолжали жить в своих крупных деревнях, держась за свои наделы и пася скот, как прежде. В статье в “Речи” о разверстании в Воронежской губернии дано следующее описание хуторов Крестьянского поземельного банка: “На некоторых дворах оборудованы, на других выстроены одни избы, на третьих одни дворовые постройки, на четвертых свезен материал или идет постройка, и, наконец, в большинстве случаев к переселению еще не приступали... (Другой очевидец свидетельствует, что) хутора Крестьянского банка могли иметь не больше, чем “скверную” хижину и “намеки” на будущие строения... Если некоторые “хутора” оставались неустроенными, то на других, где были сооружены постройки, хуторяне жили только несколько месяцев, в период летних полевых работ. В Петровском уезде Саратовской губернии крестьяне жили на хуторах в течение лета, но возвращались в родные деревни зимой, чтобы не замерзнуть, “как кроты”. В Орловской губернии местные крестьяне, которые купили хутора в Ливенском уезде, также не проявили большой склонности жить на них постоянно. Только на 160 хуторах из 600 хозяева жили круглый год”» (Пэллот 2004).

Все вышеприведенное показывает, что столыпинской реформе не удалось ни уничтожить сельскую общину, ни существенно модифицировать институт крестьянского хозяйства. По нашему мнению, два глубоко укоренившиеся элемента крестьянского сознания сыграли в этом решающую роль, а именно убежденность крестьян, что земля не может быть частной собственностью («земля Божья») и отсутствие у большинства крестьян мотивации к обогащению²⁵, что, в отличие от протестантизма, поддерживало православие. Исследования А.В. Чаянова, проведенные в разных губерниях в период осуществления столыпинской реформы, показывают, что мотивацией русских крестьян были не всемерное повышение благосостояния семьи и уж тем более не обогащение, а удовлетворение ее минимальных потребностей, ее выживание, отсюда невосприимчивость русского крестьянина к перспективам, к которым его ориентировала реформа. Нижеприведенные таблицы, составленные по результатам бюджетных обследований, показывают, что «объем хозяйства семьи зависит всецело от числа едоков, а отнюдь не от числа работников» (Чаянов 1989, 241).

Таблица 1

Результаты обследования Чаянова в 1910 г. в Волоколамском уезде Московской области

Отношение едоков к работникам	1,01–1,20	1,21–1,40	1,41–1,60	1,61–∞
«Продукция» работника (руб.)	131,9	151,5	218,8	284,4
На одного работника приходится рабочих дней	98,8	102,3	157,2	161,3

Источник: Чаянов 1989, 241.

²⁵ Мы увидим в дальнейшем, что устойчивость этих двух элементов русского крестьянского сознания станет одной из важных причин краха аграрной реформы в России 1990-х гг.

Таблица 2

«Продукция работника в рублях», результаты обследований Чайнова в 1912–1913 гг.

Отношение едоков к работникам	1,00–1,15	1,16–1,30	1,31–1,45	1,46–1,60	1,61–∞
Старобельский уезд Харьковской губернии	68,1	99,0	118,3	128,9	156,4
Вологодский уезд Вологодской губернии	63,9	79,1	84,4	91,7	117,9
Вельский уезд Вологодской губернии	59,2	61,2	76,1	79,5	95,5

Источник: Чайнов 1989, 240.

По данным Вольного экономического общества, абсолютное большинство крестьян (от 70 до 90% ответов на анкету) было настроено против реформы (Российское законодательство в X–XX вв. 1994, т. 9, 234), однако даже те, кто участвовал в ней, «взаимодействовали с реформой, модифицируя ее так, чтобы сохранить и воспроизвести некоторые из привычных практик землепользования» (Лэллот 2004). Аналогичное явление мы будем наблюдать и при реализации аграрной реформы в 1990-е гг., но об этом ниже.

6. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Одним из политических результатов первой русской революции было возникновение политических партий и Думы. Важнейшими частями программ всех политических партий были их аграрные программы²⁶. Эти программы демонстрируют богатый идеологический спектр, существовавший в России накануне Октябрьской революции, однако далеко не всем из этих идеологий суждено было повлиять на эволюцию русской аграрной институциональной системы. Здесь мы ограничимся характеристикой только двух идеологий из этого спектра, а именно марксистской и народнической. Первая была идеологией РСДРП, а вторая накануне революции была представлена Партией социалистов-революционеров, Всероссийским крестьянским союзом, Трудовой народно-социалистической партией и Трудовой группой в Государственной Думе.

Как известно, марксистская идеология предполагает, что социальные реальности определяются классовой борьбой. В капиталистическом обществе, а считалось, что Россия того времени уже во многом стала капиталистической, противопоставлены друг другу как в городе, так и в деревне два класса, а именно буржуазия и пролетариат. В соответствии с этим РСДРП предусматривала, с одной стороны, бороться с остатками феодализма в отношениях между помещиками и крестьянами, чтобы дать свободу буржуазным отношениям, а с другой стороны, привлечь сельский пролетариат к союзу с пролетариатом городским для совместной борьбы с городской и сельской буржуазией.

В 1903 году Ленин издает в Женеве брошюру под названием «К деревенской бедноте. Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы». В ней он объясняет бедным крестьянам причины их бедности и как нужно с ней покончить: «Происходит это прежде всего от того, что громадная масса земли, а также фабрики, заводы, ма-

²⁶ См.: Аграрный вопрос в программах политических партий России. Документы и материалы. Последняя треть XIX в. — октябрь 1917 г. 2000.

стерские, машины, здания, пароходы — принадлежат в собственность небольшому числу богачей <...> На этих богачей народ работает по найму, за плату, за кусок хлеба. Все, что вырабатывается сверх нищенского содержания рабочих, все это идет в руки богачей, все это составляет прибыль, их “доходы” <...> Вот почему рабочие социал-демократы говорят, что единственное средство положить конец народной нищете, это — изменить снизу доверху теперешние порядки во всем государстве и установить *порядки социалистические*, то есть отнять у крупных землевладельцев их имения, у фабрикантов их фабрики и заводы, у банкиров их денежные капиталы, уничтожить их *частную собственность* и передать ее в руки всего рабочего народа во всем государстве. Тогда распоряжаться трудом рабочих будут не богатые люди, живущие чужим трудом, а сами же рабочие и их выборные» (Ленин 1903, 15, 17). Ленин указывает, что «крестьяне есть разные: одни бедствуют и голодают, другие богатеют. Стало быть, все больше становится таких богатых крестьян, которые тянут к помещикам, которые будут держать сторону богатых против рабочих» (Ленин 1903, 15, 17). Он подчеркивает, что община (мир, общество) не есть союз, который нужен сельской бедноте, так как он объединяет крестьян как бедных, так и богатых, причем именно последние в нем главенствуют. Беднякам «нужен союз для борьбы с богатыми», а значит, «мирской союз» им не годится (Ленин 1903, 25). Ленин объясняет, что богатый крестьянин не может быть союзником бедного так как «подобно помещикам богатые крестьяне тоже живут чужим трудом. Подобно помещикам, они богатеют потому, что разоряется и нищает масса крестьянства. Подобно помещикам, они стараются выжать как можно больше работы из своих батраков и заплатить им как можно меньше» (Ленин 1903, 29, 30).

В своей брошюре Ленин много места уделяет среднему крестьянству. Он утверждает, что «буржуазия старается привлечь среднего крестьянина на свою сторону тем, что обещает ему всякие меры для улучшения хозяйства (дешевые плуги, сельские банки, введение посева трав, дешевую продажу скота и удобрений и тому подобное), а также тем, что делает крестьянина участником всяких сельскохозяйственных союзов (коопераций)» (Ленин 1903, 35). Он призывает средних и бедных крестьян не верить тому, что «улучшение хозяйства и удешевление плугов поможет им всем из нужды выбиться и на ноги встать, не трогая вовсе богатых людей» (Ленин 1903, 36). Приводя некоторые данные по сельскохозяйственной кооперации в Германии, он утверждает, что от кооперации выигрывают помещики и богатые крестьяне, а «люди, которые кричат о спасении среднего крестьянина всякими подобными союзами», просто «вводят мужика за нос» (Ленин 1903, 37).

Ленин оспаривает и называет лживыми книги и речи, в которых говорится, «что мелкое хозяйство самое выгодное, самое доходное, что мелкое хозяйство процветает; поэтому, дескать, так много повсюду мелких хозяйств в земледелии, поэтому-де они так крепко за землю держатся (а не потому, что все лучшие земли заняты буржуазией, все деньги тоже у нее в руках, а беднота теснится и мается всю жизнь на клочках земли» (Ленин 1903, 38). Что касается земельной собственности, то этот важный элемент идеологии выражен им следующим образом: «Когда мы добьемся социализма, когда рабочий класс победит буржуазию, — тогда вся земля будет общей, тогда никто не будет иметь права продавать землю» (Ленин 1903, 60).

Социалистическое будущее сельского хозяйства и место в нем единоличного крестьянина Ленин видел следующим образом: «Когда рабочий класс победит всю буржуазию, тогда он отнимет землю у крупных хозяев, тогда он устроит на крупных экономиях *товарищеское хозяйство*, чтобы землю обрабатывали рабочие вместе, сообща, выбирая свободно доверенных людей в распорядители, имея всякие машины для облегчения труда, работая посменно не более восьми (а то и шести) часов в день каждый. Тогда и мелкий крестьянин, который захочет еще по-старому, в одиночку,

хозяйничать, будет хозяйничать не на рынок, не на продажу первому встречному, а на товарищества рабочих: мелкий крестьянин будет доставлять товариществу рабочих хлеб, мясо, овощи, а рабочие будут без денег давать ему машины, скот, удобрения, одежду и все, что ему нужно. Тогда не будет борьбы между крупным и мелким хозяином из-за денег, тогда не будет работы по найму, на чужих людей, а все работники будут работать на себя, все улучшения в работе и машины пойдут на пользу самим рабочим, для облегчения их труда, для улучшения их жизни» (Ленин 1903, 61).

Мы привели такие большие выдержки из брошюры Ленина, так как, по нашему мнению, они отражают достаточно полно взгляды Ленина относительно сельской России, которые определяли в течение многих лет, в том числе накануне и после Октябрьской революции, с одной стороны, восприятие сельских реальностей будущим главой российского государства и его соратниками, а с другой стороны, определяли его и их революционные устремления. Однако не эти идеи легли в основу российского аграрного законодательства, регулирующего сельскую жизнь после Октябрьского переворота. Ими оказались идеи народничества, которые были очень близки русскому крестьянству.

По-видимому, лучше всего аграрная народническая идеология, которая оказала решающее влияние на российское аграрное законодательство после Октября, которое регулировало российскую сельскую жизнь вплоть до коллективизации, т.е. в течение десяти лет, была выражена в «Проекте земельной реформы 104 членов Государственной Думы от 23 мая 1906 г.»²⁷. Первые три пункта проекта выражают вековые устремления русского крестьянства:

1. Земельное законодательство должно стремиться к тому, чтобы установить такие порядки, при которых вся земля с ее недрами и водами принадлежала бы всему народу, причем нужная земля для сельского хозяйства могла бы отдаваться в пользование только тем, кто будет ее обрабатывать своим трудом. Все граждане должны иметь равное право на такое пользование.
2. С этой целью должен быть образован общенародный земельный фонд, в который должны войти все казенные, удельные, кабинетные, монастырские и церковные земли; в тот же фонд должны быть принудительно отчуждены помещичьи и прочие частновладельческие земли, поскольку размеры отдельных владений превышают установленную для данной местности трудовую норму.
3. Надельные земли и те из частновладельческих, которые не превышают трудовой нормы, остаются за теперешними их владельцами, но должны быть приняты законодательные меры, чтобы предотвратить скопление земель выше трудовой нормы в одних руках и обеспечить постепенный переход их в общенародную собственность» (Дебаты о земле в Государственной Думе (1906–1917 гг.). Документы и материалы 1995, 55).

Проект предусматривал преимущества в получении земельного участка для сельского хозяйства местному населению перед пришлым и земледельческому перед неземледельческим (п. 9). Наделение землей из общенародного фонда производится в пределах трудовой нормы (п. 10), которая может быть пересмотрена и изменена в случае изменений хозяйственной условий местности (п. 12). В случае прекращения или уменьшения хозяйствования на полученной из народного фонда земле, она подлежит возвращению в этот фонд и переуступка общенародной земли частным путем «не

²⁷ Этот проект был выдвинут «Трудовой группой» (трудовики), образовавшейся в (Первой) Государственной Думе; в состав ее входили депутаты-крестьяне и интеллигенция народнического направления» (Дебаты о земле в Государственной думе (1906–1917 гг.). Документы и материалы 1995, 380). Проект, состоявший из первых 16 пунктов данного (были исключены 4 последних пункта проекта, которые касались земельных комитетов, образуемых на переходный период), был заявлен также и во Второй Государственной Думе 6 марта 1907 года Трудовой группой и Крестьянским союзом.

должна быть допускаема» (п. 13). Пункт 16 проекта гласит: «Заведование общенародным земельным фондом за исключением земель, имеющих общенародное значение, должно быть возложено на местные самоуправления, избранные всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, которые в пределах, установленных законом, действуют самостоятельно».

Между февралем и октябрём 1917 г. крестьянские выступления развертывались в тех же направлениях и формах, как в 1905–1907 гг., «однако масштабы и темпы событий, их организованность и сила возросли в огромной степени. Захваты помещичьих земель и разгромы усадеб начались в марте-апреле, местами (например, в Ранненбургском уезде Рязанской губернии) к началу полевых работ основная масса помещичьих имений была сметена. Фактическим захватом части помещичьих земель было прекращение выплаты крестьянами арендной платы, осуществленное и повсеместно» (Данилов 1996, 13). Фактически это была крестьянская революция, программа которой, «появившаяся в 1905 г., приобрела еще большую определенность в массовую поддержку деревни. Написанные в мае 1917 г. указы депутатам Всероссийского съезда крестьянских Советов требовали полного и немедленного уничтожения частной собственности на землю и передачи ее в трудовое пользование на равных началах» (Данилов 1996, 13).

19–20 августа в «Известиях Всероссийского Совета крестьянских депутатов» опубликован сводный наказ, составленный на основе 242 наказов с мест депутатам Первого Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Знаменитый Декрет Ленина о земле есть фактически не что иное, как раздел о земле этого сводного наказа. Вот некоторые пункты этого декрета-наказа:

- 1) Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду, либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т.д., отчуждается безвозмездно, обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней. <...>
- 6) Право пользования землей получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи, или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Наемный труд не допускается. <...>
- 7) Землепользование должно быть уравнительным, т.е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительской норме. Формы пользования землей должны быть совершенно свободны, подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках.
- 8) Вся земля, по ее отчуждению, поступает в общенародный земельный фонд. Распределением ее между трудящимися заведуют местные и центральные самоуправления, начиная от демократически организованных бессловных сельских и городских общин и кончая центральными областными учреждениями. <...>

Все советское земельное право до коллективизации было основано на этом декрете. За октябрьским Декретом о земле последовал Декрет ВЦИК РСФСР от 27 января 1917 г., а затем и Земельный кодекс 1922 года, который предусматривал два типа распределения сельскохозяйственных земель внутри сельского общества: по едокам или по работникам (Danilov 1990, 295).

Таблица 3

Среднестатистическое крестьянское хозяйство в 1924/1925

	Число душ обоего пола (без наемных рабочих)	Вся сельско- хозяйственная площадь (га)	Пахотная земля (га)	Лошади рабочие	Волы рабочие	Коровы	Всего скота в переводе на взрос- лый
Потребитель- ская полоса	6,01	6,5	3,46	0,98	0,00	1,69	3,73
Производя- щая полоса	6,10	9,46	7,68	0,92	0,09	1,19	3,51
Северный Кавказ	6,05	10,3	7,35	1,06	0,92	1,64	5,63

Источник: Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917–1927. 199.

Период между Октябрьской революцией и коллективизацией является совершенно особенным в эволюции русской аграрной институциональной системы. Октябрьская революция дала русским крестьянам то, что они требовали в течение веков. Социализации и перераспределению подверглись не только земли помещичьи, государственные, удельные, монастырская, церковные, но и земли крестьян-единоличников. Произошло «возрождение общины, которая к 1927 г. на территории РСФСР охватывала 95,5% крестьянских земель», и «осередничивание» крестьянских хозяйств, натурализация производства, ослабление рыночных связей и преодоление — в значительной мере — социально-экономического расслоения деревни» (Данилов 1992, 319). ЦСУ СССР приводит в справочнике, подготовленном под редакцией А.В. Чаянова, следующие данные относительно средних размеров крестьянских хозяйств в 1924/1925 гг.

7. КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Коллективистское преобразование сельского хозяйства, то есть уход, или по крайней мере уменьшение роли крестьянского хозяйства, было важным элементом большевистской идеологии. Как мы видели выше, в 1903 г. Ленин предполагал, что социалистическое преобразование сельского хозяйства в России начнется с создания рабочими на базе помещичьих усадеб «товарищеских хозяйств», и такие хозяйства, получившие название «коммун», создавались, но показали свою полную нежизнеспособность. Что касается крестьян, то они проявили свое полное нежелание трудиться сообща. По-видимому, для Ленина выгода коллективного труда в сельском хозяйстве была настолько очевидна, что он считал это нежелание происходящим от непонимания этой выгоды и, следовательно, временным.

Но шли годы, Ленин был вынужден отказаться от политики продовольственных конфискации военного коммунизма и перейти к продовольственному налогу нэпа, а дело создания коллективистского сельского хозяйства застряло на мертвой точке. В то же время кооперативное движение среди русского крестьянства, начатое еще до революции, получило большое развитие. Те самые снабженческо-сбытовые, перерабатывающие и кредитные кооперативы, которые в своей брошюре 1903 г. Ленин высмеивал как неспособные вывести крестьян из бедности, как выдумки буржуазии, стремящейся отвлечь крестьянство от союза с рабочим классом, стали повседневной реальностью русского крестьянства 1920-х гг. Ленин не мог не видеть их успехи. Все это, по-видимому, и привело Ленина в конце своей жизни к необходимости радикально пересмотреть свои взгляды на социалистическое преобразование в сельском хозяйстве в своей статье, написанной в январе 1923 года и напечатанной 26 и 27 мая 1923 г. в газете «Правда». Вот некоторые важные выдержки из этой статьи:

«У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимания на кооперацию. Едва ли все понимают, что теперь, со времени Октябрьской революции и независимо от нэпа (напротив, в этом отношении приходится сказать: именно благодаря нэпу), кооперация получает у нас совершенно исключительное значение. В мечтаниях старых кооператоров много фантазии. Они смешны часто своей фантастичностью. Но в чем состоит их фантастичность? В том, что люди не понимают основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплуататоров. Теперь у нас это свержение состоялось, и теперь многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неподкрашенной действительностью <...> кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую и которую, с известной стороны, имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения <...> На кооперацию у нас смотрят пренебрежительно, не понимая того, какое исключительное значение имеет эта кооперация, во-первых, с принципиальной стороны (собственность на средства производства в руках государства), во-вторых, со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина*» (Ленин 1979).

После смерти Ленина его два аграрных идеологических наследия, идеи Ленина до статьи «О кооперации» и идеи Ленина в этой статье, были персонифицированы соответственно в Троцком и Бухарине. Первые получили свое развитие в работах соратника Троцкого Е. Преображенского. По его мнению, в период первоначального социалистического накопления государственная экономика не может обойтись без отчуждения части прибавочного продукта, создаваемого в деревне (*Préobrajensky* 1966, 135, 136). Преображенский предусматривал в качестве средств такого отчуждения использовать налогообложение кулаков (*Préobrajensky* 1966, 140) и политику цен (*Préobrajensky* 1966, 152). Сталинская коллективизация представляет собой более радикальный вариант «отчуждения части прибавочного продукта создаваемого в деревне».

Автором советской аграрной идеологии был, безусловно, Сталин. Для придания легитимности своей политике по отношению к деревне, он утверждал, что в ленинизме крестьянский вопрос не был исходным: «Основным вопросом в ленинизме, его отправным пунктом является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре пролетариата, об условиях ее завоевания, об условиях ее укрепления. Крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролетариата в его борьбе за власть, является вопросом производным» (Сталин 1952, 36). Советская аграрная идеология является идеологией колхозно-совхозной системы, но эта система была создана прежде всего не как просто реализация идеи построения социализма в деревне, а как система отвечающая целям индустриализации. Советская власть в рамках нэпа не смогла организовать закупки хлеба достаточные для этой цели. Сталин объясняет необходимость коллективизации именно с этой точки зрения в своей беседе со студентами Института красной профессуры Комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 г., опубликованной 2 июня 1928 г. в газете «Правда» под названием «На хлебном фронте». В ней Сталин указывает на нетоварный характер середняцких крестьянских хозяйств как на причину трудностей снабжения городов хлебом. Для своих объяснений

Сталин использует таблицу, предоставленную ему В.С. Немчиновым, бывшим в то время членом коллегии ЦСУ.

«О чем говорит эта таблица?» — спрашивает Сталин, и сам же отвечает на этот вопрос: «Она говорит, во-первых, о том, что производство подавляющей массы хлебных продуктов перешло от помещиков и кулаков к мелким и средним крестьянам. Это значит, что мелкие и средние крестьяне, освободившись вове от помещичьего гнета и подорвав, в основном, силу кулачества, получили возможностью серьезнейшим образом улучшить свое материальное положение. Это — результат Октябрьской революции. В этом сказывается, прежде всего, тот решающий выигрыш, который получили основные массы крестьянства от Октябрьской революции.

Таблица 4

До войны:

		Валовая продукция хлеба		Товарный хлеб (внедеревенский)		% товарности
		млн пуд.	%	млн пуд.	%	
1	Помещики	600	12,0	281,6	21,6	47,0
2	Кулаки	1 900	38,0	650,0	50,0	34,0
3	Средняки и бедняки	25 000	50,0	369,0	28,4	14,7
	Итого	5 000	100	1 300,6	100	26,0

Таблица 5

После войны (в 1926/27 году):

		Валовая продукция хлеба		Товарный хлеб (внедеревенский)		% товарности
		млн пуд.	%	млн пуд.	%	
1	Совхозы и колхозы	80,0	1,7	37,8	6,0	47,2
2	Кулаки	617,0	13,0	126,0	20,0	20,0
3	Средняки и бедняки	4 052,0	85,3	466,2	74,0	11,2
	Итого	4 749,0	100	630,0	100	13,3

Она говорит, во-вторых, о том, что основными держателями товарного хлеба являются у нас мелкие и, прежде всего, средние крестьяне. Это значит, что не только с точки зрения валовой продукции хлеба, но и с точки зрения производства товарного хлеба СССР стал, в результате Октябрьской революции, страной мелкокрестьянского хозяйства, а середняк — “центральной фигурой” земледелия.

Она говорит, в-третьих, о том, что ликвидация помещичьего (крупного) хозяйства, сокращение кулацкого (крупного) хозяйства более чем втрое и переход к мелкому крестьянскому хозяйству, представляющему лишь 11 процентов товарности, при отсутствии сколько-нибудь развитого крупного общественного хозяйства в области хлебного производства (колхозы, совхозы) должны были привести и действительно привели к резкому сокращению производства товарного хлеба по сравнению с довоенным временем. Это факт, что мы имеем теперь вдвое меньше товарного хлеба, несмотря на наличие довоенной нормы валовой продукции хлеба» (Сталин 1952, 194–195).

Этот кажущийся парадокс легко объясняется направленностью производства продуктов питания в русском крестьянском хозяйстве на собственное потребление семьи, а не на продажу. Это вытекает из приведенных в 5 разделе данной статьи результатов

исследований, проведенных Чаяновым. Такое их свойство можно рассматривать как важную часть «социального гена» русского крестьянского хозяйства как социального института. После укрупнения за счет помещичьей земли своих хозяйств крестьянские семьи стали больше производить, просто чтобы больше потреблять, но не для того, чтобы продавать и богатеть. Конечно, сыграли свою роль в их нежелании увеличивать объемы своего производства также и неблагоприятное для крестьян соотношение цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию и их страх попасть в категорию кулаков.

«Выход — по Сталину — состоит, прежде всего, в том, чтобы перейти от мелких, отсталых и распыленных крестьянских хозяйств к объединенным, крупным, общественным хозяйствам, снабженным машинами, вооруженным данными науки и способным произвести наибольшее количество товарного хлеба. Выход — в переходе от индивидуального крестьянского хозяйства к коллективному, к общественному хозяйству в земледелии» (*Сталин* 1952, 196). С самого начала колхозы не имели ничего общего с кооперативами, однако миф, созданный Сталиным, оказался в течение длительного времени очень живучим: «Иногда колхозное движение противопоставляют кооперативному движению, полагая, очевидно, что колхозы — одно, а кооперация — другое. Это, конечно, неправильно. Некоторые доходят даже до того, что колхозы противопоставляют кооперативному плану Ленина. Нечего и говорить, что такое противопоставление не имеет ничего общего с истиной. На самом деле колхозы есть вид кооперации, наиболее яркий вид производственной кооперации. Есть кооперация бытовая, есть снабженческая, есть и производственная. Колхозы представляют неразрывную составную часть кооперативного движения вообще, ленинского кооперативного плана в частности. Проводить ленинский кооперативный план — это значит подымать крестьянство от кооперации бытовой и снабженческой к кооперации производственной, к кооперации, так сказать, колхозной» (*Сталин* 1952, 197).

На протяжении всей своей истории колхозы и совхозы были экономически неэффективны. Создатель колхозно-совхозной системы Сталин с самого начала отдавал себе отчет в их нерентабельности, цель создания этих «социалистических предприятий» была другой. Вот что он говорит по этому поводу в своей знаменитой статье «Год великого перелома», опубликованной в газете «Правда» 7 ноября 1929 г.: «Рухнули и рассеялись в прах возражения “науки” против возможности и целесообразности организации крупных зерновых фабрик в 40–50 тысяч гектаров <...> В капиталистических странах не прививаются крупные зерновые фабрики-гиганты. Но наша страна есть социалистическая страна. Нельзя забывать этой “маленькой” разницы. <...> Там, у капиталистов, крупные зерновые хозяйства имеют своей целью получение максимума прибыли или, во всяком случае, получение такой прибыли, которая соответствует так называемой средней норме прибыли, без чего, вообще говоря, капитал не имеет интереса ввязываться в дело организации зернового хозяйства. У нас, наоборот, крупные зерновые хозяйства, являющиеся вместе с тем государственными хозяйствами, не нуждаются для своего развития ни в максимуме прибыли, ни в средней норме прибыли, а могут ограничиваться минимумом прибыли, а иногда обходятся и без всякой прибыли, что опять-таки создает благоприятные условия для развития крупного зернового хозяйства» (*Сталин* 1952, 301). Тем самым колхозы и совхозы были «генетически» запрограммированы быть нерентабельными, и усилия постсталинских советских руководителей сделать их рентабельными были обречены на провал.

Одним из центральных элементов политики коллективизации и ее идеологической поддержки была ликвидация кулачества как класса. В своей статье на эту тему, опубликованной в газете «Красная звезда» 21 января 1930 г., Сталин дает следующие объяснения: «Чтобы вытеснить кулачество, как класс, для этого недостаточно политики

ограничения и вытеснения отдельных его отрядов. Чтобы вытеснить кулачество, как класс, надо сломить в открытом бою сопротивление этого класса и лишить его производственных источников существования и развития (свободное пользование земель, орудия производства, аренда, право найма труда и т.д.). Это и есть поворот к политике ликвидации кулачества, как класса» (*Сталин 1952, 330*).

Советская система сельского хозяйства, как она была установлена под руководством Сталина и просуществовала несколько десятилетий, и, в какой-то мере, продолжает существовать и сейчас, не была результатом какого-то детально продуманного проекта, а была нащупана Сталиным по результатам первых экспериментов коллективизации. По-видимому, первоначальный замысел коллективизации состоял в обобществлении всех элементов крестьянских хозяйств, однако сопротивление этому со стороны крестьян было слишком сильным. Кроме того, прагматические цели коллективизации, а именно производство и изъятие для целей индустриализации необходимого количества зерна не требовали этого. В своей статье озаглавленной «Головокружение от успехов», опубликованной в газете «Правда» 2 марта 1930 г. Сталин ставит вопрос, каким должно быть основное звено в построении колхозной системы. После последовательного исключения товариществ по совместной обработке земли и сельскохозяйственных коммун он утверждает, что «артель является основным звеном колхозного движения потому, что она есть наиболее целесообразная форма разрешения зерновой проблемы <...> Известно, что в ряде районов СССР, где борьба за существование колхозов далеко еще не закончена и где артели еще не закреплены, имеются попытки выскочить из рамок артели и перепрыгнуть сразу к сельскохозяйственной коммуне. Артель еще не закреплена, а они уже “обобществляют” жилые постройки, мелкий скот, домашнюю птицу, причем “обобществление” это вырождается в бумажно-бюрократическое декретирование, ибо нет еще налицо условий, делающих необходимым такое обобществление <...> Дразнить крестьянина-колхозника “обобществлением” жилых построек, всего молочного скота, всего мелкого скота, домашней птицы, когда зерновая проблема еще не разрешена, когда артельная форма колхозов еще не закреплена, — разве не ясно, что такая “политика” может быть угодной и выгодной лишь нашим заклятым врагам?» (*Сталин 1952, 334, 335*).

Модель, которую нашел Сталин, а именно колхоз-артель, была вполне действенной как с точки зрения предъявляемых к ней требований со стороны государства, так и достаточно жизнеспособной, так как обеспечивала физическое выживание крестьян и воспроизводство их рабочей силы. В рамках этой модели обобществлению подлежали все полевые наделы крестьян, приусадебные же участки (по старому приусадебная оседлость) оставались в пользовании крестьянских семей. В собственности крестьян оставались жилые постройки, частью которых были помещения для скота, сам скот и птица. На объединенных наделах крестьяне, работая «за палочки», т.е. трудодни, которые либо вообще никак не оплачивались, либо имели мизерную натуральную компенсацию, фактически отбывали барщину для государства. На своих же приусадебных участках крестьянские семьи производили в основном для своего собственного потребления растениеводческую продукцию, прежде всего картофель и овощи. Общинные сенокосы и пастбища в этой модели были отданы также в пользование крестьян для кормления их личного скота. Длительное время колхозники были обязаны также кроме «барщины» платить государству натуральный «оброк» продуктами животноводства, произведенными в своих личных хозяйствах (мясо, молоко, масло, яйцо, шерсть и т.п.). Эта система не была чем-то совершенно новым для русских крестьян, ведь отмена крепостного права произошла для них относительно недавно, и его черты наверняка были сохранены крестьянской социальной памятью. Не было для них новым и то, что, как и крепостным, колхозникам вплоть до конца 1974 г. было запрещено покидать свои колхозы. Таким образом, Сталин отказался от идеи пролетаризации

русского крестьянства и тем самым снял с государства ответственность об их выживании, что в случае пролетаризации ему пришлось бы сделать.

По идеологическим причинам крестьянское хозяйство колхозника было названо личным подсобным хозяйством (ЛПХ). Начиная с 1935 г. и до последних дней существования Советского Союза, ограничения на размер ЛПХ почти не менялись. Семье колхозника, «колхозному двору», было разрешено иметь в пользовании приусадебный участок земли под огород, сад и другие нужды до 0,5 гектара, включая землю, занятую постройками. Она могла иметь одну корову с приплодом до одного года и одну голову крупного рогатого скота до 2-летнего возраста, одну свиноматку с приплодом до 3-месячного возраста или двух свиней на откорме, до 10 овец и коз вместе, пчелосемьи²⁸, птицу и кроликов. Сравнивая эти цифры, характеризующие урезанное, т.е. без полевого надела, крестьянское хозяйство колхозника со среднестатистическим крестьянским хозяйством в 1924/1925 (см. таблицу в конце раздела 6 данной статьи), легко прийти к выводу, что в остальном, кроме полевого надела и рабочего скота (лошади и вола), оно мало чем отличалось от доколхозного крестьянского хозяйства. В основном сохранилась и система правил его функционирования, откуда мы можем сделать вывод о том, что коллективизация сохранила вековой русский институт крестьянского хозяйства²⁹.

Несколько сложнее обстоят дела с институтом сельской общины. Как подчеркивалось в предыдущем разделе данной статьи, послереволюционное доколлективизационное десятилетие было отмечено возрождением и расцветом сельской общины. С одной стороны, можно сказать, что коллективизация устранила основные условия существования и функционирования крестьянской общины, как организации крестьян, соседей, единоличников, совместно владеющих землей. Сельское общество формально ликвидировалось, если три четвертых ее членов становились членами колхоза. Таким образом, община заменялась колхозом, которому передавалась и общинная земля, и имеющаяся общинная собственность, как то постройки, оборудование и т.п. Что касается несельскохозяйственной собственности общины-общества, то она передавалась сельскому совету, на территории которого находилась община. Приведя эти данные, В.П. Данилов делает вывод, что русская крестьянская община в процессе коллективизации, в основном в 1930–1932 гг., перестала существовать (*Danilov 1990, 298, 299*). Далее он пишет, что она исчезла во время коллективизации вместе с мелким крестьянским хозяйством (*Danilov 1990, 301*). Как показано выше, последнее утверждение просто неверно, так как коллективизация сохранила крестьянское хозяйство, осуществив в нем только два, хотя и важных изменения, а именно отчуждение от него полевого надела и рабочего скота. Функции сельской общины были шире, чем просто осуществление земельных переделов, и многие из них, в частности координация пользования общественными сенокосами и пастбищами, перешла к колхозу. В каком-то смысле, особенно в послесталинский период, колхоз выполнял функции обеспечения совместного выживания крестьян лучше, чем традиционный сельский мир. По нашему мнению, колхоз является прямым институциональным преемником русской сельской общины.

Советская аграрная институциональная система состояла из трех институтов: колхоз/совхоз³⁰, личное подсобное хозяйство и сельскохозяйственный район (бывший

²⁸ Законодательство 1935 года ограничивало в ЛПХ число пчелосемей двадцатью.

²⁹ Нередко можно услышать, что коллективизация привела к исчезновению крестьянства, а еще чаще говорят о раскрестьянивании сельских жителей России. Французский социолог-крестьяновед Анри Мендра, автор книги под названием «Конец крестьянства» (*Mendras 1984*), совершенно правильно утверждает, что в отличие от Франции, где крестьянство после Второй мировой войны действительно исчезло, превратившись во французский тип фермеров (*agriculteurs, éleveurs*), в России колхозник остался в значительно большей степени крестьянином, чем наемным работником (*Mendras 1995, 52; Kitching 1998*).

³⁰ Разница между колхозами и совхозами, начиная с 1960-х годов, практически полностью исчезла.

уезд) как объект территориального управления. Последний часто не принимается в расчет, но на самом деле, без принятия его во внимание, сколько-нибудь верное понимание советского сельского хозяйства становится невозможным. После Октябрьской революции поместье полностью как хозяйственная единица и как институт исчезло. На наш взгляд, коллективизация привела к тому, что многие черты института поместья были унаследованы, с одной стороны колхозом, а с другой стороны, сельским районом. На самом деле реальным государственным поместьем-предприятием был сельский район, во главе которого стоял первый секретарь райкома, объединяющий в себе функции и наместника центральной власти, и управляющего государственным районным предприятием. Официально социалистическими сельскохозяйственными предприятиями считались колхозы и совхозы, но на практике они являлись всего лишь цехами сельхозпредприятия-района. И в этом состоит существенная разница подходов ВКП(б)/КПСС в управлении промышленностью, через отраслевые министерства, и сельским хозяйством — непосредственно через райкомы, несмотря на наличие министерства сельского хозяйства. Официально колхоз рассматривался как кооператив, но не один из принципов кооперации на практике не соблюдался. Председатели колхозов назначались секретарями райкомов, хотя формально голосование колхозников производилось, и все решения в большинстве случаев принимались руководством колхоза, без каких-либо консультаций с рядовыми колхозниками. Ну а центральным лицом, принимающим решения по отношению к колхозу, был даже не его председатель, а первый секретарь райкома. Это он принимал решения, когда колхоз должен начать сеять, когда убирать, сколько коров держать, какие технологии использовать и т.д. и т.п.³¹ Ну а важнейшей его обязанностью было обеспечить выполнение хлебозаготовок. Лозунг «Сдать хлеб государству» стал называться первой заповедью колхозника. Как правило, именно в районном центре, рядом с железной дорогой, строился государственный элеватор, куда стекалось все зерно района, часто включая и семенное зерно³².

Автором-создателем и этого элемента советской аграрной институциональной системы был Сталин. В начале коллективизации сельские партийные органы видели свою задачу в ее проведении, в создании колхозов, а не в непосредственном управлении ими. В своей речи 11 января 1933 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Сталин наставляет партийных руководителей внушая им, что такой подход не является правильным: «Чтобы не сорвать заданий Советской власти, коммунисты должны были <...> с первых же дней уборки, еще в июле месяце 1932 года <...> всемерно усилить и подгонять хлебозаготовки. <...> А как они поступили на деле? <...> Они стали бояться не того, что сдержанность крестьян в деле хлебосдачи может затормозить хлебозаготовки, а стали бояться того, что крестьяне не догадуются попридержать хлеб для вывоза его потом на рынок по линии колхозной торговли и, чего доброго, возьмут да сдадут весь свой хлеб на элеваторы.

Пока в деревне преобладал единоличный хозяин, партия могла ограничивать свое вмешательство в дело развития сельского хозяйства отдельными актами помощи, совета или предупреждения. Тогда единоличник сам должен был заботиться о своем хозяйстве, ибо ему не на кого было взвалить ответственность за это хозяйство, которое было лишь его личным хозяйством, и не на кого было рассчитывать, кроме себя самого. Тогда единоличник должен был сам заботиться о севе, об уборке, и вообще обо всех процессах сельскохозяйственного труда, если он не хотел остаться без хлеба и стать жертвой голода. С переходом на коллективное хозяйство дело существенно изменилось. Колхоз не есть единоличное хозяйство. Колхозники так и говорят теперь:

³¹ Первый секретарь райкома имел в своем подчинении для подготовки решений не только собственно аппарат райкома, но также и сельхозотделы райисполкомов.

³² Иностранцы часто с удивлением обнаруживали отсутствие в СССР зерновых хранилищ не только в домохозяйствах, но и в колхозах.

“колхоз мой и не мой, он мой, но вместе с тем он принадлежит Ивану, Филиппу, Михаилу и другим членам колхоза, колхоз общий”. Теперь он, колхозник, вчерашний единоличник и сегодняшний коллективист, — теперь он может взвалить ответственность и может рассчитывать на других членов колхоза, зная, что колхоз не оставит его без хлеба. Поэтому забот у него, у колхозника, стало меньше, чем при индивидуальном хозяйстве, ибо заботы и ответственность за хозяйство распределены ныне между всеми колхозниками.

Что же из этого следует? А из этого следует то, что центр тяжести ответственности за ведение хозяйства переместился теперь от отдельных крестьян на руководство колхоза, на руководящее ядро колхоза. Теперь крестьяне требуют заботы о хозяйстве и разумного ведения дела не от самих себя, а от руководства колхоза, или, вернее, не столько от самих себя, сколько от руководства колхоза. А что это значит? Это значит, что партия уже не может теперь ограничиваться отдельными актами вмешательства в процесс сельскохозяйственного развития. Она должна теперь взять в свои руки руководство колхозами <...> Партия, если она хочет руководить колхозным движением, должна входить во все детали колхозной жизни и колхозного руководства» (*Сталин 1952, 443–437*).

Из всех трех институтов советской аграрной институциональной системы, а именно колхозов, ЛПХ и районов, только первые два были достаточно детально отражены в советском законодательстве, которое часто принимало форму не законов, а «постановлений партии и правительства». Что касается третьего, и особенно роли партии в непосредственном хозяйственном руководстве, писаное законодательство умалчивало, оставив для партийных органов возможность почти любого произвола. Важнейшим источником колхозного права на протяжении всей истории до конца существования СССР был Примерный устав колхоза, который воплощал в себе вышеизложенные сталинские идеи и получил значение закона. Это означало, что тексты уставов всех колхозов должны строго основываться на тексте Примерного устава.

В 1928 г. в Советском Союзе было 1 600 совхозов и 14 800 колхозов, на долю которых приходилось только 2,7% обрабатываемой земли и в которых работало 4% крестьян (*Seurot 1989, 61*). Коллективизация радикально изменила это положение.

Таблица 6

Продвижение коллективизации

	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936
% крестьян, объединившихся в колхозы	23,6	52,7	61,5	64,4	71,4	83,2	89,6
% обобщественной земли	33,6	67,8	77,6	83,1	87,4	94,1	–

Источник: *Nove 1972, 174*.

8. ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ АГРАРНОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В истории советской аграрной институциональной системы можно выделить два периода: сталинский и пост-сталинский. Второй отличался от первого прежде всего тем, что крестьянство перестало рассматриваться властями как враждебная масса, а деревня — исключительно как источник ресурсов для города. Начало второго периода связано с приходом к власти Н.С. Хрущева. В этот же период начались массовые закупки продовольствия, и прежде всего зерна, за рубежом. Радикальный поворот в советской идеологии иллюстрируется следующим отрывком из выступления Хрущева на декабрьском пленуме ЦК 1963 года: «Нашлись, оказывается, и такие люди,

которые рассуждали: как же так, раньше при меньших валовых сборах зерна мы сами продавали хлеб, а теперь покупаем. Что можно сказать таким людям? Если в обеспечении населения хлебом действовать методом Сталина-Молотова, то тогда и в нынешнем году можно бы продавать хлеб за границу. Метод был такой: хлеб за границу продавали, а в некоторых районах люди из-за отсутствия хлеба пухли с голода и даже умирали»³³. По сравнению со сталинским периодом объем производства и заготовок зерна заметно увеличился, но одновременно резко возросло и потребление: «Так, довоенный уровень питания в семьях колхозников по наиболее калорийным продуктам был заметно превзойден уже в середине 50-х годов, а в 1958 г. по сравнению с 1940 г. они потребляли в 6 раз больше сахара, в 3 раза больше кондитерских изделий и рыбных продуктов, в 2 раза больше мяса» (Зеленин 1999, 92, 96).

Хрущев настаивал на необходимости повышения благосостояния населения и особую роль сельского хозяйства в этом процессе. В новой программе КПСС составленной под его руководством указывалось, что партия должна организовать мощное повышение производительных сил сельского хозяйства, которые позволят решить две тесно связанные между собой проблемы: а) достигнуть изобилия высококачественных продовольственных продуктов для населения и сырья для промышленности; б) обеспечить последовательный переход советской деревни к коммунистическим общественным отношениям и в основном ликвидировать различия между городом и деревней (Программа Коммунистической партии Советского Союза 1962, 75–76). Хрущев сформулировал цель увеличения в течение 10 лет в два с половиной раза, а в течение 20 — в три раза общий объем производства сельскохозяйственной продукции. Советский Союз должен был в течение десяти лет обогнать Соединенные Штаты Америки по производству основных видов сельхозпродукции на душу населения (Программа Коммунистической партии Советского Союза 1962, 77–78).

Основной идеей сельскохозяйственной политики Хрущева было значительное повышение капиталовложений в сельское хозяйство. Немедленным следствием этой идеи в рамках советской аграрной системы созданной Сталиным было увеличение вовлеченности партийного руководства в непосредственное управление сельским хозяйством. Вначале колхозы не были очень большими, и каждый колхоз занимал земли бывших сельских общин, т.е. земли, примыкающие к деревне. Отсюда количество колхозов в административном районе (бывшем уезде) было достаточно большим, но так как задача первого секретаря райкома ограничивалась обеспечением сдачи зерна и других сельскохозяйственных продуктов государству, то количество контактов с хозяйствами не было чрезмерным, и он мог справиться с этой задачей. Направление значительного количества ресурсов в деревню требовало от районного партийного руководства управления их распределением и использованием. Для того чтобы руководитель был в состоянии передавать свои решения исполнителям (руководителям хозяйств), ежедневно получать и осмысливать разнообразную информацию из хозяйств, он может иметь дело только с ограниченным числом этих хозяйств. С увеличением количества перерабатываемой информации и расширением множества принимаемых решений, вызванных ростом инвестиций, возникла необходимость уменьшения количества хозяйств в подчинении первого секретаря райкома, а следовательно, при неизменности административно-территориального деления, увеличения размера хозяйств. Это количество должно быть ниже некоторого порога, определяемого психофизиологическими способностями человека. Для постоянного, почти ежечасного контроля, такой порог находится между 10 и 30 человек в подчинении руководителя³⁴.

³³ Цит. по: Зеленин 1999, 92.

³⁴ Это утверждение подтверждается в частности тем, что число солдат в первичной воинской единице армий всех стран мира, а также количество учеников в школьном классе и студентов в вузовской группах попадают в эту вилку.

По нашему мнению, политика укрупнения колхозов была вызвана прежде всего проблемой управляемости колхозами со стороны партийных органов в условиях резкого увеличения потока ресурсов из города в деревню. По-видимому, укрупнение колхозов чаще всего происходило путем объединения трех соседних колхозов, центральные усадьбы двух из которых превращались в месторасположения контор соответствующих колхозных отделений. Часть деревень была объявлена «неперспективными» и приговорена к постепенному исчезновению³⁵. Иногда созданные путем такого объединения колхозов хозяйства объявлялись совхозами. Как уже отмечалось выше, к 1980-м годам разница между колхозами и совхозами практически исчезла. На целинных землях, там, где хозяйства в виде совхозов создавались вновь на пустом месте, их количество в административных районах сразу определялось в рамках вышеуказаннойвилки³⁶, а так как площадь районов, границы которых чаще всего совпадали с границами царских уездов, была большей, чем в европейской части страны, то и размер хозяйств был здесь большим. Нижеследующая таблица показывает, что среднее количество хозяйств в административных районах оказалось примерно равным среднему значению границвилки психофизиологических возможностей человека.

Таблица 7

Средние размеры колхозов и совхозов и их число в административных районах

1988	Количество административных районов	Число колхозов	Число совхозов	Среднее число колхозов и совхозов в районе	Средний размер хозяйства (колхоза/совхоза) (га)
СССР	3193	27300	23300	15,8	11017,8
Россия	1839	12200	12800	13,6	8700

Источник: Народное хозяйство СССР в 1988, 1989.

Таким образом, хотя в эпоху Хрущева существенных институциональных изменений в сельском хозяйстве не произошло, тем не менее были усилены определенные стороны функционирования института колхоза/совхоза и института районного управления им. Хрущев попытался уменьшить значение, а в перспективе и ликвидировать личные подсобные хозяйства и тем самым радикально отойти от русской аграрной институциональной системы, однако это ему не удалось.

В эпоху Брежнева продолжалась линия на повышение капитальных вложений в сельское хозяйство, оплату труда колхозников, но было в корне пересмотрено отношение к ЛПХ. На XXIII съезде КПСС Л.И. Брежнев заклеил «нарушение (Хрущевым) требований экономических законов развития производства, принципов материальной заинтересованности трудящихся, правильного соотношения личных и общественных интересов» (Материалы XXIII Съезда КПСС 1966, 49). На съезде было решено удвоить капиталовложения в сельское хозяйство, подтверждено значение двух форм социалистического сельского хозяйства (колхозов и совхозов) и отменить преобразования некоторых колхозов в совхозы. Был изменен Типовой устав колхоза. Теперь колхозники работают не за «палочки», т.е. трудодни, которые, как уже отмечалось ранее, либо вообще не оплачивались, либо компенсировались по очень низким ставкам. Типовой

³⁵ А.А. Никонов подсчитал, что в течение 30 лет после принятия этого решения ежедневно в России исчезало 13 деревень (Никонов 1995, 221).

³⁶ Автор, работая в 1995–1997 гг. в качестве консультанта в Акмолинской (бывшей Целиноградской) области, заметил, что количество хозяйств в близлежащих к областной столице районах выше, чем в отдаленных от нее районах. По нашему мнению, объясняется это тем, что в ближних к областному центру районах телефонная и дорожная сети лучше, чем в отдаленных, и тем самым возможности коммуникации между совхозами и райцентром также лучше, что дает возможность райцентру управлять большим количеством хозяйств.

Устав 1969 г., который был несколько изменен и дополнен в 1980 г., предусматривал, что «колхоз устанавливает за работу в общественном производстве гарантированную оплату труда членов колхоза» (Справочник председателя колхоза 1983, 8). Руководители страны полагали, что работники сельского хозяйства, особенно рядовые, работают недостаточно эффективно из-за того, что их труд плохо оплачивается. Оплата их труда была резко повышена и в 80-е годы мало чем отличалась от оплаты рабочих в промышленности. Активно практиковалась сдельная оплата труда, в частности в животноводстве доярки оплачивались за количество надоев молока. Однако все это не принесло ожидаемых результатов. Иногда результат был даже противоположным. Открытые Чаиновым черты русского крестьянства ограничиваться в потреблении малым и не стремиться к повышению благосостояния (см. конец раздела 5 данной статьи) продолжали сказываться как при работе в своем крестьянском хозяйстве, так и при работе в колхозе/совхозе: будучи оплачиваемы по более высоким расценкам, они работали меньше, ориентируясь на сохранение достаточно низкого уровня оплаты труда, который тем не менее их устраивал. Несмотря на регулярное повышение закупочных цен и введение всяческих надбавок к ним, увеличение капитальных затрат и повышение оплаты труда сделало колхозы/совхозы еще более нерентабельными. На погашение текущих затрат и выплату заработной платы государственный банк выдавал краткосрочные кредиты, которые почти никогда не возвращались. Долги хозяйств нарастали и время от времени списывались. Особенно тяжелое положение было в животноводстве, и советское руководство решило частично решить ее с помощью личных подсобных хозяйств.

При Брежневе советское руководство пересмотрело свое негативное отношение к личным подсобным хозяйствам, т.е. крестьянским хозяйствам колхозников, рабочих совхозов, а также практически всех других сельских жителей (учителей, врачей и т.п.). Они перестали рассматриваться как нечто такое, что должно исчезнуть в самое ближайшее время. Новая установка состояла в том, что личные подсобные хозяйства должны быть интегрированы в общественное производство. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 сентября 1977 г. разрешало и даже рекомендовало содержать в хозяйствах пастухов для пастбы скота принадлежащего не только работникам хозяйств, но всем, кто проживает на их территории. Хозяйствам предписывалось предусматривать в своих производственно-финансовых планах обеспечение всех ЛПХ граждан, проживающих на их территории, кормами для скота и птицы, вспашку огородов и другую помощь. Постановление предусматривало предоставление кредитов работникам хозяйств для приобретения коров (до 500 руб.) и телок (до 250 руб.) (Справочник председателя колхоза 1983, 477).

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 января 1981 г. под названием «О дополнительных мерах по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах» в деле интеграции колхозов/совхозов и ЛПХ идет еще дальше. Оно разрешает и рекомендует хозяйствам «заключать на строго добровольной основе договоры с колхозниками, рабочими, служащими и другими гражданами, проживающими на их территории и добросовестно участвующими в общественном производстве, а также с пенсионерами на выращивание и закупку скота и птицы и на закупку излишков молока». Постановление уточняет, что скот, выращиваемый населением по договорам с хозяйствами, может содержаться в ЛПХ сверх норм, установленных законодательством, в частности Типовым уставом колхоза (Справочник председателя колхоза 1983, 478). Постановление заинтересовывало хозяйства закупать у населения животноводческую продукцию тем, что объемы закупленной у населения продукции засчитывались им в объем производства и выполнения государственного плана с выплатой установленных надбавок (Справочник председателя колхоза 1983, 478). Таким образом, даже если колхозы/совхозы скупали

продукцию у населения по закупочным ценам, нередко это делалось по более низким ценам, они получали возможность продавать за достаточно высокое вознаграждение, а именно за надбавки, продукцию государству, которую они сами не производили. Деятельность эту предполагалось развернуть в широких масштабах и поэтому совхозам разрешалось, а колхозам рекомендовалось иметь должность заместителя председателя/директора по вопросам ведения личных подсобных хозяйств работниками совхозов и членами колхозов (Справочник председателя колхоза 1983, 479). Наконец, постановление делает серьезный шаг к возвращению русским крестьянским хозяйствам полевых наделов: оно предусматривало выделение дополнительных участков для выращивания кормовых культур тем гражданам, которые заключили с колхозами/совхозами, или же с организациями потребительской кооперации, договора на производство животноводческой продукции (Справочник председателя колхоза 1983, 479). Для целей помощи ЛПХ постановление рекомендует хозяйствам иметь необходимое количество лошадей и средств малой техники (Справочник председателя колхоза 1983, 480).

Эпоха Горбачева в эволюции советской аграрной институциональной системы началась с его назначения в 1978 г. на пост секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Будучи на этом посту вплоть до своего назначения генеральным секретарем партии, а затем и президентом страны, М.С. Горбачев проявил себя как очень робкий реформатор. По существу, единственным институциональным новшеством, введенным им, было создание супер-министерства Агропрома и соответствующих структур в областях и районах, отраженное в одном из постановлений принятых на Майском Пленуме ЦК КПСС 1982 г. (Продовольственная программа СССР на период до 1990 года 1982, 76–85). В это время считалось, что многие беды сельского хозяйства идут от ведомственной разобщенности. Сельхозтехника и Сельхозхимия управлялись из центра, и на уровне района не всегда достигалась нужная координация решений. Создание районных агропромышленных объединений (РАПО) должно было исправить это положение. Однако превращение начальников сельхозотделов райисполкомов в председателей РАПО мало что изменило по существу (Резервы аграрной экономики 1984).

Став генеральным секретарем ЦК КПСС, Горбачев очень поддерживал и всячески стимулировал практическое применение коллективного (бригадного и семейного) подряда. Это было отражено в Постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР от 20 марта 1986. Однако практика использования договоров подряда внутри колхозов/совхозов довольно быстро выявила противоречия между фактическим статусом их членов подрядных коллективов, с одной стороны, как наемных работников и членов местной сельской общины, а с другой стороны, как членов образований (бригад или семей) формально равноправных партнеров с этими колхозами/совхозами. Независимость подрядных бригад постоянно нарушалась всяческими административными вмешательствами, и даже условия договоров нередко произвольно подвергались «корректировкам». Враждебное отношение к тем, кто решался работать на подряде, выражалось не только со стороны колхозно-совхозного руководства, но и рядовых работников, так как подрядная система неизбежно нередко вызывала очень высокую дифференциацию оплаты труда, с чем большинство не могло согласиться. В результате подряд закрывался либо административно, либо бригада сама от него отказывалась. В своем выступлении на XXVII съезде КПСС Горбачев указал на необходимость творческого использования в нынешних условиях ленинской идеи продналога (Материалы XXVII Съезда КПСС 1986, 31). Три года спустя это указание было реализовано в Постановлении Совета Министров СССР от 5 апреля 1989 г.: колхозы и совхозы получали право свободно продавать свою продукцию, оставшуюся после выполнения ими обязательных поставок государству.

Начиная с 1987 г., в рамках перестройки, советское руководство позволило возникновение частных предприятий в виде кооперативов. Постановления правительства

по этому поводу были опубликованы в апреле 1987 г., а в мае 1988 г. Верховный Совет принял закон о кооперативах, который вступил в силу с 1 июля этого же года. Закон был составлен в духе векового раскола между русскими селом и городом. Сельскохозяйственная часть закона, по существу, подтверждала существовавшую колхозную систему. Напротив, его несельскохозяйственная часть действительно открывала двери для частной хозяйственной деятельности. Именно этой частью закона и воспользовались те, кто желал создать свои фермерские хозяйства, которые были чисто формально оформлены как производственные кооперативы, в списке видов хозяйственной деятельности которых значилось производство сельскохозяйственной продукции. Советское руководство, и, по-видимому, в первую очередь сам Горбачев, надеялось, что частная деятельность не будет основной, а только вспомогательной и будет протекать в основном при государственных предприятиях и организациях. Предполагалось, что взаимодействия частных и государственных предприятий и организаций должны осуществляться в виде отношений аренды. 7 апреля 1989 г. Президиум Верховного Совета СССР принял по этому поводу постановление. Однако аренда внутри колхозов и совхозов не получила сколько-нибудь широкое распространение по той же причине, что и несколько раньше коллективный подряд³⁷.

Важным законодательным актом перестройки был закон СССР от 28 февраля 1990 г. под названием «Основы законодательства СССР и союзных республик о земле». В нем произведен отход от центральной категории «пользование» (применительно к юридическим лицам — «постоянное пользование»), которая была центральной категорией советского земельного права, к категории «владение». Это юридическое понятие применительно к физическим лицам принимает форму «пожизненного наследуемого владения», а применительно к юридическим лицам — форму «постоянного владения». Читатель помнит, что категория «владение», в том числе и «наследуемое владение», была важнейшей категорией земельного права в России с момента возникновения Московской Руси до приватизации поместий, осуществленных при Екатерине II. Понятие «пожизненного наследуемого владения» было введено в этот закон в частности для того, чтобы стимулировать возникновение частных семейных сельскохозяйственных ориентированных на рынок производств, которые в этом законе, да и в разговорном языке перестроечного периода, в чаяновском духе (Чаянов 1989) стали называть «крестьянскими хозяйствами». Важно отметить, что владельцев этих «крестьянских хозяйств» называли не крестьянами, а «фермерами», что объясняется тем, что, с одной стороны, слово «крестьянин» интуитивно правильно вызывало образ сельского жителя, производящего сельхозпродукцию для собственного потребления, а с другой стороны, ассоциировалось с «колхозным крестьянином» из-за глубоко вошедшего в язык словосочетания «колхозное крестьянство». Это противоречие было формально разрешено введением уже в российское законодательство еще перестроечного периода понятия «крестьянское (фермерское) хозяйство», которое было осуществлено в посвященном этой форме хозяйствования законе РСФСР от 22 ноября 1990 г.

Сразу после обнародования в апреле 1987 г. постановлений правительства СССР о кооперативах, спонтанно, в основном горожанами, стали создаваться частные сельскохозяйственные предприятия в форме кооперативов. Их возникновение не было массовым явлением, но к тем, кто их создавал, сразу приковывалось внимание прессы.

³⁷ Вот одно из свидетельств по этому поводу: «Сейчас взят курс на развитие арендных отношений. Но уже теперь, несмотря на робость и постепенность предпринимаемых мер, сторонники сохранения существующего положения — реальные противники перестройки в аграрной сфере — объявляют первых арендаторов кулаками, портят их технику, скот и произведенную продукцию, жгут хозяйственные постройки, произвольно нарушают условия договора и т.п. Преуспевает в этом не только современный "люмпенский" слой деревни. В первых рядах выступает и низовая бюрократия — сидящие на должностях полужнайки-специалисты и разные прочие "ответственные", которые очень не хотят расставаться с пожизненным государственно-гарантированным "кормлением". За спиной этого широкого слоя стоят управленцы более высоких уровней» (Никольский 1989, 89, 90).

Советские руководители всех уровней не хотели заменить колхозы/совхозы частными хозяйственными образованиями, но желали позволить «фермерам» действовать там, где колхозы/совхозы проявляли свою полную беспомощность. Это касалось в частности обширных пространств Нечерноземья, т.е. исконных и исходных территорий Московского государства. Деревня в этом регионе России к 80-м гг. прошлого века сильно обезлюдела, и сельское хозяйство, и в особенности животноводство, очень страдало от недостатка рабочих рук. Руководители некоторых колхозов/совхозов позволяли людям, того желающим, создавать в отдаленных от центральной усадьбы местах свои мелкие хозяйства. В этих местах имелись животноводческие помещения и земли, которые либо вообще не эксплуатировались, либо использовались очень плохо. В каком-то смысле советское начальство рассматривало эти частные хозяйства как что-то вроде коллективного подряда. Создатели же этих частных хозяйств видели то, что они делают совсем по-другому, а именно как попытку преобразования колхозно-совхозного сельского хозяйства в сельское хозяйство западного (фермерского) типа, как начало настоящей аграрной реформы. Эта «реформа» не была официально ни объявлена, ни одобрена, но и не осуждена. Самые противоречивые реакции на это явление со стороны представителей власти мирно сосуществовали. В это время главную роль в подготовке и подталкивании аграрной реформы играли советские средства массовой информации. Не научные работники, а прежде всего журналисты обследовали коллективные хозяйства и пытались найти причины их неэффективности. Журналисты в телевизионных передачах и объемных газетных статьях пропагандировали эффективное функционирование западных фермеров и обслуживающих их кооперативов. Они же рекламировали появляющихся фермеров и представляли их как героев своим телезрителям и читателям. Как уже отмечалось выше, большинство этих фермеров были горожанами. Несмотря на активную пропаганду, сельские жители не проявляли интереса к созданию своих частных товарных хозяйств. Это же нежелание сопровождало и все реформенные 90-е годы.

По инициативе журналистов и некоторых научных работников, глубоко вовлеченных в эту необъявленную аграрную реформу, была создана Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР). На ее учредительном съезде 23–25 января 1990 г. 314 делегатов представляли вновь возникшие мелкие частные хозяйства и сельскохозяйственные кооперативы 57 регионов Российской Федерации. Съезд утвердил Устав АККОР как общественной организации, призванной защищать интересы своих учредителей. Руководство АККОР инициировало разработку в Верховном Совете РСФСР проекта закона РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», который был принят 22 ноября 1990 г. Закон фиксировал статус этого типа хозяйства как юридическое лицо, что было связано с советской правовой практикой, вообще говоря не признающей физическое лицо, как субъект хозяйственной деятельности. Хотя семейный характер этого типа хозяйства в законе упоминался, но вовсе не фиксировался как обязательный. Закон предусматривал создание районными советами специальных земельных фондов для выделения земель тем, кто желает создать частные хозяйства. Этот фонд образовывался из земельного резерва, а также земель, конфискованных у колхозов и совхозов. В законе предусматривалось, что такая конфискация могла быть осуществлена тогда, когда, например, средние урожайности в течение пяти лет на этих колхозных/совхозных землях были на 20% ниже нормативно рассчитанных. Требование о предоставлении земельного участка из этого фонда для создания «крестьянского (фермерского) хозяйства» могло проистекать и от лиц, проживавших ранее в других регионах страны. Закон устанавливал штраф, налагаемый районным чиновникам за нарушение сроков (два месяца) предоставления просящим соответствующего земельного участка или за сокрытие информации о наличии в фонде свободных земельных участков. Закон сформулировал также порядок

создания «крестьянских (фермерских) хозяйств» работниками колхозов и совхозов. В основе этого порядка лежало условное деление всей земли колхоза/совхоза на земельные доли каждого работника. Последний мог потребовать выделение ему в натуре соответствующего этой доле земельного участка для создания своего частного хозяйства.

За этим первым российским реформаторским законом тут же последовал Закон РСФСР от 23 ноября 1990 г. «О земельной реформе». Для того чтобы понять и правильно оценить содержание этого законодательного акта, принятого за год до распада Советского Союза, нужно иметь в виду, что принятие его осуществлялось в период конфронтации президента РСФСР Б.Н. Ельцина и президента СССР М.С. Горбачева. Эта конфронтация проявлялась в частности в так называемой «войне законов», при которой Ельцину и его окружению необходимо было показать, что они стоят за действительно глубокие реформы, в отличие от консервативной советской бюрократии во главе с Горбачевым. «Радикализм» некоторых формулировок этого закона частично объясняется этой конфронтацией, а также наличием среди депутатов Верховного Совета РСФСР очень активного «радикально-либерального» меньшинства, которое добивалось включения в тексты законов формулировок, отражающих либеральную идеологию. Одним из центральных понятий при этом было конечно понятие частной собственности, а применительно к аграрной сфере — частной собственности на землю. Депутаты-аграрники (в своем большинстве председатели колхозов и директора совхозов) под нажимом «либералов-радикалов» были вынуждены согласиться с проникновением в тексты законов терминологии идеологии либерализма, однако с помощью большинства, верного советской системе, они успешно выхолащивали либеральный смысл из законов при их редактировании. В результате законы превращались в совокупность либеральных лозунгов, а не в совокупность действующих либеральных норм.

Так, статья 2 закона «О земельной реформе» гласит: «Земельные участки для производства сельскохозяйственной продукции предоставляются государством в пользование, владение или собственность. Изъятие земельных участков, за исключением случаев, установленных законодательством РСФСР, не допускается. Государство содействует развитию всех форм сельскохозяйственного производства: колхозов, совхозов, крестьянских хозяйств, их кооперативов и ассоциаций, подтверждает многообразие и равенство государственной, колхозно-кооперативной, частной, коллективно-долевой форм собственности. Монополия государства на землю на территории РСФСР отменяется...». Статья 8 этого закона определяет, что «для крестьянского хозяйства земля передается в собственность граждан бесплатно в пределах средней земельной доли, сложившейся в данном административном районе, в расчете на одного работающего в сельском хозяйстве. Дополнительная площадь для ведения крестьянского хозяйства до предельных норм, устанавливаемых в республике, крае, области, может быть получена за плату. Настоящий порядок распространяется и на случаи образования коллективно-долевой собственности на землю. Для ведения личного подсобного хозяйства земельные участки передаются в собственность граждан бесплатно в пределах норм, устанавливаемых сельскими, поселковыми, городскими Советами народных депутатов...». В то же время статья 9, по существу, отменяет, по крайней мере на десять лет, «собственность», только что введенную в предыдущих статьях этого закона: «Продажа или иное отчуждение земельного участка, предоставленного для производства сельскохозяйственной продукции, кроме передачи по наследству, возможны только государству в лице Совета народных депутатов, на территории которого расположен земельный участок. Совет народных депутатов обязан приобрести отчуждаемый земельный участок. В течение десяти лет с момента приобретения прав собственности на земельный участок иная купля-продажа не допускается. В последующем вопрос о купле-продаже земельных участков может быть решен Съездом народных депутатов РСФСР квалифицированным большинством голосов или народным голосованием (референдумом)».

Земельный кодекс от 25 апреля 1991 г. включил в себя все отмеченные выше противоречия.

9. АГРАРНАЯ РЕФОРМА В РОССИИ 90-Х ГОДОВ

Идеология российской экономической реформы 90-х гг. в целом и ее аграрной части, в частности, была экспортирована в Россию с Запада. Бывший сотрудник Международного валютного фонда свидетельствует: «В июле 1990 года, главы семи промышленно развитых стран, собравшиеся на саммит в Хьюстоне, заказали МВФ провести исследование совместно с другими международными финансовыми организациями (Всемирный банк, Организация экономического сотрудничества и развития, Европейский банк реконструкции и развития) о положении советской экономики» (Lenain 1996, 64). Это исследование было опубликовано в феврале 1991 (*A Study of the Soviet Economy* 1991). Именно эта публикация и содержала, по существу, первую программу либеральной экономической реформы в СССР, базирующуюся целиком на неоклассической экономической теории и нацеленной на макроэкономическую стабилизацию, ценовую реформу и либерализацию всей экономики, в том числе и внешней торговли.

Перестройка Горбачева дестабилизировала страну. Августовский путч 1991 г. был нацелен на отстранение Горбачева от власти, а «его провал привел к фактической ликвидации союзных органов власти, и, следовательно, СССР как целостного государства <...> Страна приближалась к катастрофе. Потребительский рынок был полностью разрушен. Города испытывали трудности с продовольствием. Нарастали проблемы энергоснабжения, что грозило быстрым обвалом производства и нехваткой тепла для населения в условиях приближающейся зимы» (May 1995, 37). Несколько команд российских экономистов разрабатывали различные средства для того, чтобы выйти из этой ситуации. Их предложения не были целиком основаны на либеральном подходе и неоклассической экономической теории. Это относится и к правительственной команде во главе с Е.Т. Гайдаром, которая приступила к работе в ноябре 1991 года. Тут же после назначения нового российского правительства группа иностранных советников во главе с Джеффри Саксом прилетела в Москву (Ослунд 1996, 35). Один из членов этой группы советников свидетельствует: «Сначала Гайдар даже не предусматривал полномасштабную либерализацию и стабилизацию до введения в России собственной независимой валюты, на что, по его мнению, потребовалось бы минимум десять месяцев только для технической подготовки. В неофициальном рабочем документе, подготовленном командой Гайдара, предлагались программы постепенной стабилизации и либерализации, которые необходимо было выполнить в течение одного года <...> Иностранные советники настаивали на массивном ударе, который включал бы более широкую одновременную либерализацию цен, более жесткую денежную политику, более решительную либерализацию внешней торговли, немедленную унификацию валютного курса, полную конвертируемость средств для текущих операций и более активные усилия по привлечению иностранного капитала³⁸ <...> Гайдар публиковал статьи и много раз выступал, разъясняя свою политику. Но первой реальной экономической программой был Меморандум об экономической политике Российской Федерации (теневая программа МВФ без финансирования), который был принят правительством 27 февраля 1992 г.» (Ослунд 1996, 88–89).

Нам думается, что российскому читателю не следует напоминать катастрофические последствия этой программы. Возникает вопрос, почему первое постсоветское

³⁸ Эти положения были выражены Джеффри Саксом от имени семи иностранных советников на их встрече с Ельциным, Бурбулисом и Гайдаром 11 декабря 1991 г. Во время этой встречи Сакс в частности намекнул, что в случае принятия их предложений «есть возможность ежегодно получать 15–20 млрд долл. в качестве международной финансовой помощи» (Ослунд 1996, 392).

российское руководство согласилось с ней. По-видимому, отчасти это произошло из-за наивной веры, разделяемой в то время многими российскими гражданами, в западную компетентность, эффективность и доброжелательность. Но, как нам кажется, нужно принять во внимание и продовольственную зависимость России того времени от Запада, и грубый нажим на российское руководство с его стороны. В частности это касалось выплаты Россией долга Советского Союза, происходящего в значительной степени от массивованных в течение длительного времени закупок продовольствия на Западе³⁹.

Что касается аграрной части экономической реформы, то она так же, как и общая ее часть, была продиктована иностранными консультантами, оплачиваемыми международными финансовыми организациями. Одновременно с группой Сакса в ноябре 1991 г. в Москву прибыла команда международных экспертов Всемирного банка, которая представила следующие среднесрочные рекомендации, касающиеся земельной реформы и реструктурирования хозяйств:

- « — Установить полные права владеть, покупать, продавать и закладывать землю без каких-либо ограничений.
- Устранить правовые ограничения на размер хозяйства и право найма рабочей силы.
- Ввести ясные процедуры по распределению земельных участков и имущества совхозов и колхозов между их работниками (они должны быть свободны в выборе, основанном на соответствующей информации относительно имеющихся вариантов способов организации своих хозяйств).
- Ввести к середине 1993 г. законодательство о банкротстве хозяйств и принудить финансово нежизнеспособные хозяйства пройти через процедуры банкротства или ликвидации к концу 1993 года.
- Установить процедуры земельных аукционов.
- Пересмотреть законодательство с тем, чтобы облегчить создание добровольных коммерческих кооперативов, в частности на основе трудовых ресурсов и капитала совхозов и колхозов.
- Начать работу по переводу управленческих функций и функций социального обслуживания от государства и колхозов к местным органам власти» (*Food and Agricultural Policy Reforms in the Former USSR. An Agenda for the Transition 1992, 7–8*).

Эти рекомендации основаны на неоклассической экономической теории. В соответствии с ней при всеобщности частной собственности «невидимая рука» рынка, если устранены препятствия для его свободного функционирования, распределяет ресурсы самым эффективным способом. Применительно к сельскому хозяйству это означает, что достаточно приватизировать землю и другие средства производства, отделить сельскохозяйственные предприятия (колхозы и совхозы) от государства, дать право каждому работнику выйти из колхоза/совхоза и создать свое собственное частное хозяйство, создать в районах земельные фонды для предоставления земель горожанам и жителям других регионов, предоставить всем право покупки и продажи земли, ее залога, а банкам разрешить выдачу кредитов под залог земли для того, чтобы российское сельское

³⁹ Егор Гайдар пишет в своих мемуарах по этому поводу: «Заместитель министра финансов США Дэвид Менфорд угрожал, что, если мы немедленно не подпишем уже выработанное (с СССР) соглашение (о выплате долга), он остановит поставки американского зерна <...> Дальнейшие переговоры с кредиторами, целиком теперь лежащие на плечах российского правительства, по-прежнему оставались крайне важной задачей. Но главное — суда с зерном через океан идут. Ежедневно, ранним утром и поздним вечером, поступают сводки о тех, что в пути, о стоящих под погрузкой, и задержка даже одного из них отзывалась тревогой. Попытки перехвата нашего судна (бывало и такое), неисправность портового оборудования или недоразумение с оплатой фрахта — все это отныне первоочередные заботы» (*Гайдар 1997, т. 1, 318–319*).

хозяйство почти автоматически превратилось в систему западного типа эффективных фермеров. Исходя из неоклассической экономической теории, не имеет большого значения, каково первоначальное распределение земли и других средств производства между свободными экономическими агентами, так как рынок очень быстро перераспределит эти ресурсы в пользу эффективных собственников, владеющих предприятиями оптимальных размеров. Вот почему первоначальное справедливое равное по земле и пропорциональное заработной плате и стажу распределение ресурсов колхозов/совхозов между их работниками является вполне допустимым. Вот признание одного из членов команды Гайдара: «Задача (реформы) состояла в формально юридическом отсоединении сельхозпредприятия от государственных систем финансирования, сбыта и снабжения в надежде на то, что под воздействием рыночного окружения оно начнет экономически приспосабливаться к новой ситуации, соответственно меняя свою внутреннюю структуру и поведение во внешней среде» (Гайдар 1998, 580). Неоклассическая экономическая теория является не чем иным, как наукообразным выражением идеологии либерализма, и не имеет практически ничего общего с экономическими реалиями в западных странах. Если целью вышеприведенных рекомендаций Всемирного банка было действительно создание в России сельского хозяйства, аналогичного тому, что существует на Западе, то тогда можно предположить, что эксперты Всемирного банка просто не знали аграрных институциональных систем своих стран. Изучая эти рекомендации, можно подумать, что они хотели создать в России систему, которая не существует и никогда не существовала нигде в мире⁴⁰.

Первым законодательным актом аграрной реформы⁴¹ был Указ Президента РФ от 27 декабря 1991 г. «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР». Указ предусматривал, что совхозы и колхозы обязаны в 1992 г. провести реорганизацию и привести свой статус в соответствие с Законом РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности», в котором не были предусмотрены такие формы предприятий, как колхоз и совхоз⁴². Местным органам исполнительной власти предписывалось обеспечить контроль за реализацией права членов колхозов и работников государственных предприятий на беспрепятственный выход из них для создания крестьянских (фермерских) хозяйств. Коллективы колхозов и совхозов, использующих землю на праве бессрочного (постоянного) пользования, в соответствии с этим Указом должны были до 1 марта 1992 г. принять решение о переходе к частной, коллективно-долевой и другим формам собственности. Местные администрации должны были обеспечить выдачу гражданам, ставшим собственниками земли, соответствующих свидетельств на право собственности на землю. Указ обязывал руководителей хозяйств в течение одного месяца со дня подачи заявления о создании крестьянского (фермерского) хозяйства выделить земельные доли работника и членов его семьи в натуре. Одновременно с земельной долей выделяется и имущественный пай. Причем при задержке с выделением земли и имущественного пая на руководителей хозяйств местными органами Комитета по земельной реформе и земельным ресурсам налагается штраф в размере трех месячных окладов. Этот же Указ предоставлял крестьянским хозяйствам право залога земли в банках, а банкам разрешал выдачу кредитов под залог земли.

⁴⁰ Это в особенности касается первых двух положений приведенных рекомендаций.

⁴¹ Полная подборка законодательных актов аграрной реформы 90-х годов приведена в (Аграрное законодательство Российской Федерации 1999).

⁴² Интересно отметить, что уже через два месяца после опубликования постановления правительства, воспроизводящего это положение указа, в него была внесена важная корректировка, отменяющая обязательность для колхозов и совхозов приведения их статуса в соответствие с Законом РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности», им разрешалось оставаться колхозами и совхозами в случае принятия собраниями трудовых коллективов сельскохозяйственных предприятий решений о сохранении прежней формы хозяйствования, и при этом за ними закреплялась земля в соответствии с действующим законодательством.

Положения этого Указа Президента были развиты в Постановлении Правительства РФ от 29 декабря 1991 г. «О порядке реорганизации колхозов и совхозов». Кроме того, в Постановлении фигурировали нормы, которых не было в Указе. Так, в нем разрешалось колхозам и совхозам передавать в собственность сельских (поселковых) Советов народных депутатов объекты социальной сферы, жилой фонд, внутрихозяйственные дороги, системы энергообеспечения, водоснабжения, газоснабжения, телефонизации и другие объекты. Постановление предусматривало такую радикальную меру, как ликвидация колхозов и совхозов, которые не обладали финансовыми ресурсами для погашения задолженности по оплате труда и кредитам. В соответствии с Постановлением они должны были объявляться несостоятельными (банкротами) до 1 февраля 1992 г. и подлежали ликвидации и реорганизации в течение I квартала 1992 г.

Большинство сельского населения России были против купли-продажи полевых наделов сельскохозяйственных земель. Однако селяне были заинтересованы во введении права частной собственности на приусадебные участки. Такое право реально было введено в России Законом от 23 декабря 1992 г. «О праве граждан Российской Федерации на получение в частную собственность и на продажу земельных участков для ведения личного подсобного и дачного хозяйства, садоводства и индивидуального жилищного строительства». Введение свободной купли-продажи приусадебных земельных участков облегчалось тем, что де-факто она уже давно существовала в СССР при продаже частных домов (в цене дома «присутствовала» цена участка, на которой этот дом располагался, включая и его сельскохозяйственную часть).

Аграрная реформа, контуры которой были определены в Указе Президента от 27 декабря 1991 г. и Постановлении Правительства от 29 декабря того же года, как признавало само российское правительство, не двигалась. Указ и Постановление либо вообще не выполнялись, либо выполнялись чисто формально в виде смены вывесок, без каких бы то ни было существенных реальных изменений в функционировании аграрных институтов советского типа. Сопротивление реформе на местах сопровождалось сопротивлением ей в Минсельхозе и в российском парламенте. В 1992 г. наметилось, а в 1993 г. приняло особую остроту противостояние исполнительной и законодательной ветвей власти России: Президента с его Правительством и Парламента (сначала Верховного Совета Российской Федерации, а затем Государственной Думы). В области земельного законодательства это выражалось в отказе российских парламентариев принимать земельные законы (Земельный кодекс или Основы земельного законодательства России), где бы была разрешена купля-продажа и залог земель сельскохозяйственного назначения, за исключением приусадебных участков. Указ Президента РФ от 27 октября 1993 г. «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» должен был заменить, выступать вместо отсутствующего радикального земельного закона, который, по мысли его авторов, должен сдвинуть с мертвой точки аграрную реформу в России. Среди прочего этот Указ предусматривал, что собственники земельных долей имеют право без согласия других собственников на выдел земельного участка в натуре для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства, который они могут сдавать в залог и аренду, а также использовать его для расширения до установленной нормы участка, используемого под личное подсобное хозяйство. Этот Указ позволял собственникам земельных долей без согласия других собственников продавать земельные доли другим членам коллектива, а также, и это было серьезным новшеством, иным гражданам и юридическим лицам для производства сельскохозяйственной продукции.

В это время в Нижегородской области проходит эксперимент, проводимый при техническом содействии Международной финансовой корпорации Всемирного банка. В рамках этого эксперимента проходят внутрихозяйственные аукционы по купле-продаже земельных долей и имущественных паев. Правительство одобряет этот экс-

перимент в своем Постановлении от 15 апреля 1994 г. «О практике аграрных преобразований в Нижегородской области». Несколько позже, 27 июля 1994 г., Правительство принимает еще одно Постановление «О реформировании сельскохозяйственных предприятий с учетом практики Нижегородской области», к которому прилагаются «Правила проведения внутрихозяйственных аукционов по распределению земли и имущества при реорганизации сельскохозяйственных предприятий». 1 февраля 1995 г. Правительство в своем Постановлении «О порядке осуществления прав собственников земельных долей и имущественных паев» одобряет прилагаемые к нему «Рекомендации по подготовке и выдаче документов о праве на земельные доли и имущественные паи» и «Рекомендации о порядке распоряжения земельными долями и имущественными паями». Эти рекомендации конкретизируют положения, уже изложенные в принятых ранее постановлениях Правительства по аграрной реформе.

В декабре 1993 г. в России принимается новая Конституция, и вслед за этим 24 декабря 1993 г. Президент подписывает Указ «О приведении земельного законодательства Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации». Этот Указ отменил значительное число статей Земельного кодекса РСФСР, принятого в 1991 г. Однако Указ Президента от 27 октября 1993 г. так и не смог заменить почти отмененный Земельный кодекс. Борьба между исполнительной и законодательной ветвями власти в России по поводу земельного законодательства продолжалась. Дума разработала проект земельного кодекса, многие формулировки в статьях которого, посвященные особенностям оборота земель сельскохозяйственного назначения, нацелены на то, чтобы запретить куплю, продажу и залог земель этого типа. В 1996 г. стало уже ясно, что аграрная реформа в России, как она была определена в конце 1991 г. в Указе Президента и Постановлении Правительства, не осуществлялась. По существу Указ Президента от 27 марта 1996 г. «О реализации конституционных прав граждан на землю» является косвенным признанием этого. В нем повторяется еще раз то, что было уже сказано в Указах 1991 и 1993 гг., но что так и не было фактически реализовано, и предлагаются уточнения предыдущих норм с тем, чтобы они, наконец-то начали работать. 21 июля 1997 г. Президент в соответствии с правом, данным ему Конституцией Российской Федерации, отклоняет Земельный кодекс Российской Федерации, принятый Государственной Думой 11 июня 1997 г. и одобренный Советом Федерации 3 июля 1997 г. В ответ 22 апреля 1998 г. Государственная Дума повторно принимает Земельный кодекс, отклоненный Президентом, и опять направляет его в Совет Федерации.

Президент Ельцин попытался компенсировать эту патовую ситуацию в национальном земельном законодательстве, предложив губернатору Саратовской области принять свой областной земельный закон. Закон Саратовской области «О земле», утвержденный Постановлением Саратовской областной Думы от 12 ноября 1997 г. являлся, по существу, исправленным вариантом проекта Земельного кодекса принятого Государственной Думой Российской Федерации. Исправления осуществлялись практически исключительно в направлении устранения из проекта норм, противоречащих приобретению и реализации прав частной собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения. В частности, была сокращена и полностью переработана глава «Особенности оборота земель сельскохозяйственного назначения». По-видимому, законодатель считал, и в этом смог убедить руководство Саратовской области, что стоит только допустить свободную продажу и залог земли сельскохозяйственного назначения, в область придут эффективные собственники и быстро поднимут ее сельское хозяйство. Однако этого не произошло. Несмотря на то что предложение земель сельскохозяйственного назначения на проводимых в 1998–1999 гг. аукционах было относительно невелико, цены на землю были очень низкими, так как спрос был еще меньше. На аукционы выставлялись только участки из земельных фондов, принадлежащие муниципалитетам, что составляло около 2,5% сельхозугодий области. Быв-

шие колхозы-совхозы не выставляли свои земли на продажу, несмотря на то что более 10% земель сельскохозяйственного назначения области не использовалось. Из 206 земельных участков сельскохозяйственного назначения выставленных на аукционах в 1998–1999 гг. было продано только 102. При этом средняя цена гектара проданной земли этих 102 участков составила 241,2 рубля (данные были предоставлены в феврале 2000 г. Заместителем председателя Комитета по земельным ресурсам Саратовской области Олегом Заковрягиным).

Аграрная реформа 1990-х годов серьезно подорвала сельское хозяйство России, но ей абсолютно не удалось серьезно изменить его институциональную структуру. 1990-е годы характеризуются обвальным падением объемов производства сельскохозяйственной продукции.

Таблица 8

**Динамика некоторых показателей сельского хозяйства в России в 90-е годы
и их сравнение с соответствующими показателями 1913 г.**

Годы 19__	13	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99
Производство зерновых (млн т)	50,5	117	89,1	107	99,1	81,3	63,4	69,3	88,6	47,9	54,7
Урожайность зерновых (ц/га)		19,5	14,4	17,2	16,3	14,4	13,1	14,9	17,8	12,9	14,4
Производство сахарной свеклы (млн т)		32,3	24,3	25,5	25,5	13,9	19,1	16,2	13,9	10,8	15,2
Урожайность сахарной свеклы (ц/га)		240	174	178	191	126	188	174	186	153	185
Производство кукурузы на силос (млн т)		189	151	150	129	87	89	71	71	46	48
Производство сена (млн т)		53,9	50,6	43,0	44,6	44,3	37,2	34,4	34,8	26,5	28,4
Поголовье крупного рогатого скота в т.ч. коров (млн голов)	33*	58,3	57,0	54,7	52,2	48,9	43,3	39,7	35,1	31,5	28,5
	17*	20,8	20,5	20,6	20,2	19,8	18,4	17,4	15,9	14,5	13,5
Годовой удой на корову (т)		2,73	2,57	2,33	2,33	2,13	2,15	2,14	2,23	2,38	2,43
Производство мяса в убойном весе (млн т)	2,6°	10,1	9,4	8,3	7,5	6,8	5,8	5,3	4,9	4,7	4,3

Источник: *Сельское хозяйство в России 1998, 2000, *1916, °1917.*

Таблица 9

Эволюция «сельскохозяйственных предприятий» (бывших колхозов и совхозов)

Годы 19__	85	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99
Количество (тыс.)	24,5	25,8	25,5	26,6	26,9	26,9	26,9	26,9	27,0	27,3	27,3
% убыточных	22	3	5	5	10	59	57	79	82	88	54
Внесение минеральных удобрений (млн т)	9,8	9,9			4,3	2,1	1,5	1,5	1,5	1,3	1,1
Внесение органических удобрений (млн т)	418	389			241	164	127	107	86	72	69
Наличие тракторов (млн)	1,42	1,37	1,34	1,29	1,24	1,15	1,05	0,97		0,86	0,79
Наличие зерноуборочных комбайнов (тыс.)	510	408	394	371	347	317	291	264		231	210
Индекс производства (1990=100)	–	100	91,0	75,3	68,4	57,4	48,6	43,7	44,7	35,1	37,0
% сельхозугодий страны	98,4	98,1	91,2	85,2	82,8	82,4	81,7	81,4	80,4	83,7	83,7

Источник: *Сельское хозяйство в России 1998, 2000.*

Практически объемы сельскохозяйственного производства сократились вдвое и приблизились к дореволюционным.

Формально, юридически преобразовавшись из колхозов и совхозов в кооперативы, акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью, мало изменились с институциональной точки зрения, т.е. правил своего функционирования. При этом, будучи нерентабельными, они последовательно теряли свою материальную базу.

В 1990-е годы фермерские хозяйства не получили сколько-нибудь серьезного развития, с 1994 г. их количество практически не меняется⁴³.

Таблица 10

Динамика фермерских хозяйств

Годы 19__	92	93	94	95	96	97	98	99
Количество (тыс.)	49,0	182,8	270	279,2	280,1	278,6	274,3	270,2
Средний размер (га)	42	43	42	43	43	44	48	51

Источник: *Сельское хозяйство в России 1998, 2000.*

Площади сельхозугодий, занятых переименованными колхозами/совхозами, изменилась незначительно (см. приведенную ниже таблицу), особенно если принять во внимание то, что до реформы пастбища для выпаса индивидуального скота входили в состав колхозно-совхозных земель, а с самого начала реформы были приписаны к местным советам. Площади ЛПХ удвоились, но по-прежнему занимали ничтожную долю земель (около 3 %).

Таблица 11

Распределение земель между различными типами хозяйств (в %)

Годы 19__	85	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99
Сельскохозяйственные предприятия	98,4	98,1	91,2	85,2	82,8	82,4	81,7	81,4	80,4	83,7	81,9
Хозяйства населения	1,6	1,8	2,6	4,0	4,2	4,4	4,7	4,7	4,9	5,4	6,0
Сады и огороды граждан	0,2	0,4	0,7	0,8	0,9	0,9	0,9	0,8	0,8	0,8	0,8
Личные подсобные хозяйства	1,4	1,3	1,9	3,0	2,6	2,7	2,5	2,6	2,7	3,0	2,8
Крестьянские (фермерские) хозяйства	–	0,1	0,6	3,1	4,6	4,8	5,0	5,2	5,7	6,6	6,9
Коммунальные пастбища	–	–	5,6	7,2	7,7	7,7	8,3	8,3	8,4	4,0	4,9

Источник: *Сельское хозяйство в России 1998, 2000.*

Что касается собственности на землю, то «около 70% площадей, находящихся в пользовании сельхозпредприятий, принадлежит акционерам этих предприятий в форме земельных долей» (*Коробейников 2003, 53*). По данным Федеральной службы земельного кадастра, собственники земельных долей распорядились ими следующим образом: 72,6% передано в аренду (в основном своим сельхозпредприятиям); 19,3% передано в уставный капитал на правах пользования; 3,3% передано в уставный капитал; 4,1% выделено в натуре для ведения крестьянского хозяйства; 0,7% выделено в натуре в счет расширения ЛПХ (*Коробейников 2003, 235*).

Доля хозяйств населения в сельскохозяйственном производстве существенно выросла, но не столько за счет увеличения в них объемов производства, сколько за счет

⁴³ Мы увидим ниже, что эта стабилизация и даже некоторое уменьшение количества крестьянских (фермерских) хозяйств сохраняется и поныне (в конце 2006 г. их было 255,4 тыс.).

резкого падения производства в бывших колхозах/совхозах. Что касается фермерских хозяйств, то, занимая в 1999 г. 6,9% сельхозугодий, они производили всего 2,5% продукции. Объясняется это тем, что некоторая часть фермерских хозяйств существовала только на бумаге, «фермеры», зарегистрировав свое хозяйство, занимались торговой деятельностью и свою землю не обрабатывали, а другая часть «фермеров» обрабатывала только часть своих земель, производя продукцию почти только для своего собственного потребления (Wegren 1996, 113; Yefimov 2003, 162–168). Как это ни странно, но наиболее успешными российскими фермерами 90-х гг. были бывшие руководители и специалисты коллективных хозяйств. Поехав в молодости учиться в город, а затем заняв руководящую должность на селе, они полностью освободились от «социально-генетического кода» отсутствия мотивации к повышению своего благосостояния. Кроме того, они обладали многими знаниями, в том числе и управленческо-экономическими, необходимыми фермерам, но которыми рядовые работники коллективных хозяйств не обладали. Наконец, последнее, но далеко не последнее по важности: руководители и специалисты коллективных хозяйств, особенно первые, были еще в советское время членами местных административно-хозяйственных сетей, которые продолжали действовать и после изменения в России политического и экономического строя. Именно в рамках этих сетей и шла значительная часть сельской постсоветской экономической жизни.

Таблица 12

Доли различных типов хозяйств в валовой сельскохозяйственной продукции (в %)

Годы 19__	85	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99
Сельскохозяйственные предприятия	76,9	73,7	68,8	67,1	57,0	54,5	50,2	49,0	46,5	38,7	40,3
Хозяйства населения	23,1	26,3	31,2	31,8	39,9	43,8	47,9	49,1	51,1	59,2	57,2
Крестьянские (фермерские) хозяйства	0	0	0	1,1	3,1	1,7	1,9	1,9	2,4	2,1	2,5

Источник: *Сельское хозяйство в России 1998, 2000.*

Таблица 13

Сравнение эволюции товарных частей в производстве хозяйств населения и сельскохозяйственных предприятий (бывших колхозов/совхозов) (в %)

Годы 19__	91 *	91 **	95 *	95**	96 *	96 **	97 *	97 **	98 *	98 **
Картофель	28,5	42,9	12,2	32,5	10,2	34,7	10,0	38,7	10,2	43,5
Овощи	16,7	92,2	8,8	71,3	8,8	73,8	9,5	72,0	9,5	83,0
Мясо	30,1	97,4	23,0	100	23,2	100	22,9	100	22,4	99,8
Молоко	25,1	90,4	18,4	78,8	18,4	78,3	18,3	80,3	18,3	78,5

*хозяйства населения, **сельскохозяйственные предприятия

Источник: *Сельское хозяйство в России 1998, 2000. Сельскохозяйственная деятельность хозяйств населения 1999.*

Хозяйства населения, среди которых наибольший вес занимали ЛПХ, были ориентированы, как и раньше, прежде всего на самопотребление. Тем самым надежды ряда отечественных и иностранных экспертов на то, что личные подсобные хозяйства станут зародышами фермерских хозяйств, не оправдались. Основную массу товарной продукции производили по-прежнему коллективные хозяйства. Как и перед коллективизацией, было много причин низкого уровня товарности русских крестьянских

хозяйств (для ЛПХ это было среди всего прочего отсутствие надлежащей инфраструктуры и драконовское налогообложение), однако, как и тогда, основной причиной, по нашему мнению, была их проистекающая из глубины веков «социально-генетическая» запрограммированность на производство ради самопотребления.

Количество личных подсобных хозяйств за 1990-е гг. практически не менялось, так как оно просто определяется количеством сельских семей в стране. Размер земельного участка удвоился и стал чуть менее 0,5 гектара, однако основная часть корма для животных ЛПХ по-прежнему выращивалась в колхозах/совхозах (бывших).

Таблица 14

Эволюция личных подсобных хозяйств

Годы 19__	85	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99
Количество (млн)	15,7	16,3	17,1	19,3	16,6	16,6	16,3	16,3	16,4	16,0	15,5
Средний размер земельного участка (га)	0,2	0,2	0,27	0,35	0,35	0,37	0,36	0,36	0,36	0,4	0,4

Источник: *Сельское хозяйство в России 1998, 2000.*

Роль ЛПХ в жизни сельских жителей СССР вообще, и России (РСФСР) в частности, была всегда высокой. Его доля в доходах семьи менялась, и если в сталинский период она приближалась к 100%, то начиная с 1980-х гг. составляла примерно их четверть. С началом в 1990-е г. аграрной реформы эта доля резко возросла, приближаясь для многих к 100%.

Таблица 15

Доля ЛПХ в доходах российских колхозников

1970*	1980*	1980	1985*	1985	1990	1991	1992
35.1	27.5	25.1	26.2	21.8	21.5	30.0	41.6

Источник: *Российская Федерация в 1992, Народное хозяйство СССР в 1988.*
*данные по СССР.

Вышесказанное ни в коем случае нельзя рассматривать как утверждение об отсутствии в 90-е гг. каких бы то ни было важных изменений в русской институциональной аграрной системе. Изменения были неизбежны из-за ликвидации КПСС и в связи с этим и райкомов, игравших, как было отмечено выше, центральную роль в управлении сельским хозяйством в СССР. Однако сразу после ликвидации КПСС и распада Советского Союза районные администрации приняли от райкомов и РАПО эстафету по управлению сельским хозяйством района. Институт района-поместья-вотчины-предприятия продолжал действовать в условиях перехода к рынку. Как известно, в советское время важнейшими рычагами власти районного руководства были «фонды» (право распределять материальные ресурсы). Приватизация и либерализация формально выбили эти рычаги власти из рук районного руководства, однако на практике они частично в измененном виде были сохранены в форме распределения товарных кредитов. Эти товарные кредиты выдавались государством коллективным хозяйствам перед посевной и уборкой в виде горючего и иногда запчастей. Другим рычагом власти, существовавшим в советское время, но который приобрел значительно большее значение в постсоветские 1990-е гг., было направление различных инспекций (налоговой, санитарной, пожарной и т.п.) в предприятия «непослушных» или «провинившихся» руководителей.

Не всегда управляющая деятельность районного руководства в 1990-е гг. вредила производству продовольствия в районе. Проводя обследование в августе-сентябре 1999 г. в ряде районов Самарской области, автор данной статьи заметил крайне интересное явление. Развал производства продовольствия в районе (сельское хозяйство и переработка) был тем выше, чем больше на деле реализовывалась приватизация и либерализация. В тех районах, где реформу, объявленную президентом Ельциным, старались максимально игнорировать и, по существу, в значительной степени сохранили характер отношений между районом и хозяйствами/предприятиями, результаты были не столь мрачными (Yefimov 2003, 192–205). На самом деле объяснение этому явлению очень простое: с экономической точки зрения, результаты будут лучше там, где имеются какие-то, пусть даже и не очень эффективные, институты (правила), чем там, где правила, в рамках которых люди привыкли работать, отменены, а новые или вообще не введены, или люди их еще не освоили, или не хотят применять, так как их применение противоречит их убеждениям и интересам. Это касалось прежде всего покупки и продажи земли. В рамках того же обследования автор обнаружил и другое интересное явление. В трудных условиях 1990-х гг. не все коллективные хозяйства были нерентабельными: в каждом из семи обследованных районов имелись один-два достаточно успешно работающих хозяйства. Рентабельность некоторых из них никак нельзя было объяснить какими-то объективными причинами, например, близостью к городу. Хозяйственные успехи этих хозяйств полностью определялись личностью руководителя, который совмещал в себе черты компетентного предпринимателя и озабоченного судьбой каждого сельского жителя вождя-духовного отца. Это не просто руководитель хозяйства, это — настоящий глава общины, ее постсоветский староста. Обладая неоспоримым моральным авторитетом среди односельчан, он умел справиться и с такими явлениями российской деревни, как пьянство и воровство. Такую роль старост неизбежно играли и менее уважаемые и успешные руководители хозяйств, и даже относительно крупные фермеры, поставляя ресурсы и оказывая услуги жителям села либо в счет арендной платы за земельные доли, либо просто по традиции.

Как и в начале XX в. русские крестьяне его конца относились отрицательно к покупке и продаже земли. Они чувствовали для себя опасность возникновения на всех бывших колхозно-совхозных землях частных сельскохозяйственных предприятий, ориентированных на прибыль. Они понимали, что далеко не всех работоспособных жителей села эти предприятия смогут обеспечить работой. Они также были уверены, что с исчезновением коллективных хозяйств их доступу к ресурсам этих хозяйств (прежде всего кормов) для содержания своего личного скота придет конец. И уж конечно они были уверены, что «частники» не будут оказывать им те услуги, которые оказывали коллективные хозяйства как своим работникам, так и пенсионерам⁴⁴. Если в ответ на столыпинскую реформу русские крестьяне говорили «без общины нельзя», то на реформу 1990-х гг. они реагировали аналогично: «без колхоза нельзя». В конце XX в. российская крестьянская семья была больше зависима от общины (колхоза/совхоза), чем в его начале, так как объединенные «полевые наделы» теперь обрабатывались механизаторами (небольшой частью членов общины), используя средства механизации, а корма для скота, прежде всего зерно, производимые на этих полях, использовались всеми членами общины. Каналы поступления этих кормов в ЛПХ, т.е. в крестьянские хозяйства советского и постсоветского типа, были как законными, так и незаконными. Наиболее распространенным способом законного поступления из коллективного хозяйства зерна в ЛПХ в советское время была натуральная оплата, а в постсоветское время — арендная плата за земельные доли. Незаконным способом

⁴⁴ В частности коллективные хозяйства обеспечивают «достойные» похороны скончавшихся одиноких жителей деревни.

поступления было воровство в коллективных хозяйствах, которое сельскими жителями не рассматривалось как таковое. Явление получило даже специальное название «несунство». Это явление усилилось в постсоветское время. Сельское общественное мнение рассматривало как нечто вполне нормальное продажу на сторону части горючего из бензобака механизатором и «заимствование» для своей личной коровы после дойки колхозных коров ведерка комбикорма. Интересно отметить, что руководители коллективных хозяйств, как до, так и после 1991 г., в большинстве случаев смотрели сквозь пальцы на несунцов, так как это, что может на первый взгляд показаться странным, давало им дополнительный рычаг власти над крестьянами, членами возглавляемой им общины: в любой момент каждый из них мог быть обвинен и подвергнут соответствующим дисциплинарным или даже уголовным санкциям. Ворovali в коллективных хозяйствах не только рядовые жители села, но и их руководители. В постсоветское время большое распространение получил так называемый «откат», когда сельхозпродукция, производимая в хозяйстве, продавалась ниже рыночной цены частным перекупщикам в обмен на некоторую долю разницы в карман главе коллективного хозяйства наличными. Практика повсеместного воровства была одной из причин убыточности коллективных хозяйств.

Итак, русская аграрная институциональная система в ее советском варианте в 1990-е гг. проявила необыкновенную институциональную устойчивость. Этой устойчивости способствовала борьба аграрной бюрократии против реформы как на местах, так и в Думе, но сила этой бюрократии проистекала во многом из поддержки российско-го крестьянства: деревня, с одной стороны, единодушно голосовала за КПРФ и Аграрную партию, а с другой стороны, не была заинтересована в настоящей приватизации коллективных хозяйств, купле-продаже земли и молчаливо саботировала реформу.

10. ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ АГРАРНОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В начале XXI-го в., как и в начале предыдущего, аграрный идеологический спектр российских политических партий был очень широк⁴⁵. Правые партии выступали за частную собственность на землю и были мало озабочены существующими формами сельскохозяйственных предприятий, надеясь, что рынок произведет сам по себе все необходимые изменения. Идеология фермерского будущего России, положенная в свое время в основу сталинской реформы, была в 1990-е гг. президентско-правительственной идеологией, имеющей определенную поддержку в городе, но абсолютно никакой в деревне⁴⁶. Левые партии, КПРФ и Аграрная партия, были по существу за государственную собственность на землю или по крайней мере против купли-продажи и залога земли сельскохозяйственного назначения. Они рассматривали бывшие колхозы и совхозы как адекватную форму для российского сельского хозяйства и предлагали вернуться к советской практике государственной опеки сельского хозяйства. Сельские жители также хотели возврата позднесоветской колхозно-совхозной системы, в которой деревня была в определенной степени на иждивении у государства.

Аграрные идеологические спектры в России начала и конца XX в. были схожими, однако принципиальная разница идеологических ситуаций состояла в том, что в нача-

⁴⁵ См.: *Yefimov, V.* (2003). *Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie*. Paris: l'Harmattan. 45–54, 247–266.

⁴⁶ Мы уже отмечали выше роль журналистов в старте фермерского движения во время перестройки. Единственной политической партией 1990-х гг., практически безоговорочно разделяющей эту идеологическую позицию, была Крестьянская партия России, лидером которой был и остается журналист Юрий Черниченко. Во время встречи автора с Ю.Д. Черниченко в Москве в августе 1999 г., он охарактеризовал свою партию как «партию-головастик», у которой есть руководство, но по существу нет членской базы. В декабре 2007 г. было объявлено о ее слиянии с Республиканской партией России.

ле века идеология русского крестьянства была противоположна идеологии правящего аграрного класса (помещиков), в то время как в конце века русское крестьянство полностью разделяло идеологию правящего аграрного начальства (аграрная хозяйственная вертикаль начиная от руководителей хозяйств) 1990-х гг. В рамках обследований, проведенных в августе-сентябре 1999 г. в Самарской и Ярославской областях и в феврале-марте 2000 года в областях Саратовской и Нижегородской, которые были нацелены на сбор информации относительно функционирования русских аграрных институтов⁴⁷ был получен поначалу совершенно для нас неожиданный результат идентичности идеологических убеждений крестьян и начальства. Обследования проводились в виде бесед⁴⁸ на следующие темы: оценка положения и перспектив в сельском хозяйстве; определение причин ухудшения положения в сельском хозяйстве в девяностые годы и причин убыточности большинства сельскохозяйственных предприятий; выбор наиболее подходящих форм сельскохозяйственных предприятий с точки зрения размера и собственности; оценка будущего крестьянских (фермерских) хозяйств; определение роли государства в сельском хозяйстве; суждения о частной собственности на землю; оценка настоящего и будущего личных подсобных хозяйств; предложения по сельскохозяйственной политике; важная часть беседы с рядовыми работниками коллективных хозяйств касалась их ЛПХ. По диктофонным записям бесед составлялись их транскрипты, которые затем подвергались тщательному анализу. Одним из результатов этого анализа был следующий список идей⁴⁹, разделяемых большинством наших собеседников:

1. Основными причинами убыточности коллективных хозяйств являются диспаритет цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию и недостаточные дотации сельхозпредприятиям.
2. Государство должно контролировать и финансировать сельское хозяйство, а также покупать значительную часть сельскохозяйственной продукции и обеспечивать значительную долю потребностей хозяйств в ресурсах.
3. Наиболее подходящей формой сельскохозяйственных предприятий для России являются крупные хозяйства в коллективной и государственной собственности. Потенциально они более эффективны, чем семейные фермы, так как они могут более успешно использовать достижения научно-технического прогресса.
4. Земли сельскохозяйственного назначения, кроме приусадебных, дачных и садовых участков, не могут быть предметом купли или продажи, оборот земельных долей внутри хозяйств должен быть также ограниченным. На Западе⁵⁰ значительная часть земель сельскохозяйственного назначения находится в собственности государства и сдается фермерам в аренду.
5. Русские веками работали в сельском хозяйстве коллективно⁵¹, работники сельского хозяйства в России склонны к коллективизму, они могут работать только в коллективных хозяйствах.

⁴⁷ Значительно более обширные обследования постсоветского села были проведены Татьяной Нефедовой (Нефедова 2003; Нефедова и Пэллот 2006). Однако их направленность была скорее географическая, чем институциональная.

⁴⁸ В Самарской области были проведены беседы (углубленные интервью, которые нередко длились несколько часов) с 9 руководителями коллективных хозяйств, с 22 рядовыми работниками этих хозяйств, с 5 главами районных администраций, с 4 начальниками сельскохозяйственных отделов районных администраций, с 13 специалистами и фермерами.

⁴⁹ Все эти идеи можно легко опровергнуть или по крайней мере оспорить, но мы здесь в сколько-нибудь систематизированном виде этого делать не будем.

⁵⁰ Данная идея является абсолютно ложной, но миф, основанный на ней, был на удивление очень широко распространенным и выполнял функцию «обоснования» предыдущего утверждения.

⁵¹ Удивительно, насколько единодушно практически все участники бесед повторяли эту фразу, хотя очевидно, что русские веками работали в сельском хозяйстве преимущественно индивидуально в рамках своих крестьянских хозяйств.

6. Государство должно поддерживать все формы сельскохозяйственного производства: коллективные хозяйства, крестьянские (фермерские) хозяйства и хозяйства населения.

Автор задался вопросом, насколько эти идеи будут доминировать и в будущем в сообществе российских аграриев профессионалов? А так как будущие аграрии-профессионалы, прежде чем ими стать, неизбежно проходят обучение в сельскохозяйственных вузах и техникумах, то необходимо было узнать, какое хождение имеют эти идеи среди преподавателей сельскохозяйственных вузов и техникумов и насколько студенты сельскохозяйственных университетов и техникумов, будущие аграрники, их разделяют. Для получения ответа на этот вопрос в декабре 2000 г. автором было произведено обследование высших и средних специальных сельскохозяйственных учебных заведений в пяти российских регионах. С преподавателями проводились беседы по тем же темам, что и с руководителями коллективных хозяйств и аграрными чиновниками районов. Всего были проведены беседы с 26 преподавателями. Что касается студентов, то с ними были проведены опросы на основе анкет, вопросы в которых были идентичны с вопросами к преподавателям, а варианты ответов соответствовали как перечисленным выше идеям, так и их противоположностям. Всего таким образом было опрошено 1 455 студентов.

Большинство преподавателей, причем далеко не только людей старшего поколения, разделяли вышперечисленные идеи. Интересно отметить, что некоторые преподаватели (не один, а несколько) во время бесед путали понятие собственности с понятием иерархической подчиненности. Так, на вопрос: «Кому, по вашему мнению, должны принадлежать бывшие колхозы и совхозы?» — они указывали, каким административным органам эти хозяйства должны подчиняться. На один из наиболее значимых вопросов, а именно: «Какие три формы сельскохозяйственных предприятий вы считаете наиболее подходящими для вашей области?» — проценты студентов, выбравших тот или иной варианты ответов, были следующими:

Таблица 16

а) крупные хозяйства в собственности всех их работников	61,7
б) крупные хозяйства в собственности их управленцев	35,9
в) крупные хозяйства в собственности внешних частных лиц	23,6
г) крупные хозяйства в собственности внешних юридических лиц	18,1
д) крупные хозяйства в муниципальной собственности	29,7
е) семейные фермерские хозяйства без наемного труда	33,4
ж) семейные фермерские хозяйства с наемным трудом	56,8
з) хозяйства населения (ЛПХ)	31,1
и) если другие, то назовите их	1,2

Формулируя варианты ответов на этот вопрос, автор не включил в них «крупные хозяйства в собственности государства», так как считал, что в 2000 г. его никто из студентов, проживших половину своей жизни в условиях русского капитализма, не выберет. Можно сказать, что почти случайно автор включил соответствующий вариант в множество ответов на следующий вопрос: «Кому, по вашему мнению, должны принадлежать бывшие колхозы и совхозы?» Каково же было удивление автора когда он стал устойчиво в разных вузах и техникумах, расположенных в далеко друг от друга отстоящих регионах, получать примерно четверть студенческих голосов в пользу государственных сельскохозяйственных предприятий. Необходимо отметить, что, в отличие от предыдущего вопроса, где предлагалось выбрать три наиболее подходящих ответа, этот вопрос требовал выбора только одного ответа. Те ответы, в которых присутствовало более одного варианта, рассматривались как недействительные (их оказа-

лось 3,2%) и не были засчитаны, однако, что очень существенно, большинство из них выбрали одновременно вариант А и Г (см. табл. 17). Для многих студентов не было легко выбрать между этими двумя вариантами. Одно из них выбрали 54,5% опрошенных, что близко к 61,7% выбравших вариант а) при ответе на предыдущий вопрос. По нашему мнению, это есть не что иное, как современная форма русской идеи «земля великого князя, земля государственная, но пользуется и управляет ей мир». Мы приводим в Приложении полные результаты анкетирования студентов и предоставляем читателю самому сделать соответствующие выводы.

Таблица 17

	А) коллективам предприятий	Б) нынешнему руководству предприятий	В) частным лицам, которые приобретут эти предприятия	Г) государству	Д) организациям инвесторам	Е) другим
Вся выборка	29,2	6,0	27,0	25,3	11,7	0,8
Москва	26,0	8,2	32,9	12,3	17,8	2,7
Ленинград. область	33,3	10,0	33,8	15,9	6,5	0,5
Курская обл.	27,9	5,3	27,3	24,7	14,0	0,8
Ростовская область	27,4	4,4	25,0	33,5	9,0	0,7
Новосибирск. область	32,0	6,4	22,4	24,4	14,4	0,4
Вузы	29,6	4,6	25,7	24,1	15,0	0,9
Техникумы	28,4	8,3	29,0	27,3	6,5	0,6

Вышеохарактеризованная идеология успешно функционировала в условиях оппозиции по аграрным вопросам между центральной исполнительной и центральной законодательной властью, а также значительной независимостью региональных властей от центра и их влиянием в законодательном собрании (губернаторы и главы областных законодательных собраний были сенаторами)⁵². Этой оппозиции и влиянию региональных властей пришел конец с приходом к власти В.В. Путина. Он восстановил вертикаль исполнительной власти и обеспечил в Думе лояльное Президенту большинство.

Будучи еще премьер-министром, 1 декабря 1999 г. Путин поручает «Центру стратегических разработок», возглавляемым его петербургским соратником Г.О. Грефом, разработку новой экономической политики, частью которой была аграрная политика. На заседании Правительства Российской Федерации 27 июля 2000 г. были одобрены «Основные направления агропродовольственной политики правительства РФ на 2001–2010 годы». В них, в частности, предполагалось, что «в ближайшее десятилетие за счет собственного производства можно полностью обеспечить внутренние потребности в продовольственном и фуражном зерне, мясе птицы, яйце, молоке и молокопродуктах, овощах и картофеле». В документе указывалось, что для этого «необходимо принять меры по формированию специализированных зон производства этой продукции и осуществлять разумный торговый протекционизм, не допускающий демпинга на внутреннем рынке со стороны зарубежных импортеров и недобросовестную конкуренцию. Большое внимание в нем было уделено регулированию продовольственных рынков. Поэтому в частности, было предусмотрено, что «активную роль в регулировании продовольственных рынков должны играть негосударственные организации (отраслевые «продуктовые» союзы и ассоциации), создаваемые на доброволь-

⁵² Многие представители региональных властей разделяли вышеописанную аграрную идеологию: «По вопросу купли-продажи земли две трети Совета Федерации ответили отрицательно, при этом представители законодательных органов власти (71%) оказались более радикальными, чем представители исполнительной власти (56%)» (Коробейников 2003, 95).

ной основе». Эти «отраслевые союзы (ассоциации), являясь промежуточным звеном между органами государственной власти и отраслью, представляют интересы предприятий в органах власти». В качестве средства борьбы с декапитализацией сельского хозяйства предлагалось сконцентрировать государственные средства, выделенные для этой цели, в специальном государственном лизинговом фонде. При этом указывалось, что «часть средств лизингового фонда целесообразно направлять на оснащение машинно-технологических станций, создаваемых преимущественно на основе кооперации сельхозпроизводителей». Таким образом предполагалось вернуться к практике МТС сталинских времен. В «Основных направлениях» были сформулированы следующие принципы земельных отношений в аграрной сфере:

- частная собственность и другие формы собственности на землю являются неотъемлемым элементом эффективного аграрного сектора;
- для эффективного перераспределения земельных ресурсов между производителями необходим оборот земли и земельных долей;
- регулирование земельного оборота должно обеспечить сохранение сельхозугодий для аграрного производства, соблюдение экологических требований, недопущение излишней фрагментации землепользования;
- разнообразие природно-климатических и демографических условий обуславливает необходимость учета местных особенностей при определении процедур регулирования земельного оборота с соблюдением конституционных норм.

Документ указывал, что «исходя из перечисленных принципов земельных отношений в аграрном секторе, в рамках реализации программ земельной реформы необходимо осуществить следующие меры: обеспечение прав собственников земельных участков и долей; содействие процессу передачи земель эффективно хозяйствующим субъектам; совершенствование механизмов аренды ...». При этом в нем подчеркивалось, что «развитие цивилизованного рынка земель сельскохозяйственного назначения (должно быть) направлено на обеспечение рационального использования, сохранение и улучшение их качества с учетом интересов населения и государства».

В другом варианте «Основных направлений», который был разработан в Центре стратегических разработок, указывалось, что «центральной проблемой села является привлечение инвестиций». В нем предлагалось, что «основными частными инвесторами в сельское хозяйство должны стать предприятия перерабатывающей промышленности, заинтересованные в развитии своих сырьевых зон». Этот вариант предусматривал «стимулирование возникновения вокруг крупных перерабатывающих предприятий холдинговых объединений» путем «уменьшения их налогооблагаемой прибыли на суммы, которые предприятие тратит на расширение и технологическую модернизацию своих сырьевых зон». Именно идеи этого варианта, несмотря на то что он, по видимому, даже не был представлен на заседании Правительства (нельзя забывать, что в 2000 г. Минсельхозпрод был еще бастионом колхозно-совхозной идеологии), стали воплощаться в жизнь.

Россия начала XXI в. была уже капиталистической страной, но российская деревня во многом оставалась еще «советским оазисом». Этот «оазис» создавал проблемы для ближайшего к деревне городского промышленного сектора, сектора переработки сельхозпродукции. С обнищанием и декапитализацией коллективных хозяйств у крупных и средних предприятий переработки начали возникать проблемы с их снабжением сельскохозяйственным сырьем в требуемых количествах и нужного качества. Вот почему поглощение в той или иной форме коллективных хозяйств своих сырьевых зон стало для этих предприятий экономической необходимостью. Отраслевые «продуктовые» союзы, упоминаемые в основных направлениях, уже существовали и состояли из предприятий занятых торговлей и переработкой сельхозпродукции. Собственники этих предприятий использовали эти союзы для лоббирования своих интересов среди

членов правительства и депутатов Государственной Думы. Для усиления этого лоббирования ими было создано «Российское аграрное движение», основатели которого были приняты 2 июля 2002 г. Президентом Путиным, который одобрил их цель как «цивилизованного агропромышленного лоббирования» и обещал поддержать эту организацию. Таким образом монополии проколхозно-совхозной организации лоббирования «Аграрный союз Василия Стародубцева»⁵³ пришел конец.

По данным Всероссийского института аграрных проблем и информатики, в России в 2006 г. было 413 государственных и муниципальных и 318 негосударственных агрохолдингов. На их долю в 2006 г. приходилось 26,5% товарной продукции крупных и средних сельскохозяйственных организаций. Негосударственные агрохолдинги занимали 9,1% сельхозугодий, в том числе 1% занимали агрохолдинги, принадлежащие иностранным юридическим и физическим лицам. В сельхозорганизациях, входящих в отечественные агрохолдинги, занято 8,5% работников всех крупных и средних сельскохозяйственных организаций. Значительно выше доля российских агрохолдингов в товарной продукции и прибыли (соответственно 10,8 и 12,5%). Наиболее эффективны сельхозорганизации, входящие в агрохолдинги с иностранными головными компаниями. Наименее эффективны государственные агрохолдинги. Муниципальные агрохолдинги убыточны. Эти муниципальные агрохолдинги представляют собой в определенном смысле возрождение идеи РАПО (Петриков и др. 2007, 32–36).

Приведем два наиболее ярких примера реализации идеи создания агрохолдингов. В качестве первого примера назовем Агропромышленную группу компаний «Юг Руси». Вот информация, помещенная на интернет-сайте этой компании, относительно ее сельскохозяйственного сектора: «В состав группы компаний входит более 20 сельхозпредприятий Ростовской и Волгоградской областей, Краснодарского края, суммарная площадь обрабатываемых земель составляет 200 тысяч гектаров, что составляет около 12% от площади всех сельхозугодий такой страны, как Нидерланды. Благодаря продуманной инвестиционной политике и грамотному менеджменту хозяйства, в большинстве своем стоявшие до вхождения в «Юг Руси» на грани банкротства, получили возможность динамично развиваться и, используя самые современные средства производства и технологии, получать ежегодно около 300 тысяч тонн только зерновых культур. Основной отраслью является растениеводство, все сельхозпроизводители строго соблюдают научный севооборот, применяют передовые технологии, располагают мощными механизированными комплексами» (www.grain.ru).

В качестве другого примера приведем Группу компаний «Русагро». Ее интернет-сайт характеризует ее сельскохозяйственное направление следующим образом: «Уже в 2001 г. в компанию вошли 10 бывших колхозов из 5 районов Белгородской области с общим объемом пахотной земли 50 тыс. га. Сегодня в состав предприятий сельскохозяйственного бизнес-направления входят 33 сельскохозяйственных предприятия из 7 районов Белгородской области с общей площадью пашни более 166 тыс. га, а также транспортное, ремонтное предприятия и элеватор. Основные направления производственной деятельности указанных предприятий — растениеводство и молочное животноводство. Всего поголовье фуражных коров компании составляет 5 тыс. голов. Группа уделяет много внимания прогрессивным технологиям, совершенствованию севооборота, обновлению технической базы сельскохозяйственных предприятий. На полях Группы компаний «Русагро» работает большое количество импортной техники: тракторы *John Deer*, кормоуборочные комбайны *Jaguar* и *John Deer*, зерноуборочные комбайны *John Deer*, свеклоуборочные комбайны WIC, прицепная техника фирмы *Kverneland*. Всего на приобретение и модернизацию основных средств за семь лет было затрачено свыше 1,8 млрд рублей» (www.rusagrogroup).

⁵³ С 1986 г. В. Стародубцев — председатель Всероссийского совета колхозов, в апреле 1990 г. избран председателем Союза аграрников РСФСР (с 1992 г. — Аграрный союз России).

гу). Этот агрохолдинг на 81% принадлежит основателю компании В.Н. Мошковичу, который в настоящее время является сенатором (членом Совета Федерации, представителем от законодательного (представительного) органа государственной власти Белгородской области). По-видимому, принцип «по земле — служба» возвращается из глубины веков и опять начинает действовать в России. Остальные 19% принадлежат председателю правления Собинбанка С.А. Кириленко.

Директор Института конъюнктуры аграрного рынка Д.Н. Рылько, большой специалист по агрохолдингам, уверен, что большинство совладельцев холдингов окажутся именно банкирами, правда для банка инвестиции в сельское хозяйство означают высокие риски, поэтому инвестициями в аграрный бизнес занимаются акционеры банков. Таким банкиром является основатель Московского кредитного банка Р.И. Авдеев. Он рассказывает, что занялся сельским хозяйством в 1996 г., когда приобрел в Липецкой области Елецкий и Лебедянский сахарные заводы. Сейчас его агрохолдинг «Черноземье» арендует более 60 000 га земли и производит до 100 000 т сахара в год. Отношение у него к своему предприятию такое: «Мне от бизнеса ничего не нужно, только деньги. Будут более интересные предложения — продам [“Черноземье”]». В Белгородской области, где агрохолдинги стали появляться раньше, чем в других областях, их основателями стала группа юридических лиц, среди которых наряду с предприятиями перерабатывающей и пищевой промышленности были горнообогатительный комбинат; завод по производству сейфов, металлооборудования, тары; газовая компания. «Но все они уже поварились в рыночном котле, успели понабить шишек, заработали какие-то деньги и пришли в село, чтобы их приумножить», — свидетельствует заведующий сектором ВНИИ экономики сельского хозяйства РАСХН доктор экономических наук В.П. Арашуков. Среди основателей федеральных агрохолдингов фигурирует и Газпром. Он имеет в своем составе 55 крупных и средних сельхозорганизаций, за которыми закреплено 290 тыс. га сельхозугодий и в которых работает 12,5 тыс. человек. «Газпром от сельскрхозяйственной деятельности получает убытки, но не решается на продажу непрофильных активов» (Петриков и др. 2007, 35).

Массовое появление агрохолдингов именно в Белгородской области не было случайностью. По существу они появились по решению губернатора области, который, видя неминуемое разрушение бывших колхозов-совхозов, решил ликвидировать аграрный «советский оазис» в своей области и по существу ввел в ее аграрном секторе что-то вроде НЭПа. Уже в 2003 г. в Белгородской области работало 14 агрохолдингов, из которых, по итогам 2003 г., далеко не все имели положительные тенденции развития. Всего лишь 10 агрохолдингов получили прибыль, а оставшиеся четыре по итогам 2003 г. оказались убыточными. Но уже в ноябре 2006 г. губернатор области мог заявить, что «новыми агрохолдингами произведено 78% всей валовой продукции. За время работы ими в сельскохозяйственное производство инвестировано 25 млрд руб., в том числе более 10 млрд руб. капитальных вложений».

Другим региональным начальником, который всячески содействует созданию агрохолдингов является мэр города Москвы. Департамент продовольственных ресурсов мэрии взял курс на создание агрохолдингов. Предприятиям, производящим сельхозпродукцию, предоставляются кредиты на 3–5 лет. «Наш подход заключается в том, чтобы именно московские предприятия занимались производством сельхозпродукции», — заявил в 2005 г. заместитель руководителя департамента Г. Лифинцев. Два года спустя он сообщил, что в 2007 г. действуют 22 крупных агропромышленных холдинга, которые уже сегодня гарантированно поставляют в Москву существенные объемы продовольственных ресурсов с почти ста входящих в их состав сельскохозяйственных предприятий в 22 регионах. Он отметил, что правительство Москвы за период с 2003 по 2009 гг. инвестирует в развитие агропромышленного сектора страны 42 млрд рублей. Московские агрохолдинги принимают участие в реализации приори-

тетного национального проекта «Развитие АПК», для выполнения которого уже привлечено свыше 10 млрд рублей. Уже сегодня, по его словам, доля поставок московскими агрохолдингами составляет 45% от общего объема поставок мяса из регионов России, зерна — 62%. «В дальнейшей перспективе усилия московского правительства должны привести к тому, что агрохолдинги будут снабжать Москву основными видами продовольствия на треть от общей потребности», — сообщил замглавы департамента. Г. Лифинцев отметил, что московские агрохолдинги дают гарантию поставки определенного количества продукции. Правительство Москвы, поддерживая их, дает им льготные кредиты на дальнейшее развитие, но только если агрохолдинг владеет не менее 51% акций своих предприятий, пояснил он (Интерфакс, 24.10.2007). Первый заместитель главы Департамента продовольственных ресурсов города Виктор Ольховой, выступая с основным докладом в ходе очередного заседания московского правительства, заявил, что в 2009 г. столичные агропромышленные холдинги будут работать в 26 регионах России, в том числе почти в каждом регионе ЦФО. В целом их количество возрастет до 130 (сегодня — 25). Таким образом, зависимость московского рынка от импортного мяса может заметно снизиться. Правительство Москвы подписало совместное с Минсельхозом соглашение о сотрудничестве в реализации госпрограммы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельхозпродукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг. Министр Гордеев отметил важнейшую роль московских агрохолдингов в реализации этого соглашения.

Вушеупомянутый В.Н. Мошкович, не единственный член представительных органов среди владельцев агрохолдингов. Уроженец Курской области, Председатель совета директоров группы компаний «Агрохолдинг», базирующейся в этой области А.В. Четвериков побывал уже с 1999 по 2003 г. депутатом Госдумы, а сейчас является депутатом Думы Курской области. Он еще в 2002 г. так характеризовал свой опыт в сельском хозяйстве: «Люди, исконно живущие на селе, не всегда могут быть активно задействованы в сельскохозяйственном производстве. Простой пример: 10 тыс. гектаров пашни требуют при интенсивной технологии не более 50–60 первоклассных специалистов, а проживает на этой территории в среднем три тысячи человек. Куда податься крестьянину? Люди начинают делать то, что они в таких случаях привыкли делать: воруют, вредят, в жатку бросают лом, выпускают на поля гусей. Наступает время сбора подсолнечника, смотришь, а его давно уже убрали за тебя, кукурузу выломали, затоптали весь горох. Чтобы этого не было, на селе нужно создать более-менее благополучный климат, в том числе социальный. В хозяйствах "Агрохолдинга" предусмотрены все социальные гарантии, начиная от элементарного медицинского обслуживания, снабжения дошкольных и школьных учреждений, и заканчивая стипендиями ученикам, вспашкой огородов, обеспечением ритуальными услугами, транспортом. Средняя зарплата работающих сегодня составляет 1,5 тыс. руб. В растениеводческом проекте задействованы 22 хозяйства. Остальные предприятия приобретены на вторичном рынке — это были ЗАО, ОАО. Скупали акции. Что касается непосредственно земельного проекта, где участвуют земельные паи — их брали в аренду. Сейчас идет процесс выкупа арендованных земельных паев. Мы не хотим обижать крестьян. Если видим, что человек не является сельским жителем, не влияет на складывающуюся инфраструктуру, получил пай по наследству, уехал куда-то, зачем у него арендовать землю, создавать класс рантье? Эту землю выкупают, принимают в уставный капитал, вовлекают в частную собственность. Если же владельцем земли является человек, который проживает в селе, ему дают плату за землю, он остается собственником». По-видимому, А.В. Четверикову не удалось успешно решить перечисленные им проблемы, так как на интернет-сайте его компании (www.agroholding.ru) ее сельскохозяйственная деятельность уже совсем не упоминается.

Можно ли рассматривать явление возникновения агрохолдингов как начало нового цикла в эволюции русской аграрной институциональной системы, где происходит практически возврат к частному поместью-вотчине, которая была важнейшим российским аграрным институтом начиная с Екатерины II до Октябрьской революции? Выше отмечалось, что этот институт никогда не был легитимным в глазах русских крестьян и существование его вызывало многочисленные социальные взрывы, в том числе и две русские революции. Вряд ли от современных русских крестьян можно ожидать открытых бунтов, но они могут применить и применяют на практике другие не менее эффективные способы протеста. Конечно, что касается собственности, то сейчас ситуации владельцев агрохолдингов и помещиков XIX в. резко отличаются: в большинстве случаев предприятия входящие в агрохолдинги, арендуют землю (земельные доли) у крестьян, а не наоборот, но ситуация может со временем измениться, так как все больше владельцев земельных долей являются наследниками получивших эти земельные доли в 1990-е гг. и в данной деревне не живут. Может ли в настоящее время в России быть «мирное сосуществование» между крупными капиталистическими экономически высокоэффективными сельскохозяйственными предприятиями и сельским населением? Если оставить в стороне вопрос о крестьянском мироощущении и рассматривать исключительно материальную сторону вопроса, то проблема крестьянского безземелья в конце XIX — начале XX вв. может принять в XXI в. форму отсутствия или недостаточной помощи бывших колхозов/совхозов, теперь входящих в состав агрохолдингов, крестьянским хозяйствам, то есть ЛПХ. Помощь эта сейчас в большинстве случаев осуществляется в виде арендной платы за земельные доли, как правило в натуре и преимущественно зерном, но может ли быть агрохолдинг рентабельным при величине арендной платы, которая бы удовлетворила крестьян? Насколько нам известно, исследований по этому поводу в России не проводится, но существуют некоторые не очень обнадеживающие свидетельства. Одно из них исходит от председателя совета директоров Группы компаний «ЭФКО»⁵⁴ В.Н. Кустова. Мы позволим себе здесь привести достаточно пространные выдержки из его высказываний:

«ЭФКО создала на базе колхозов новый тип коллективно-акционерной организации сельскохозяйственного производства. Мы стали совладельцем бывших колхозов, выделили необходимые для подъема разоренных хозяйств инвестиции и привнесли свой опыт организации <...> Многие считают, что первые шаги руководителя агрохолдинга очень просты: мы будем владеть, а они будут работать, мы берем на себя ответственность за крупнотоварное производство, а все проблемы крестьян для нас не существуют. Но проблемы на сельской территории существуют, и они заставили обратить на себя внимание: мы получили сожженные комбайны, металлические штыри на полях... Вот тогда мы поняли, что ситуацию надо прояснить, и пригласили группу московских социологов для проведения исследования, автором и научным руководителем которого стал доктор философских наук, профессор Высшей школы экономики Азер Эфендиев <...> Оказалось, что материальных потребностей у этих людей нет, эмоциональных тоже. То есть мотивировать их нечем. Каждый второй сказал, что ему не нужен туалет в доме. Двадцать восемь процентов не видят необходимости в душе, тридцать пять — в легковом автомобиле. Шестьдесят процентов

⁵⁴ Сама компания оценивает свое положение в России так: 17% рынка майонезов, 7% рынка бутилированного подсолнечного масла, 18% рынка жиров и маргаринов. ЭФКО производит также кетчуп и подсолнечный шрот, небутилированное подсолнечное масло. Стоимость ЭФКО аналитики инвестиционной компании UFG оценивают в \$200 млн По данным Всероссийского института аграрных проблем и информатики, в России на 2006 г. ЭФКО существенно сократила свою деятельность в качестве белгородского агрохолдинга (*Петриков* и др. 2007, 32–36). Хозяйства, у которых ЭФКО арендует землю, лишь на 8% обеспечивают потребность компании в сырье, остальное приходится покупать по всему югу России.

ответили, что не стали бы расширять свое личное подсобное хозяйство, даже если бы представилась такая возможность. Такое же количество, шестьдесят процентов, открыто признались чужим людям — опрашивающим, что не считают воровство зазорным. А сколько еще просто постеснялись об этом сказать! При этом значительное число "неворующих" отметили, что им просто нечего красть < ... > Оказалось, что в среднем каждая девятая-десятая опрошенная семья живет на уровне нищеты (из нескольких стандартных вариантов ими выбран ответ "Живем очень бедно, не всегда даже едим досыта»), пятьдесят девять процентов просто бедны ("Слава Богу, кое-как концы с концами сводим, скромно питаемся, одеты в прочное, но старое, новую одежду и что-нибудь в дом не приобретаем — нет средств"). При этом преобладающая в среде мотивация — неопределенно-мечтательная. На вопрос, стремятся ли они к достижению более высокого уровня жизни, осуществляют ли для этого необходимые усилия, каждый второй выбрал ответ: "Мечтаем, надеемся, что как-нибудь положение улучшится". Только каждый пятый имеет в каком-то виде стремление за счет дополнительных серьезных усилий улучшить свою жизнь < ... > Итак, вырисовалась катастрофическая мотивационная ситуация: пассивность, мечтательность, минимизация потребностей и, соответственно, усилий, просто лень. Уклонение от активности развито тем сильнее, чем беднее живет человек. И это, собственно, объясняет, почему он недоедает < ... > Вообще крестьяне склонны снимать с себя ответственность за свою жизнь. Абсолютное большинство считает, что их личное благосостояние зависит от того, как развивается общество в целом < ... > Самое интересное, что крадут все (и более бедные, и менее бедные) одинаково. Воровство признается социальной нормой, оно легитимизировано < ... > Отчаявшись найти решение, мы позвали в Белгородскую область группу психологов во главе с профессором Николаем Конюховым. Они провели огромный объем работы — каждый из исследованных ими крестьян прошел тест "Семантический дифференциал" (триста шестьдесят оценок, сравнений), ММРІ (Миннесотский многофазный личностный опросник — пятьсот пятьдесят шесть вопросов) и несколько других. В общей сложности каждый крестьянин ответил на полторы тысячи вопросов. Оказалось, что единственно значимыми вещами для крестьян являются мнение окружающих людей и искренность < ... > За плечами этих людей очень трудная жизнь, и они знают, что самое опасное — это привнесенные системы ценностей и идей, которые нельзя пощупать и проверить. Их жизненный опыт говорит одно: если кто тебе и поможет в трудную минуту, так это сосед, и все. И больше никто. В ходе опроса моделировались ситуации, когда селянам надо было принять решение самостоятельно. Они тотчас от него отказывались, если оно не совпадало с мнением большинства» («Эксперт» 14.10.2002).

А вот, что он говорит по поводу взаимодействия агрохолдинга с ЛПХ: «Личное подсобное хозяйство не может конкурировать с промышленным производством, но есть 20 хозяйств, есть 20 территорий и есть управление "Эфко-ресурс". Умничай, не умничай, если хочешь собрать урожай, нужна дисциплина, нужны санкции для территории, где с одной стороны — крупнотоварное производство, со своими законами, правилами, активами, и с другой стороны — личное подсобное хозяйство (ЛПХ), порядка 300–500 дворов. Мы пробовали охранять свои поля. Местные жители их убирают лучше любого комбайна. Хочешь — не хочешь, пришлось строить систему управления конфликтными ситуациями с ЛПХ через обеспечение их кормами по такой цене, при которой уровень доходности в хозяйстве в сознании крестьян будет принят в качестве справедливого. Альтернатива — война со своим собственным народом. Внутри "Эфко-ресурса" создано управление экономического развития ЛПХ. Их задача обеспечить жителям возможность реального существования за счет нашей платы им за землю и, за счет их работы на личных подворьях» (*Интервью, апрель 2001 г.*).

В целом В.Н. Кустов пессимистично смотрит на перспективы вовлеченности крупных агропромышленных компаний в российское сельское хозяйство: «Земля — это не только источник богатства. Она вплетена в систему социально-экономических отношений на селе. Затронув земельные отношения, мы затрагиваем весь сельский уклад, включая моральный облик, психологические особенности крестьянства. Приход настойчивых, напористых инвесторов в село может нарушить этот уклад. Нужно ли это стране и самим инвесторам? <...> Отличительной чертой сельского жителя является то, что мнение окружающих, реальные отношения с ними — более значимый фактор его поведения, чем законодательные акты. Если моральные нормы не позволяют селянам воровать друг у друга, они этого не делают. Но если у них в норме утащить что-то у инвестора — это они делают с задором и сообщая. Здесь мало помогут формальные законодательные акты, и не только в силу неразвитости законодательной базы: крестьяне нередко законы не читают, не знают, а строят свое поведение в соответствии с понимаемой ими, а не инвесторами справедливостью, нормами поведения. Таков менталитет крестьян. Начав продавать землю, мы меняем весь уклад жизни на селе. Это может сделать крестьянство озлобленным, агрессивным, непредсказуемым в своем поведении <...> Не определив отношения к тому, что делать с крестьянством, как избежать будущих коллизий, было бы легкомысленно говорить об инвестициях в землю» (www.yabloko.ru).

Прочитав вышеизложенное, по-видимому, вряд ли можно согласиться с утверждением, что «Россия — европейская страна» (Сурков 2007, 7)⁵⁵, по крайней мере без поправки «несельская Россия». Российское руководство и в начале XXI в. продолжало стремиться превратить Россию в «нормальную» страну, отсюда и желание во что бы то ни стало ввести куплю-продажу земли, в том числе и земель сельскохозяйственного назначения. В середине 2001 г. газета «Известия» пишет по этому поводу: «Президенту Борису Ельцину за девять лет правления так и не удалось протащить сквозь оппозиционные парламенты полноценный Земельный кодекс <...> После того как Путин был избран президентом, стало ясно, что если кодекс и примут, то в нем будет превалировать рыночное начало. На днях лидеры левых фракций в Госдуме Геннадий Зюганов и Николай Харитонов, а также три академика Российской академии сельхознаук обратились к главе государства со своим видением решения земельного вопроса в стране. В их письме говорилось о том, что в Госдуме подготовлены варианты Земельного кодекса, а один внесен в палату представителями фракции СПС Виктором Похмелькиным и Павлом Крашениниковым. Этот проект предусматривает куплю-продажу и залог земли в России, чего, по мнению левых, допустить ни в коем случае нельзя. Александр Волошин, по всей видимости, был уполномочен ответить на это обращение от имени президента и правительства <...> По мнению руководителя администрации президента, положения о сохранении земельных угодий в “общенародной

⁵⁵ В.Ю. Сурков утверждает, ссылаясь на Президента Путина, что «мы в целом проходили тот же путь, что и другие европейские страны». И далее: «Если заглянуть вглубь веков, то можно увидеть, что была реформация в западном обществе. Но у нас тоже именно в эту эпоху было знаменитое брожение в Церкви, движение нестяжателей» (Сурков 2007, 8). Заметим по этому поводу, что Макс Вебер, который указал на роль реформации в развитии капитализма, считал одной из самых важных идей, созданных Реформацией, центральным догматом всех протестантских исповеданий, «догмат, который единственным средством быть угодным Богу считает не пренебрежение мирской нравственностью с высот монашеской аскезы, а исключительно выполнение мирских обязанностей так, как они определяются для каждого человека его местом в жизни; тем самым эти обязанности становятся для человека его “призванием” <...> это — и только это — диктуется божественной волей» (Вебер 2006, 44–45). Дух капитализма, пропитавший Европу, который был порожден протестантской этикой, состоял в том, что человек в соответствии с ним рассматривал приумножение своего капитала как самоцель, как долг, и отступление от этого — как своего рода нарушение долга (Вебер 2006, 28). В то же время Вебер утверждал, что «повсеместное господство абсолютной беззастенчивости и своекорыстия в деле добывания денег было специфической, характерной чертой именно тех стран, которые по своему буржуазно-капиталистическому развитию являются “отсталыми” по западноевропейским масштабам» (Вебер 2006, 31).

собственности” ущемляет конституционные права граждан на землю». В конечном счете в Госдуме правительством был направлен проект Земельного кодекса, предусматривающего куплю-продажу и залог земли, но содержащего отсылку к будущему закону о специфике оборота земель сельскохозяйственного назначения. В таком варианте Земельный кодекс был принят ГД ФС РФ 28 сентября 2001 г. Предстоял еще почти год борьбы, в течение которого позиции президента Путина усилились, чтобы Госдума 26 июня 2002 г. приняла Закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», также предусматривающего куплю-продажу и залог земли. Принятые через год два других закона, а именно Закон от 11 июня 2003 г. «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и Закон от 7 июля 2003 г. «О личном подсобном хозяйстве», завершают юридическое оформление варианта русской аграрной институциональной системы начала XXI века⁵⁶. В первом из них законодательно устанавливался преимущественно семейный характер такого типа хозяйств; максимальное количество членов фермерского хозяйства, не состоящих в родстве с его главой, не может превышать пяти человек. Второй подчеркивал непредпринимательский, то есть направленный преимущественно на самообеспечение, характер деятельности в ЛПХ. В законе происходит возврат к вековой русской крестьянской практике двух типов земельных участков: приусадебного и полевого. Некоторые наблюдатели после выхода закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» достаточно скептически оценивали его эффективность. Вот одно из таких скептических суждений: «Даже самой энергичной бабушке или ушлому старичку оформление это не под силу, не по зубам справиться продажу и давно живущим в городе наследникам — детям и внукам. Стоит оформление купчей едва ли не дороже самого участка! Сегодня большинство селян владеют паями только на бумаге. Их участки в общем котле колхоза. Чтобы извлечь свой клочок и пустить его на продажу, нужно пройти нелегкую процедуру: через газету оповестить всех совладельцев земли (соседей по деревенской улице), указать цену участка. Если через месяц никто из товарищей по “общине” не откликнется, придется писать петицию местным властям. На раздумье ей дано по закону также 1 месяц. Если власть “уйдет в отказ”, можно торговать, но с условием: не ниже кадастровой стоимости. Ясно, что подобная процедура практически не под силу крестьянам» (Русский Деловой Вестник, 2003, № 9 (апрель)).

Насколько принятие закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» привело к активизации практики купли-продажи земель, в том числе через продажу земельных долей, судить пока еще очень сложно. В 2006 г. заместитель гендиректора АПК «Стойленская нива» Дмитрий Древянский говорит, что после принятия этого закона крупные производители отказались от долгосрочной аренды и начали переоформлять землю в собственность. Он заявил, что «до выхода закона существовал договор аренды пая, которым пользовались многие агрохолдинги; права собственности на землю не существовало. Сейчас вся наша земля — 110 тыс. га в Белгородской области — переведена в собственность “Стойленской нивы”, — говорит Древянский. В этом же году газета «Бизнес» писала, что владелец агрохолдинга «Интеко-агро» Виктор Батуриин приобрел совхоз площадью 40 тыс. га в Ипатовском районе Ставропольского края. Таким образом, если не брать в расчет земли Батуриина, владение которыми оспаривается в судах, предприниматель увеличил общее количество принадлежащих ему земель в полтора раза, доведя их до 120 тыс. га. Виктор Батуриин был самым крупным землевладельцем России и до последнего приобретения: в его собственности находится 50 тыс. га в Белгородской области (записаны на компанию «Интеко-агро»), право владения на еще 50 тыс. га в этом регионе сейчас оспаривается в судах. Также Батуриин владеет около 30 тыс. га в Ставропольском крае, Калининградской, Пензенской и Калужской областях. «Аналитик инвесткомпания, попросив

⁵⁶ См. Аграрное право: Учебник / Под ред. С.А. Боголюбова и Е.Л. Мининой. М.: ЭКСМО, 2007.

не упоминать в печати ее название и собственное имя, сказал "Агробизнесу", что инвестиционную привлекательность белгородского АПК снижают политические риски. Региональные власти выступают против свободного оборота земель сельхозназначения, опасаясь их концентрации в руках крупных федеральных компаний, напомнил он. По мнению аналитика, контроль над сельхозугодьями дает чиновникам возможность жестко контролировать отрасль, устраняя с рынка нежелательных для них игроков. В пример он приводит историю с компанией "Интеко-агро", право которой на землю белгородская администрация с 2004 г. оспаривает в судах. Три года назад она обвинила "Интеко-агро" в применении серых схем для скупки земель по заниженным ценам. В ответ владелец компании Виктор Батурин заявлял, что областные власти просто препятствуют оформлению его земель в собственность, и призывал к отставке Евгения Савченко с поста губернатора. В беседе с "Агробизнесом" Батурин назвал причиной конфликта действия конкурирующих с ним за земли белгородских холдингов, с которыми якобы аффилирован губернатор». (АгроИнвестор, 2007. № 4 (апрель) (<http://www.agro-business.ru>)).

Таблица 18

	1980	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Импорт мяса и мясопродуктов тыс. т	1572	1535	2250	2095	2553	2697	2668	2704	3094	3175
Импорт молока и молокопродуктов тыс. т	6546	8043	6317	4718	4884	4989	5617	6303	7115	7293

Продолжает уменьшаться производство кормов.

Таблица 19

Производство сельхозпродукции в хозяйствах всех категорий (млн т)

	1976–1980	1981–1985	1986–1990	1991–1995	1996–2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Зерно	106	92,0	104,3	87,9	65,2	85,2	86,6	67,2	78,1	78,2	78,6
Семена масличных культур	3,1	2,9	4,1	3,8	3,8	3,2	4,3	5,6	5,7	7,5	8,2
Производство сахарной свеклы	25,4	25,1	33,2	21,7	14,0	14,6	15,7	19,4	21,8	21,4	30,9
Картофель	40,9	38,4	35,9	36,8	34,5	35,0	32,9	36,7	35,9	37,3	38,6
Овощи	10,4	12,1	11,2	10,2	11,4	13,3	13,0	14,8	14,6	15,2	15,6
Кормовые корнеплоды (включая сахарную свеклу на корм скоту)	12,5	15,9	20,3	7,8	3,5	3,1	2,7	2,8	2,8	2,4	2,5
Кукуруза на силос, зеленый корм и сенаж	140	165	193	121	57	36	31	33	29	25	23
Сено однолетних трав	4,7	5,4	6,0	3,8	2,4	2,0	2,1	2,0	1,9	1,7	1,7
Сено многолетних трав	11,2	18,0	23,4	20,5	14,1	14,6	12,7	12,0	12,0	11,7	10,5
Скот и птица на убой (в убойном весе), тыс. т	7361	8075	9671	7550	4728	4451	4694	4936	4994	4914	5189
в том числе крупный рогатый скот, тыс. т	3472	3423	4096	3391	2207	1872	1957	1990	1951	1794	1705
Молоко, млн т	48,2	48,7	54,2	45,4	33,6	32,9	33,5	33,4	32,2	31,2	31,4

Источник: Российский статистический ежегодник 2007.

Каковы результаты в цифрах функционирования российских аграрных институтов в начале XXI в.? Произошла некоторая стабилизация производства зерна на уровне около 20% ниже дореформенного. По ряду продуктов растениеводства, таких как масличные, сахарная свекла и овощи, дореформенный уровень перекрыт, и наметившийся рост продолжается. Однако и так катастрофическое положение в отечественном животноводстве не только не улучшается, но продолжает ухудшаться. Так, продолжает падать поголовье коров: 1990 — 20,5 млн голов; 1995 — 17,4; 2000 — 12,7; 2001 — 12,2; 2002 — 11,8; 2003 — 11,1; 2004 — 10,3; 2005 — 9,5; 2006 — 9,4. Постоянно растет импорт мяса и молока.

Доли сельскохозяйственных организаций, хозяйств населения, прежде всего ЛПХ, и КФХ стабилизировались.

Таблица 20

Доли различных типов хозяйств в валовой сельскохозяйственной продукции (в %)

Годы	1970	1980	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Сельскохозяйственные организации	68,6	71,0	73,7	50,2	43,4	43,9	39,8	39,7	42,6	41,2	41,2
Хозяйства населения	31,4	29,0	26,3	47,9	53,6	52,4	56,5	55,7	51,5	53,2	52,3
Крестьянские (фермерские) хозяйства	—	—	...	1,9	3,0	3,7	3,7	4,6	5,9	5,6	6,5

Источник: Российский статистический ежегодник 2007.

Сейчас трудно оценить, является ли наметившийся небольшой рост этой доли для крестьянских (фермерских) хозяйств долгосрочной тенденцией. Во всяком случае их число, начиная с 2002 г., не только не увеличивается, но даже несколько уменьшается, а средний размер земельного участка увеличивается крайне медленно.

Таблица 21

Число крестьянских (фермерских) хозяйств (на конец года)

	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Число крестьянских (фермерских) хозяйств, тыс.	4,4	280,1	261,7	265,5	264,0	263,9	261,4	257,4	255,4
Площадь предоставленных им земельных участков, тыс. га	181	12011	15292	16525	17662	18326	19200	19246	20588
Средний размер земельного участка, га	41	43	58	62	67	69	73	75	81

Источник: Российский статистический ежегодник 2007.

Эволюция сельскохозяйственных организаций, то есть бывших колхозов и совхозов, более очевидна. Число их в начале нынешнего века неуклонно уменьшается, напротив, их размер, с точки зрения посевных площадей, остается неизменным. По-прежнему, как и в 1990-е гг., доля среди них убыточных очень велика и колебалась между 32 и 55%. Количество вносимых минеральных удобрений увеличивается очень медленно и достигло в 2006 г. уровня 1970 г., в то время как в 1990 г., вносилось в три раза больше. Декапитализация бывших колхозов и совхозов, стартовавшая в 90-е гг. продолжается, в частности продолжает уменьшаться их обеспеченность тракторами и комбайнами. Ну и уж совсем страшное положение с динамикой поголовья крупного рогатого скота, в том числе молочного стада.

Эволюция сельскохозяйственных организаций

	1970	1980	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Количество (тыс.)	22,3	23,8	25,8	26,9	27,6	24,8	24,2	22,1	20,6	19,0	16,9
% убыточных	13	71	3	57	51	46	55	49	35	40	32
Среднегодовая численность работников, млн человек	10,9	9,7	8,3	6,7	4,7	4,2	3,8	3,3	2,9	2,5	2,2
Приходится в среднем на одну организацию человек	488	408	322	248	170	171	159	149	139	132	128
Сельскохозяйственные угодья, млн га	205	211	202	154	150	146	142,6	140,2	134,8	130,9	125,0
Приходится в среднем на одну организацию посевной площади тыс. га	5,1	5,0	4,3	3,2	2,5	2,6	2,6	2,6	2,6	2,6	2,8
Внесение минеральных удобрений на один га посевной площади, кг	28	62	88	17	19	19	21	21	23	25	27
Внесение органических удобрений на один га посевной площади, т	1,7	3,1	3,5	1,4	0,9	0,8	0,9	1,0	0,9	0,9	0,9
Приходится тракторов на 1 000 га пашни, шт.	7,8	10,1	10,6	9,3	7,4	7,1	6,8	6,3	5,9	5,5	5,3
Приходится на 1 000 га посевов зерноуборочных комбайнов, шт.	5,3	6,0	6,6	5,8	5,1	4,7	4,5	4,7	4,2	3,9	3,7
Посевная площадь (млн га)	113	120	112	86,2	69,1	66,4	64,6	58,3	55,4	51,4	48,2
Поголовье крупного рогатого скота (млн голов)	38,0	46,3	45,3	26,3	16,4	15,7	14,9	13,3	12,0	10,9	10,5
Поголовье коров (млн голов)	13,1	16,4	14,9	10,0	6,4	6,0	5,6	5,1	4,6	4,2	4,0
Производство молока (млн т)	29,0	33,4	41,4	21,6	15,2	15,5	15,9	15,3	14,3	13,9	14,0

Источник: Российский статистический ежегодник 2007.

Что касается хозяйств населения (это прежде всего ЛПХ), то этот тип хозяйства по-прежнему, как и сто и более лет назад, проявляет необыкновенную устойчивость и в том, что касается объемов производства, и в количестве имеющегося в таких хозяйствах поголовья скота. Можно с достаточной уверенностью утверждать, что правило, открытое Чайновым, в соответствии с которым русские крестьяне решают, сколько им производить, то есть исходя из минимальных потребностей семьи, продолжает действовать и в настоящее время.

По данным Росстата, на 1 июля 2006 г. 75% семей, в ЛПХ которых есть скот, держат не более трех голов крупного рогатого скота. По-видимому, недостатка в земле они не испытывают, так как 14,2% закрепленных за ними земель они не использовали. Для сравнения, крупные и средние сельхозорганизации не использовали 21,7% закрепленных за ними земель, а малые — 46,2%. Этот показатель для крестьянских (фермерских) хозяйств был равен 17,1%.

Таблица 23

Производство основных видов сельскохозяйственной продукции в хозяйствах населения (млн т)

	В среднем за год					2001	2002	2003	2004	2005	2006
	1976–1980	1981–1985	1986–1990	1991–1995	1996–2000						
Картофель	25,3	22,8	21,4	30,3	31,5	32,4	30,6	34,1	33,0	34,1	34,7
Овощи	3,0	3,7	3,1	6,3	8,9	10,6	10,6	11,8	11,7	12,2	12,2
Фрукты и ягоды	1,1	1,4	1,3	1,7	2,3	2,4	3,0	2,5	3,2	2,9	2,6
Скот и птица на убой (в убойном весе)	2,1	2,2	2,4	2,9	2,7	2,5	2,6	2,6	2,7	2,5	2,5
Молоко	12,9	12,7	12,7	15,4	16,2	16,8	16,8	17,2	16,9	16,2	16,2
Яйца, млрд шт.	10,8	10,5	10,2	10,7	9,8	9,9	9,7	9,7	9,5	9,3	9,1
Шерсть (в физическом весе), тыс. т	41	44	48	51	28	24	26	26	27	26	26
Мед, тыс. т	31	28	31	39	44	47	45	44	48	48	51

Источник: Российский статистический ежегодник 2007.

По мнению Станислава Белковского, «страна стоит на пороге масштабного экономического кризиса, который уже сегодня проявляется», в частности, в «стремительном неконтролируемом росте цен на ключевые продукты питания, обусловленном распадом отечественного сельского хозяйства и критической зависимостью России от импорта всемирного дорожающего продовольствия»⁵⁷. Российское руководство, по-видимому, не разделяет такой оценки, однако сознает важность принятия серьезных мер по развитию отечественного сельского хозяйства. Но эти меры ищутся не в области реформ⁵⁸, а в области программ и проектов, то есть в области аграрной политики, не претендующей на изменение существующих аграрных институтов. «Магистральная политика реформ» была заменена «политикой национальных проектов» (Чадаев 2006, 100). Одним из таких проектов является Приоритетный национальный проект «Развитие АПК», который включает в себя три направления: «Ускоренное развитие животноводства», «Стимулирование развития малых форм хозяйствования» и «Обеспечение доступным жильем молодых специалистов (или их семей) на селе».

Российская пресса свидетельствует о том, что бюджетными средствами, предусмотренными для первого направления, воспользуются в первую очередь агрохолдинги. По поводу второго направления министр сельского хозяйства Гордеев, выступая на совещании с главами муниципальных образований (июнь 2006 г.), сказал в частности, что: «В перспективе социально-экономическая роль индивидуально-семейного сектора (прежде всего крестьянских (фермерских) хозяйств и высокотоварных личных подсобных хозяйств) усилится, поскольку в результате реформирования неплатежеспособных крупных и средних сельскохозяйственных предприятий значительная часть их земельных, материально-технических и трудовых ресурсов переместится в малые предприятия, в крестьянские (фермерские) хозяйства и высокотоварные личные подсобные хозяйства. Признавая огромное значение сектора малых форм хозяйствования в аграрной экономике и сельскохозяйственной потребительской кооперации, по инициативе Минсельхоза России в приоритетный национальный проект

⁵⁷ Специальная версия статьи «Итоги с Владимиром Путиным: Россия нашей мечты» была опубликована 19 февраля 2008 года в Газете.Ру (www.gazeta.ru).

⁵⁸ «После опыта монетизации, слово «реформы» вызывает реакцию судороги в администрации президента и правительстве, несмотря на почти консолидированное решение отложить все реформы до лучших (или худших) времен» (Полит.ру 28 февраля 2008 г., www.polit.ru).

включено направление «Стимулирование развития малых форм хозяйствования в агропромышленном комплексе». Основное мероприятие данного направления — это субсидирование процентной ставки по кредитам, полученным ими в коммерческих банках». Из этого заявления можно сделать вывод, что российское правительство не надеется, что крупные сельскохозяйственные организации смогут заполнить вакуум, возникающий в результате неизбежной гибели значительного числа бывших колхозов и совхозов. Ну а что касается третьего направления, то оно предусматривает предоставление субсидий бюджетам субъектов Российской Федерации на финансирование мероприятий по обеспечению доступным жильем молодых специалистов (или их семей) на селе. «Основным механизмом является осуществление хозяйствующими субъектами (работодателями) строительства (приобретения) жилья за счет субсидий из федерального бюджета (не более 30%), бюджетов субъектов Российской Федерации (не менее 40%) и собственных (заемных) средств работодателя (30%) и предоставление жилья молодым специалистам (или их семьям) на селе по договору коммерческого найма. Это создаст условия для формирования эффективного кадрового потенциала агропромышленного комплекса, развития рынка труда, роста уровня жизни граждан России, проживающих в сельской местности». Тем самым делается попытка использовать метод привлечения кадров на село, который давал иногда неплохие результаты в советское время.

Министр Гордеев, и среди аграрных чиновников он в этом не одинок, явно испытывает ностальгию по советским временам. Так, в выступлении на заседании Правительства Российской Федерации 12 июля 2007 г. он заявил: «Не очень модно в наше время проводить исторические параллели, но тем не менее напомним, что ровно 25 лет назад на майском Пленуме ЦК КПСС была принята Продовольственная программа СССР. Она предусматривала увеличение объемов производства и потребления основных видов продовольствия, развитие производственной инфраструктуры, улучшение социально-бытовых условий жизни на селе, усиление роли науки в сельском хозяйстве. Расходы на развитие АПК в тот период составляли около 20 процентов государственного бюджета, что позволило к 1990 году достичь основных целевых показателей программы. Значительно увеличилось производство зерна, мяса, молока и яиц, выросло и потребление основных продуктов питания на душу населения. И теперь производственные показатели того, 1990 года, являются для нас условным ориентиром, как в свое время 1913 год. Я обратился к истории для того, чтобы показать, что программно-целевой метод в экономике дал положительные результаты даже в весьма сложные восьмидесятые годы прошлого века. Полагаю, что Госпрограмма, которую сегодня рассматривает Правительство, также позволит отечественному АПК сделать заметный шаг в своем развитии, но уже в новых условиях — условиях рыночной экономики». Эта программа под названием «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы» была утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2007 г. № 446.

Десять лет назад присутствуя на районном совещании по сельскому хозяйству в одном из районов Самарской области, автор этой статьи ощущал что-то вроде *déjà vu* (уже виденного). Десять лет до того автор многократно имел возможность наблюдать подобного рода совещания в Переславском районе Ярославской области. И десять лет тому назад в Самарской области автор был поражен схожестью самарского и ярославских совещаний. Нечто подобное автор испытывал и сейчас, когда знакомился с вышеназванной государственной программой. Вот характерный отрывок из ее текста: «Производство продукции сельского хозяйства во всех категориях хозяйств к 2012 году (в сопоставимой оценке) должно вырасти по отношению к 2006 году на 24,1 процента. В 2008–2010 гг. прогнозируется еже-

годное увеличение темпов роста производства продукции сельского хозяйства, а в 2011–2012 гг. — их стабилизация. Среднегодовой рост объема продукции сельского хозяйства за 5-летний период должен составить около 4 процентов. Рост продукции сельского хозяйства в большей степени будет обеспечен за счет роста объемов производства в животноводстве на основе создания принципиально новой технологической базы, использования современного технологического оборудования для модернизации животноводческих ферм, а также за счет наращивания генетического потенциала продуктивности российского животноводства и ускоренного создания соответствующей кормовой базы»⁵⁹.

* * *

Подводя итог изложенному в этом разделе, можно сказать, что эволюция русской аграрной институциональной системы за истекшие годы первого десятилетия XXI в. не только не отдала, но в каком-то смысле и приблизила ее к исходной, рассмотренной нами во втором разделе данной работы. Действительно, институт крестьянского хозяйства проявляет по-прежнему необыкновенную устойчивость, сохраняя свои основные черты на протяжении многих веков. По-прежнему крестьянские хозяйства, то есть советские ЛПХ, которые так и не поменяли своего названия, не могли существовать вне общины, роль которой, обеспечивая кормами ЛПХ, играли разрушающиеся бывшие колхозы/совхозы. Приближение к исходной русской институциональной системе, а вернее, к ее состоянию после реформы Екатерины II, произошло благодаря появлению частных поместий-вотчин, в том числе и очень больших размеров, встроенных в агрохолдинги. Наконец органы территориального управления все еще являются важным элементом системы, и многие решения относительно сельского хозяйства на подчиненных им территориях происходят от них. Роль территориальных органов, впервые появившаяся в советское время, по распределению государственных ресурсов между агентами на подчиненной им территории в последние годы не уменьшается, а усиливается.

Что касается института фермерства, то есть КФХ, которого не было в исходной русской аграрной институциональной системе и который не получил развития в рамках реформ, нацеленных именно на него (Столыпинская реформа и реформа 1990-х гг.), то в рассматриваемый период он по-прежнему играет маргинальную роль и нет особых признаков изменения такой роли. В основном это происходит из-за отторжения русской аграрной системой, всей сельской средой, чуждого, инородного ей элемента. Имели немаловажное значение и идеологические ориентации российских правительств. При Ельцине российские правительства в соответствии с их либеральной ориентацией не прилагали усилий по выращиванию этого института, полагая, что он и сам вырастит, если крестьянам дать свободу действий. Крестьяне же разделяя с аграрной бюрократией идеологию необходимости возврата к советской системе сельского хозяйства естественно фермерами не становились. Бессменный с начала века российский министр сельского хозяйства А.В. Гордеев в самом начале своей деятельности так сформулировал новую альтернативную предшествующей правительственную аграрную идеологию: «На мой взгляд, политика повальной фермеризации страны, которая проводилась в 1990-х годах, — это откат на сто лет назад. Сейчас уже начались процессы глобализации в сельском хозяйстве. Мы четко заявили в новой аграрной политике государства, что устойчивое конкурентоспособное сельское хозяйство не только на внутренних рынках, но и на мировых зависит от появления крупных компаний сельхозпроизводителей и, более того, от тех агрохолдингов, где интегрируется вся производительная цепочка — от поля до магазина». Отсюда, убежденность селян, а заодно с ними и большинства

⁵⁹ Министр недаром, представляя программу на 2008–2012 гг. сослался на документ 25-летней давности (Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации. Материалы Майского Пленума ЦК КПСС 1982 года 1982), по своему духу они очень схожи.

горожан, по существу поддержанная правительством, что фермерство — дело нестоящее, вряд ли будет содействовать развитию в России семейных ферм. И в этом случае даже материальная помощь государства фермерам, предусмотренная в Приоритетном национальном проекте «Развитие АПК», не очень поможет делу. Прежде чем изменения наступят в реальной жизни, эти изменения должны произойти в головах людей.

11. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: СОВЕТСКИЕ И ПОСТСОВЕТСКИЕ АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЯ ЭВОЛЮЦИИ РУССКОЙ АГРАРНОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Коллективизация сельского хозяйства, как известно, была проведена насильственным путем. Наиболее активные крестьяне, потенциальные противники коллективизации были объявлены «кулаками» и были ликвидированы «как класс», т.е. когда физически уничтожены, когда заключены в лагеря, а когда сосланы в отдаленные, мало приспособленные для жизни и ведения сельского хозяйства места. Этой «ликвидацией как класса» был сделан первый шаг в длительном «отрицательном отборе» человеческого материала российской деревни, который продолжается и по сей день.

Конечно, одной из целей коллективизации была реализация идеологических установок марксизма, но это не было единственной и, может быть, даже не самой важной целью. Советской России нужны были ресурсы для создания мощной промышленности и армии. В крестьянской России основными ресурсами был хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. Ленин безуспешно пытался взять эти ресурсы в деревне насильно с помощью продотрядов. Сталинская коллективизация решила проблему выкачивания ресурсов из деревни путем создания таких институциональных структур, при которых сельские жители будут работать бесплатно на государственных полях (государственная барщина), а восстанавливать свою рабочую силу, кормиться с так называемых личных подсобных хозяйств (ЛПХ). Тем самым ЛПХ являлось с самого начала неотъемлемым элементом колхозно-совхозной системы, и надежды, что этот элемент является или может стать зачатком фермерского хозяйства, мало обоснованы, в ЛПХ заложен совсем другой социальный «ген»; ЛПХ есть не что иное, как прямое продолжение русского крестьянского хозяйства. Единственным существенным различием между ними является отсутствие в ЛПХ полевого земельного участка (полевого надела). Полевые наделы регулярно перераспределялись общиной, с одной стороны, для обеспечения выполнения крестьянской семьей ее обязанностей перед помещиком и государством, а с другой стороны, для ее выживания. Руководитель общины, староста, выполнял роль посредника между крестьянами и помещиком и государством. Объединив полевые наделы, колхоз взял почти целиком на себя выполнение обязанностей перед помещиком-государством и обеспечение выживания крестьян, в частности поставляя им корма для животных ЛПХ. Тем самым колхоз был прямым институциональным преемником сельской общины.

Как известно, слово «колхоз» является аббревиатурой словосочетания «коллективное хозяйство». Официально считалось, что колхоз является кооперативом, артелью, однако практически ни одному из принципов кооперации колхоз не удовлетворял, в том числе и основному — демократическому принятию решений: один человек — один голос. Если какие-то вопросы и ставились на голосование, то результат открытого голосования был предрешен присутствием председателя, зависимость колхозников от него была и во многом остается тотальной⁶⁰. Ну а при выборах председателя ре-

⁶⁰ Иллюстрацией тотальности зависимости нынешних «колхозников» от руководителя хозяйства может служить их поведение как избирателей. Достаточно распространенным ответом селян, особенно людей старшего поколения, на вопрос, за кого вы будете голосовать, является следующий: «Да за кого скажут (имеется в виду руководство), за того и будем голосовать». И это происходит, несмотря на тайность голосования.

шающим было присутствие «свата», как правило, первого секретаря райкома. Может, эта коллективность проявляется в специфически коллективной организации труда? Да нет, та же управленческая иерархия, что и на любом капиталистическом предприятии, индивидуальная, а не коллективная оплата труда: от гектара, от зерна, от молока и т.д. Русские крестьяне и до коллективизации редко трудились сообща, в основном индивидуально в своем крестьянском хозяйстве. Поэтому достаточно распространенное мнение о том, что российское крестьянство склонно к коллективизму является не чем иным, как созданным кем-то мифом. До 1960-х гг. сельские работали в колхозах бесплатно («за палочки»), чем способствовали индустриализации страны и превращению ее в мировую державу. Хорошо известно, что колхозники до 1970-х гг. были гражданами второго сорта, не имея паспортов и тем самым ограниченные в своем передвижении и трудоустройстве. Слово «колхозник» в бытовом языке советских граждан стало нарицательным («эх ты, колхозник!»). Понятно, что сельская нищета и второсортность понуждала всех более-менее способных селян при первой возможности перебираться в город. Оставшиеся на селе рядовые работники, не имея возможности проявить себя (несмотря на официальное чествование «передовиков», уваливающие от работы колхозники оказывались в более выгодном положении с точки зрения затрат-результатов, чем работающие хорошо) и ощущая свою неполноценность, в массовом порядке предавались пьянству.

Наряду с колхозом/совхозом⁶¹ и ЛПХ, другим важным институтом советской системы сельского хозяйства было районное руководство. До ликвидации КПСС это был райком. В отличие от промышленности, которой КПСС (ее высшие руководители) управляли через министерства, сельским хозяйством Партия управляла непосредственно. Главным действующим лицом, принимавшим как стратегические, так и оперативные решения по управлению колхозами и совхозами, был Первый секретарь райкома. В его руках были решения по кадрам (снять/назначить руководителей хозяйств и чиновников районного управления сельского хозяйства), специализации, посевным площадям, поголовью, сроках сельхозработ и пр. Первый секретарь, по существу, стал играть роль не только наместника центральной власти, но и управляющего «имением» помещика-государства. В конце 1950 — начале 1960-х гг. советская система сельского хозяйства стала отходить от своей классической сталинской модели, при которой из села почти все забирали, а селу почти ничего не давали. Селу стали давать и давать много, в 1970-е г. доля капитальных вложений в сельское хозяйство доходила до 30% от всех инвестиций страны. Колхозникам дали паспорта и стали платить заработную плату. Только ни крупные инвестиции, ни щедрые дотации не приносили ожидаемых результатов, продуктивность оставалась низкой, а об экономических результатах и говорить не приходится. Советская система сельского хозяйства была с самого начала запрограммирована на убыточность, об этом говорил Сталин в своей полемике с Чаяновым. Сначала колхозы создавались на базе деревень, и они были относительно небольшими. Задача управления колхозами на этом этапе была достаточно простой: обеспечить выполнение «первой заповеди» — сдать хлеб государству. Но тогда, когда в село потекли ресурсы, потребовался более детальный контроль за их использованием. Первый секретарь райкома должен был уже чуть ли не каждый день быть на связи со всеми руководителями хозяйств района. Если их больше 25–30, то такая задача для первого секретаря становится почти непосильной. Укрупнение хозяйств, т.е. увеличение их размера и тем самым уменьшение их количества в районе, было вызвано прежде всего этой причиной. Числа между 10 и 30 являются в каком-то смысле магическими и соответствуют психофизиологическим способностям человека контролировать себе подобных. Недаром количество солдат низших боевых подраз-

⁶¹ По крайней мере, начиная с 1970-х годов, существенной разницы между колхозами и совхозами уже не было.

делений всех армий мира и рациональное количество учеников в школьных классах соответствует этим числам⁶². В колхозно-совхозной системе именно необходимость жесткого административного контроля руководителей хозяйств со стороны первого секретаря райкома и психофизиологические способности человека, исполняющего эту роль, определили размер сельскохозяйственного предприятия, а не критерий наибольшей экономической эффективности — рентабельности. Сельский район стал третьим важнейшим институтом в советском варианте русской аграрной институциональной системы. Именно сельский район и стал фактическим советским сельскохозяйственным предприятием, а не колхозы/совхозы, которые, по существу, были его «цехами».

Авторы аграрной реформы 1990-х гг. игнорировали, что колхоз/совхоз всегда был для сельского жителя не только местом работы, но и местом жизни. Колхоз/совхоз обеспечивал его большим количеством самых разнообразных услуг. Как уже отмечалось, ЛПХ является неотъемлемой частью колхозно-совхозной системы. С давних пор оно было важным источником существования жителей села. Оно полностью обеспечивало селян картофелем и овощами, а также мясом, молоком и яйцом. В результате реформ этот источник для многих сельских семей стал чуть ли не единственным. Хорошо известно, что личное подсобное хозяйство существовать вне связи с большим, рядом стоящим хозяйством не может. Именно оттуда поступает, нередко неофициально, большая часть кормов для скотины личного подворья. В случае реальной, а не мнимой приватизации, этому положению придет конец. Опрошенные руководители хозяйств Самарской области единодушно оценивали долю ресурсов своих хозяйств, поступающих по разным каналам в ЛПХ, как треть. Связь личного подсобного хозяйства и колхоза/совхоза не ограничивалась только получением кормов. Через колхоз/совхоз сбывалось большое количество животноводческой продукции, произведенной на личном подворье. В реформенное время ситуация резко изменилась. Предприятия, созданные на основе колхозов и совхозов, во многих случаях прекратили собирать и сбывать продукцию личных подсобных хозяйств, и селяне встречают большие трудности в реализации своей продукции. Вся история колхозно-совхозного строя представляет собой историю взаимодействия общественного и личного, основного и подсобного. В сталинские времена борьба общественного с личным велась очень жестко. Примером может служить статья уголовного кодекса, известная как статья «о колосках», а также жесткое налоговое обложение в натуральном виде личных подворий. Во времена Хрущева была сделана попытка вообще ликвидировать ЛПХ, как элемент, определенно отвлекающий колхозников и рабочих совхоза от производительной деятельности в колхозе/совхозе, подсобное мешало основному производству. Но был период в истории советской деревни, когда личное было на службе у общественного (выполнение плана и получение высоких дотаций колхозом/совхозом путем сбора молока ЛПХ). Перефразируя, можно сказать: подсобное, в этом случае, было на службе у основного.

Многих иностранных наблюдателей вводила в недоумение картина российского сельского хозяйства 1990-х гг.. Им было трудно понять, почему работники российских сельхозпредприятий продолжают работать на этих предприятиях, даже когда им по полгода, а то и больше, не выплачивают заработной платы. А объяснение было очень простое. Работа в бывшем колхозе/совхозе дает доступ к ресурсам, которого лишены те, кто в нем не работает. Причем этот доступ многоканален и часть каналов нелегальна. «Несуществование» является обыденным и банальным элементом российской деревни. Бывший колхоз/совхоз и ЛПХ представляют порочный «симбиоз». Порочный потому, что он основан в большой степени на нелегальной перекачке ресурсов из коллективного хозяйства в ЛПХ. Сейчас трудно ответить на вопрос относительно коллективного хозяйства и ЛПХ, что же из них

⁶² В Самарской области в 1996 г. ни в одном из районов количество хозяйств не превысило 25 и равнялось 25 в трех (Кошкинском, Сергиевском и Ставропольском). Это правило магических чисел легко проверяется по областной, республиканской и всесоюзной статистике 1980-х гг.

сейчас основное, а что подсобное. В ряде областей России коллективные хозяйства уже практически полностью переключились на обслуживание ЛПХ. Получается заколдованный круг. Бывший колхоз/совхоз не может быть реально приватизирован/реорганизован, так как при реальной приватизации перекачке ресурсов в пользу ЛПХ будет положен конец, а выполнять многие другие функции социальной поддержки населения, которые лежат на коллективном хозяйстве, будет просто некому. С другой стороны, сохранение этого порочного «симбиоза» ускоряет деградацию «основного» хозяйства, который в условиях рыночной экономики не может обеспечить пополнение выбывающих основных средств. Разорвать этот заколдованный круг можно только путем полного отделения коммерческой (товаропроизводительной) сферы и сферы снабжения кормами ЛПХ, а этого сделано не было.

Постсоветская реформа сделала работников бывших колхозов/совхозов, этих рабочих советских аграрных цехов сельского района, собственниками земельных долей и имущественных паев, то есть теоретически собственниками ООО/ЗАО/СКП, в которые были переименованы колхозы и совхозы. Роли собственника и рабочего противоречивы. Рабочий заинтересован в увеличении зарплаты и уменьшении своих усилий, собственник, наоборот, заинтересован в уменьшении зарплаты рабочего и в максимизации его трудовых усилий. Избранный директор не в состоянии проводить в жизнь непопулярные, но эффективные, с точки зрения предприятия, решения, так как рискует быть уволенным коллективом. Ему труднее, чем на обычном капиталистическом предприятии, поддерживать рабочую дисциплину. Собственник-рабочий всегда предпочитает распределение прибылей в пользу выплаты дивидендов в ущерб инвестициям. Кроме того, нередко наблюдается явление, когда общее рассматривается почти как ничье со всеми известными плачевными последствиями. Там, где в 1990-е гг. коллективный характер собственности бывших колхозов был воспринят работниками всерьез, советское «несуство» превратилось в постсоветскую «растасиловку».

Знакомство в 1999 г. со значительным числом хозяйств в нескольких районах Самарской области позволило сделать следующие выводы. Постсоветское коллективное хозяйство достаточно успешно функционирует, т.е. не имеет долгов, регулярно выплачивает заработную плату работникам, только при жестком авторитарном руководстве. Все важные решения принимаются таким руководителем единолично и неукоснительно выполняются по убежденности, что данный руководитель принимает хорошие решения и из-за опасения быть наказанным. Зависимость всех жителей села от этого руководителя, как и в советские времена, является тотальной. При этом руководитель является далеко не только менеджером, занимающимся исключительно производственными вопросами, но вождем — духовным отцом местной общины, т.е. сельских жителей, живущих на территории хозяйства. Члены общины питают к этому человеку сложную гамму чувств: это и страх, и уважение, и вера, причем вера нередко совершенно слепая. Человек, который выполняет эту роль вождя — духовного отца, обладает многообразными выдающимися качествами: знаток человеческих душ, причем не абстрактно, а душ каждого члена общины; идеолог-пропагандист, несущий членам общины смысл их работы, а иногда и смысл их жизни; отец-покровитель, готовый оказать помощь члену общины, попавшему в затруднительное положение; справедливый судья, наказания которого, даже жестокие, а иногда и грубые (физическое воздействие), воспринимаются как должное; незаурядный знаток всех применяемых сельскохозяйственных технологий; ловкий предприниматель в рыночной среде; опытный дипломат в среде административной. Из этого перечисления качеств, которое, возможно, и не является полным, становится ясным, что появление такого руководителя — явление довольно редкое, отсюда и малое количество хозяйств, которые достаточно успешно функционируют в нынешних условиях. Если говорить об условиях относительно успешного функционирования сельского хозяйства целого района, то для этого в условиях сохранившейся колхозно-совхозной

системы необходимо было сохранить и такой ее важнейший элемент, как советское районное руководство сельским хозяйством. Сейчас в России нет бывших райкомов, но их роль с успехом могут играть и играют районные администрации⁶³.

Интервью у большого числа руководящих и рядовых работников бывших колхозов/совхозов Самарской области дали возможность понять, как воспринимают рядовые работники изменения в своем «колхозе». Интересно отметить, что термин «колхоз» продолжает всеми активно использоваться, никто не называет свое предприятие ЗАО или СПК. Этот лингвистический факт на самом деле отражает отсутствие у рядовых работников ощущений каких-то серьезных изменений. Зарплату стали давать с запозданием, да она и раньше не была решающей в жизнеобеспечении колхозника, а когда уж очень понадобится, например, свадьба сына, «председатель всегда идет на встречу» и весь долг по зарплате выплачивается немедленно. А что касается обеспечения кормами ЛПХ и других услуг, получаемых от колхоза, то все единодушно говорили, что как было раньше, так и сейчас. Ну а как воспринимали «колхозники» свои земельные доли (свидетельства) и имущественные паи? Практически никто не связывал свое обладание ими с правом на принятие решений (в акционерном обществе пропорционально имущественному паю разница у молодых и пожилых из-за различия в стаже может быть значительной) и с правом на получение дивидендов. Голосуют в ЗАО, как и раньше в колхозе, поднятием руки (один человек — один голос), а что касается земельной доли, то свидетельство о ней рассматривается рядовыми работниками как документ принадлежности к «колхозу», при которой работающие в нем получают услуги и льготы, такие как продажа своим работникам мяса, молока и кормов для животных по льготным ценам ниже себестоимости (на неработающих «акционеров» эти льготы не распространяются). Что касается «арендной платы» за земельные доли неработающим членам/акционерам, то ее величина, предоставляемая в натуре, примерно соответствует аналогичным услугам, предоставляемым колхозом этой категории жителей и до «реорганизации». Таким образом, легкий испуг аграрной бюрократии, что в результате приватизации/реорганизации она потеряет власть, быстро прошел.

Реформаторы очень сильно просчитались, доверив решение об изменениях в аграрном секторе тем, кто обоснованно видел для себя опасность в осуществлении реформ. И это не только аграрная бюрократия, теряющая в этом случае власть, но и абсолютное большинство сельского населения. Ведь они хорошо понимали, что при реальной приватизации для всех в частных сельхозпредприятиях рабочих мест не хватит, а доступ к ресурсам колхоза/совхоза для содержания ЛПХ будет прекращен, не говоря уже о прекращении получения сельскими жителями других услуг от реально ликвидируемого «колхоза». Доверив решение о проведении реформ в своем хозяйстве его работникам и пенсионерам, реформаторы в то же время не подумали об источниках их существования после их проведения. Произошел своего рода молчаливый сговор руководства бывших колхозов/совхозов с их работниками: каждая сторона смотрела сквозь пальцы, как ворует «колхозное» добро другая сторона. Не неся какой-либо серьезной ответственности относительно результатов деятельности возглавляемого им «колхоза», руководитель предприятия становился единственным, кто может распоряжаться практически бесконтрольно, раньше его действия были подконтрольны руководству советского аграрного предприятия-района, не только производством, но самое главное — всеми денежными ресурсами хозяйства, чему способствует наличный оборот при сокращении безналичного (арестованы счета в банке или хозяйство находится на картотеке). В результате такой ситуации власть одного человека становилась источником незаконных доходов.

В начале 1990-х гг. ни у российских реформаторов, ни у их зарубежных советников не было понимания советской аграрной институциональной системы, состоящей

⁶³ В наиболее последовательном виде сохранение или реставрация советского управления сельским хозяйством на районном уровне в Самарской области было осуществлено в Исаклинском районе.

из трех взаимодействующих элементов: ЛПХ, как непосредственного продолжения традиционного русского крестьянского хозяйства; сельского района, как истинного советского сельскохозяйственного предприятия/поместья/вотчины; и колхозов/совхозов, как, с одной стороны, цехов этих предприятий, а с другой стороны, как продолжения института сельских общин, играющих, как и раньше в течение нескольких веков, двоякую роль механизма управления крестьянами в их взаимодействии с предприятием/поместьем/вотчиной и механизма организации выживания крестьян членов общины. Село отреагировало на либеральную реформу 1990-х гг. институциональной стабильностью колхозно-совхозной системы, при которой происходила ее материальная деградация. Однако внутри российского сельского хозяйства никто (ни одна из имеющих отношение к сельскому хозяйству социальных групп) не была заинтересована в изменении статус-кво. Аграрная реформа 1990-х гг. завела российское сельское хозяйство в тупик, при котором продовольственная зависимость России только увеличивается. В настоящее время есть признаки того, что российское руководство решило прекратить попытки институциональных реформ сельского хозяйства и начало решать имеющиеся в этой отрасли жгучие проблемы с помощью национальных проектов и программ не институционального характера. По нашему мнению это было бы серьезной политической ошибкой.

В настоящее время более половины сельхозпродукции производится в ЛПХ, этих постсоветских крестьянских хозяйствах, ориентированных прежде всего на самопотребление крестьянской семьи, в этом состоит их социокультурный «генетический код». Они совершенно социально не запрограммированы и физически не в состоянии кормить город. Эту функцию должны выполнять другие институциональные формы ведения сельского хозяйства, такие как малые и крупные частные сельскохозяйственные предприятия, вплоть до агрохолдингов, которые были опробованы в России, но из-за отсутствия адекватной аграрной реформы не получают должного развития. Так как нация в целом объективно по экономическим, социальным и политическим причинам заинтересована в адекватной аграрной реформе, то эта реформа на селе должна не обязательно проводиться только на базе сельских жителей. Государство должно инициировать реформу и ее вести, а силы для осуществления аграрной реформы должны черпаться не только на селе, но и должны быть привнесены в село из города, так как в деревне таких сил явно недостаточно.

Для того чтобы в село пришли капиталы и люди, заинтересованные и способные привести эти капиталы в действие, нужно обеспечить условия для выживания существующего сельского населения, что должно стать центральным элементом новой аграрной реформы, таким элементом, который создаст предпосылки для успешной реализации ее остальных элементов. Обеспечить выживание сельского населения, состоящего в своем большинстве из крестьян, в нынешних условиях означает обеспечить скот и птицу их крестьянских хозяйств (ЛПХ) кормами. Сейчас это, по-видимому, чаще всего делается в виде натуральной арендной платы за земельные доли. По нашему мнению, этот подход не правилен, так как создает для капиталов и людей слишком высокие риски, а возможно и ставит сразу под сомнение выгодность инвестиций⁶⁴. В то же время продажа инвесторам земельных долей жителями села может эти риски еще больше увеличить из-за традиционного для российского крестьянства отсутствия легитимности частной собственности на землю. Возможная негативная эмоциональная реакция селян на переход в руки «чужаков» земель, на которых они всегда жили и работали, будет сопрово-

⁶⁴ Именно в этом, а не в отсутствии уже готового благоустроенного жилья, состоит основная причина малой привлекательности села для людей, ищущих приложения своих сил и капиталов. Современные технологии индивидуального жилья позволяют наладить жизнь со всеми удобствами в самых далеких медвежьих углах, однако к этим углам должны быть подведены дороги и электричество, в чем государственные инвестиции не могут быть в массовом порядке заменены частными.

ждаться более ощутимыми протестными действиями, такими как воровство урожая с полей, в случае наличия у них трудностей в обеспечении кормами скота в их ЛПХ. Выход из этого тупика, по нашему мнению, может состоять в организации сельскохозяйственных потребительских кооперативов⁶⁵, нацеленных не только на оказание платных услуг по сбыту продукции личных подсобных хозяйств, как это предусматривается сейчас в правительственных документах, но также на производство кормов, в том числе зеленых кормов естественных пастбищ, и бесплатное снабжение ими личных подсобных хозяйств минимальных размеров, необходимых для собственного питания сельской семьи⁶⁶.

Сельскохозяйственные потребительские кооперативы целесообразно по-видимому создавать отдельно для каждого сельского населенного пункта (деревни, поселка, села). Каждый житель этого сельского населенного пункта, достигший шестнадцатилетнего возраста, может стать членом соответствующего сельскохозяйственного потребительского кооператива. Это означает, что он имеет право внести имеющуюся у него земельную долю или ее часть, а также некоторый имущественный пай в этот кооператив с тем, чтобы иметь право на получение материальных благ и услуг, как на бесплатной, так и на платной основе. Следует подчеркнуть, что получение этих благ и услуг от сельскохозяйственного потребительского кооператива, в том числе и бесплатных, связано исключительно с членством в этом кооперативе, а не с работой в нем, как фактически имело место в колхозах (совхозах), в том числе и переименованных⁶⁷. В результате создания таких сельскохозяйственных потребительских кооперативов фермеры, а также малые, средние и крупные частные предприятия, вплоть до агрохолдингов, получают возможность быть полностью отделенными от местной сельской общины, которая замыкается на свой потребительский кооператив по обслуживанию ЛПХ ее членов. Если урожайности в сельскохозяйственном потребительском кооперативе будут достаточно высокими, то создание их не потребует чрезмерно больших площадей сельхозугодий⁶⁸. Реформа Столыпина не смогла отделить общину ни от потенциальных фермеров, ни от помещиков, так как сельское население того времени было слишком многочисленным, а производительность труда и урожайности были очень низкими. В нынешних условиях такое отделение становится возможным.

⁶⁵ Сельскохозяйственный потребительский кооператив отличается от традиционного сельского потребительского кооператива прежде всего тем, что он является сельскохозяйственным предприятием (производит корма для крестьянского животноводства, то есть для ЛПХ, и некоторую товарную продукцию, средства от продажи которой идут на покрытие его затрат), в отличие от традиционного сельского кооператива, который представляет собой торгово-заготовительное и/или перерабатывающее предприятие.

⁶⁶ Личные подсобные хозяйства и обеспечивающий их сельскохозяйственный потребительский кооператив являются далеко не самой эффективной формой организации сельскохозяйственного производства. Создание сельскохозяйственных потребительских кооперативов является вынужденной мерой, призванной смягчить для сельского населения трудности переходного периода к эффективной рыночной экономике.

⁶⁷ Если в совхозе или колхозе доступ семьи (законный и незаконный) к его ресурсам (корма для животных личного подворья, продукты питания для семьи, топливо, транспортные услуги и т.д.) были тесно связаны с занятостью членов семьи в этом совхозе (колхозе), то в сельскохозяйственном потребительском кооперативе такой связи совершенно нет. Блага, получаемые членами кооператива на бесплатной и платной основах, никак не зависят от того, работает ли данный член кооператива в нем или нет. Он получит их, как член кооператива, бесплатно, по нормам и за плату по ценам и тарифам, утвержденным общим собранием кооператива. Если же член кооператива работает в кооперативе, то, как работник, он получает заработную плату. Поэтому сельскохозяйственный потребительский кооператив не является просто уменьшенным колхозом.

⁶⁸ По нашим предварительным оценкам, для степной зоны, если такие сельскохозяйственные потребительские кооперативы будут снабжать кормами минимальное количество животных, необходимое для выживания всего сельского населения, то для их создания в этой зоне потребуется примерно треть наличных сельхозугодий, включая и пашню.

ПРИЛОЖЕНИЕ**Характеристики выборки**

Таблица 24

Число и процент студентов и преподавателей вузов и техникумов различных областей в выборке

Области/ Города	Москва	Ленин- градская	Курская	Ростов- ская	Новосибир- ская	Всего	
Количество преподавателей, с которыми проводились беседы							Процент студентов
Вуз	3	0	4	3	2	12	61,8
Техникум	0	6	2	3	3	14	38,2
Размер выборки	Процент студентов в выборке из разных областей						
1455	5,2	14,1	33,7	29,1	17,9	100	

Таблица 25

Процент студентов различных специальностей в выборке

Специальность	ВУЗ	Техникум	Всего
Бухгалтерский учет	31,5	34,4	32,6
Агрономия		3,1	1,2
Экономика и управление	6,1		3,8
Право		7,0	2,7
Управление		5,0	1,9
Переработка	8,2	3,6	6,5
Ветеринария	17,2	7,4	13,5
Зооинженерия	8,1	2,9	6,1
Коммерция		14,4	5,5
Финансы	16,2		10,0
Международная экономика	2,6		1,6
Механизация	3,9	8,5	5,6
Строительство	0,1	6,3	2,5
Землеустройство		2,0	0,8
Фермер-менеджер		2,7	1,0
Аграрная экономика	4,6		2,8
Экономическая кибернетика	0,7		0,4
Мелиорация		0,4	0,1
Электрооборудование		2,2	0,8
Не заполнено	0,8	0,4	0,8
Всего	100,0	100	100,0

Таблица 26

Процент студентов в выборке разных лет обучения

Год обучения	ВУЗ	Техникум
1	1,8	
2	24,6	11,5
3	21,0	64,2
4	23,8	15,6
5	25,5	
6	1,7	
Не заполнено	1,7	8,6
Всего	100	100

Количественные результаты анкетирования

Оценка положения и перспектив в сельском хозяйстве

1. Как вы оцениваете нынешнее состояние сельского хозяйства в вашей области?

Таблица 27

а) хорошее	б) удовлетворительное	в) плохое	г) катастрофическое	Всего
1,5	26,3	47,9	24,3	100

2. Каковы, на ваш взгляд, перспективы на ближайшие годы в этом секторе экономики?

Таблица 28

а) хорошие	б) достаточно положительные	в) плохие	г) катастрофические	Всего
4,7	33,1	56,9	5,3	100

Определение причин ухудшения положения в сельском хозяйстве в девяностые годы и причин убыточности большинства сельскохозяйственных предприятий

3. Каковы, по вашему мнению, **три** самые главные причины ухудшения положения в сельском хозяйстве в 90-е годы?

Таблица 29

а) недостаточная поддержка государством сельского хозяйства	80,6
б) потеря управляемости сельского хозяйства	32,0
в) реорганизация сельскохозяйственных предприятий	15,0
г) неэффективность большинства сельскохозяйственных предприятий	39,3
д) наличие на рынке большого количества импортного продовольствия	57,8
е) низкая покупательная способность населения	27,4
ж) неразвитость рыночной инфраструктуры	22,1
з) если другие, то назовите их	5,2

4. В чем, по вашему мнению, **три** главные причины убыточности многих сельскохозяйственных предприятий в вашей области?

Таблица 30

	Вся вы- борка	Москва	Новоси- бирск	Ветеринария
а) диспаритет цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию	69,3	69,3	71,6	64,8
б) низкий спрос на сельхозпродукцию	28,9	20,0	34,5	30,1
в) слишком большой размер сельхозпредприятий	4,8	0,0	4,6	5,1
г) недостаточные дотации сельхозпредприятиям	74,3	77,3	75,9	79,6
д) структура собственности сельхозпредприятий	19,0	24,0	16,9	19,4
е) низкий уровень квалификации работников сельхозпредприятий	40,2	48,0	42,1	31,1
ж) недостаточная мотивация руководства сельхозпредприятий	49,9	46,7	46,4	51,5
з) если другие, то назовите их	6,9	12,0	3,8	12,2

Выбор наиболее подходящих форм сельскохозяйственных предприятий с точки зрения размера и собственности

5. Какие **три** формы сельскохозяйственных предприятий вы считаете наиболее подходящими для вашей области?

Таблица 31

а) крупные хозяйства в собственности всех их работников	61,7
б) крупные хозяйства в собственности их управленцев	35,9
в) крупные хозяйства в собственности внешних частных лиц	23,6
г) крупные хозяйства в собственности внешних юридических лиц	18,1
д) крупные хозяйства в муниципальной собственности	29,7
е) семейные фермерские хозяйства без наемного труда	33,4
ж) семейные фермерские хозяйства с наемным трудом	56,8
з) хозяйства населения (ЛПХ)	31,1
и) если другие, то назовите их	1,2

6. Какой размер площадей в гектарах вы считаете оптимальным для хозяйств, специализирующихся на производстве зерна, в вашей области?

Таблица 32

а) менее 50	б) 50– 100	в) 100– 200	г) 200– 500	д) 500– 1000	е) 1000– 2000	ж) 2000– 3000	з) 3000– 4000	и) 4000– 5000	к) 5000– 6000;	л) более 6000	Не запол- нено
0,5	1,2	3,2	5,8	11,7	13,7	13,4	12,2	14,2	11,1	8,5	4,6

7. Кому, по вашему мнению, должны принадлежать бывшие колхозы и совхозы?

Таблица 33

	а) коллективам предприятий	б) нынешнему руководству предприятий	в) частным лицам, которые приобретут эти предприятия	г) государству	д) организациям инвесторам	е) если другим, то назовите их
Вся выборка	29,2	6,0	27,0	25,3	11,7	0,8
Москва	26,0	8,2	32,9	12,3	17,8	2,7
Ленинград. область	33,3	10,0	33,8	15,9	6,5	0,5
Курская обл.	27,9	5,3	27,3	24,7	14,0	0,8
Ростовская область	27,4	4,4	25,0	33,5	9,0	0,7
Новосибирск. область	32,0	6,4	22,4	24,4	14,4	0,4
ВУЗы	29,6	4,6	25,7	24,1	15,0	0,9
Техникумы	28,4	8,3	29,0	27,3	6,5	0,6
Бухгалтеры	34,3	6,6	22,4	22,0	14,1	0,7
Ветеринары	24,3	3,7	29,6	29,1	11,1	2,1
Зооинженеры	27,6	5,7	24,1	39,1	3,4	0,0

Оценка будущего крестьянских (фермерских) хозяйств

8. Как вы считаете, есть ли будущее у семейных крестьянских (фермерских) хозяйств?

а) да — 57,1%; б) нет — 10,5%; в) затрудняюсь ответить — 32,2%.

Если да, то какова, по вашему мнению, будет их доля в сельскохозяйственном производстве области?

Через 10 лет — 20%, через 20 лет — 30%, через 30 лет — 40%.

9. По вашему мнению, работники сельского хозяйства в России склонны к коллективизму?

а) да — 55,3%; б) нет — 22,3%; в) затрудняюсь ответить — 22,5%.

10. Каковы, по вашему мнению, тенденции для семейных ферм в Западной Европе и Северной Америке?

а) их роль уменьшается — 8,8%; б) их роль возрастает — 29,5%;

в) их роль сохраняется без особых изменений — 61,7%.

Определение роли государства в сельском хозяйстве

11. Должно ли государство, по вашему мнению, поддерживать все формы сельскохозяйственного производства (коллективные хозяйства, фермерские хозяйства, хозяйства населения (ЛПХ)) или поддержка должна оказываться какой-то одной из этих форм?

Таблица 34

а) Государство должно поддерживать все формы	73,2%
б1) Государство должно поддерживать только коллективные хозяйства	5,9%
б2) Государство должно поддерживать только фермерские хозяйства	7,4%
б3) Государство должно поддерживать только хозяйства населения (ЛПХ)	0,9%
в) затрудняюсь ответить	9,9%
Не заполнено	2,6%

12. Кто преимущественно должен осуществлять закупки сельхозпродукции?

(Отметьте не более **двух**.)

- а) государственная продовольственная корпорация — 69,2%;
- б) закупочные фирмы областных администраций — 45,8%;
- в) частные торговые фирмы — 30,9%;
- г) закупочные кооперативы производителей — 24,7%;
- д) частные посредники — 10,2%;
- е) если другие, то назовите их — 0,3%.

13. Кто преимущественно должен осуществлять снабжение хозяйств?

(Отметьте не более **двух**.)

- а) государственная сеть материально-технического снабжения и обслуживания — 77,7%;
- б) снабженческие фирмы областных администраций — 53,9%;
- в) частные торговые фирмы — 18,3%;
- г) сервисные кооперативы производителей — 21%;
- д) частные посредники — 5,4%;
- е) если другие, то назовите их — 0,3%.

Суждения о частной собственности на землю

14. Что вы думаете по поводу права купле-продажи земли сельскохозяйственного назначения?

- а) земля — народное достояние и купле-продаже не подлежит;
- б) из земель сельскохозяйственного назначения купле-продаже могут подлежать только приусадебные участки хозяйств населения (ЛПХ), а также дачные и садовые участки горожан;
- в) земельные доли могут покупаться и продаваться только внутри хозяйства между его работниками, при этом нужно ограничить возможность концентрации земельной собственности в одних руках;
- г) земельные доли и участки могут свободно продаваться и покупаться любыми физическими и юридическими лицами без каких-либо ограничений;
- д) земельные доли и участки могут продаваться и покупаться любыми физическими и юридическими лицами под строгим контролем государства;
- е) если другие, то назовите их.

Таблица 35

	Вся выборка	Москва	Ленинградская	Курская	Ростовская	Новосибирская	ВУЗы	Техникумы	Бухгалтеры	Ветеринары	Зооинженеры
а)	18,8	10,8	21,9	20,3	19,2	15,2	17,6	20,7	22,2	17,0	28,7
б)	28,6	39,2	19,9	27,2	30,5	31,9	32,0	22,9	28,1	33,0	20,7
в)	13,9	10,8	16,9	13,1	12,7	16,0	13,0	15,3	15,1	11,3	20,7
г)	6,1	4,1	7,5	4,4	7,9	6,2	4,9	8,1	6,0	7,2	10,3
д)	31,2	29,7	33,8	33,8	28,1	30,0	30,9	31,8	28,4	29,4	19,5
е)	1,3	5,4	0,0	1,2	1,7	0,8	1,5	1,1	0,2	2,1	0,0

15. Каково соотношение собственности и аренды сельскохозяйственных земель в западных странах?

Таблица 36

	Вся выборка	Вузы	Техникумы
а) Значительная часть земель сельскохозяйственного назначения находится в собственности государства и сдается фермерам в аренду	64,2	60,6	69,8
б) Вся земля сельскохозяйственного назначения находится в частной собственности и арендуется только у частных владельцев	27,2	28,0	26,0
в) Затрудняюсь ответить	8,6	11,3	4,2

Оценка настоящего и будущего личных подсобных хозяйств

16. Некоторые экономисты считают, что ЛПХ живут за счет, можно сказать, паразитируют на коллективных хозяйствах. Согласны ли вы с этим мнением?

а) да — 14,1%; б) нет — 45,8%; в) затрудняюсь ответить — 40,1%.

17. Каково, по вашему мнению, будущее ЛПХ в России через 10–15 лет?

а) исчезнет — 6,2%;

б) сохранит свою нынешнюю роль — 36,8%;

в) получит еще большее развитие как основа жизни сельского населения — 28,6%;

г) получит большое развитие как важный элемент многоукладного товарного сельского хозяйства — 6,2%;

д) получит большое развитие путем интеграции с коллективными сельскохозяйственными предприятиями — 3,7%;

е) товарная направленность ЛПХ возрастет, производство для собственного потребления уменьшится — 6,9%;

ж) товарная направленность ЛПХ уменьшится, производство для собственного потребления сохранится или даже возрастет — 10,6%;

з) другое — 0,9%.

Предложения по сельскохозяйственной политике

Если бы вас назначили министром сельского хозяйства Российской Федерации, что бы вы стали делать в первую очередь?

ЛИТЕРАТУРА

Аграрное законодательство Российской Федерации / Сост. М.С. Пашова. М.: Юрист, 1999.

Аграрное право: Учебник / Под ред. С.А. Боголюбова и Е.Л. Мининой. М.: ЭКСМО, 2007.

Аграрный вопрос в программах политических партий России. Документы и материалы. Последняя треть XIX в. — октябрь 1917 г. / Под ред. В.И. Черноиванова. М.: ГОСНИТИ, 2000.

Александров В.А. (1976). Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М.: Наука.

Вебер М. (2006). Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОС-СПЭН.

Гайдар Е. (1997). Государство и эволюция. Дни поражений и побед. М.: Евразия.

Гайдар Е. и др. (1998). Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России 1991–1997. М.: Институт экономических проблем переходного периода.

Данилов В.П. (1992). Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире / Под ред. Т. Шанина и А.В. Гордона. М.: Прогресс-Академия.

Данилов В. (1996). Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. // Материалы конференции «Крестьяне и власть». Москва-Тамбов.

Дебаты о земле в Государственной Думе (1906–1917 гг.) Документы и материалы / Под общей ред. В.И. Черноиванова и В.В. Шелохаева. М.: ГОСНИТИ, 1995.

Ефимов В.М. (2007а). Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // *Вопросы экономики*. № 8.

Ефимов В.М. (2007б). Спор о методах и институциональная экономика // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. Том 5. № 3.

Зеленин И.Е. (1999). Характерная страница аграрной истории России (как решалась зерновая проблема при Н.С. Хрущеве) // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год / Под общей ред. Т.И. Заславской. М.: Логос.

История России от древнейших времен до начала XX в. / Под ред. И.Я. Фроянова. М. 2001. (www.hrono.info).

Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917–1927 / Под ред. А.В. Чайнова. М.: ЦСУ СССР, 1928.

Ключевский В.О. (1987–1989). Сочинения в девяти томах. М.: Мысль.

Конец крепостничества в России. Документы, письма, мемуары, статьи / Под общей ред. В.А. Федорова. М.: Издательство Московского университета, 1994.

Коробейников М.А. (2003). Земельные отношения в России: мифы и реальность. М.: ФГНУ «Росинформагротех».

Ленин В.И. (1979). О кооперации. М.: Изд-во агентства печати «Новости».

Ленин В. (1903). К деревенской бедноте. Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы. Женева: Загран. Лига Русск. Революционной Социал-демократии.

Леонтович В.В. (1995). История либерализма в России. 1762–1914. М.: Русский путь.

Лурье С.В. (1997). Историческая этнология. М.: Аспект Пресс.

Материалы XXIII Съезда КПСС. М.: Политиздат, 1966.

Материалы XXVII Съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986.

Мау В.А. (1995). Экономика и власть. Политическая история экономической реформы в России 1985–1994. М.: Дело.

Медушевский А.Н. (2005). Проекты аграрных реформ в России XVIII — начало XXI века. М.: Наука.

Народное хозяйство в СССР в 1988 г. Статистический ежегодник. М.: Госкомстат, 1989.

Нефедова Т. (2003). Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство.

Нефедова Т. и Пэллот Дж. (2006). Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова. М.: Новое издательство.

Никольский С.А. (1989). Аграрное производство перед угрозой кризиса: философский анализ некоторых исходных причин возникновения // Сельскохозяйственная практика: противоречия перестройки. М.: Агропромиздат.

Никонов А.А. (1995). Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень.

Ослунд А. (1996). Россия: рождение рыночной экономики. М.: Республика.

Петриков А.В. и др. (2007). Рейтинги крупных и средних сельскохозяйственных организаций в России за 2004–2006 гг. М.: Энциклопедия российских деревень.

Послание старца Филофея к великому князю Василию // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV — первая половина XVI века. М.: Художественная литература, 1984.

- Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1962.
- Продовольственная программа СССР на период до 1990 года. М.: Политиздат, 1982.
- Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации. Материалы Майского Пленума ЦК КПСС 1982 года. М.: Политиздат, 1982.
- Проскурякова Н.* (2004). Столыпинская реформа: выход из кризиса // *Отечественные записки*. № 1.
- Пэллот Дж.* (2004). Разрушила ли общину Столыпинская реформа? // *Отечественные записки*. № 1.
- Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / Под ред. Е.Л. Рудницкой. М.: Археографический центр. 1997.
- Российская Федерация в 1992 году. Статистический ежегодник. М.: Госкомстат, 1993.
- Российский статистический ежегодник. Официальное издание. М.: Росстат, 2007.
- Российское законодательство в X–XX веках. В 9 т. / Под общей ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1984–1994.
- Сельское хозяйство в России. Статистический сборник. Официальное издание. М.: Госкомстат, 1998.
- Сельское хозяйство в России. Статистический сборник. Официальное издание. М.: Госкомстат, 2000.
- Сельскохозяйственная деятельность хозяйств населения. Статистический сборник. М.: Госкомстат, 1999.
- Справочник председателя колхоза / Под ред. А.П. Чебарова. М.: Колос, 1983.
- Сталин И.* (1952). Вопросы ленинизма. М.: Политиздат.
- Сурков В.Ю.* (2007). Основные тенденции и перспективы развития современной России. М.: Современная гуманитарная академия.
- Чадаев А.* (2006). Путин. Его идеология. М.: Издательство «Европа».
- Чаянов А.В.* (1989). Крестьянское хозяйство. М.: Экономика.
- Чернышев М.В.* (1997). Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 года. М.: Фонд «Начала».
- Чеснов Я.В.* (1998). Лекции по исторической этнологии: Учебное пособие. М.: Гардарики.
- A Study of the Soviet Economy — Volumes 1, 2 and 3. Paris: IMF, WB, OECD, EBRD. February 1991.
- Confino, M.* (1963). Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du 18-e siècle. Paris: Institut d'Etudes Slaves de l'Université de Paris.
- Danilov, V.P.* (1990). The Commune in the Life of the Soviet Countryside before Collectivisation // Land Commune and Peasant Community in Russia. Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society / Ed. by R. Bartlett. London: MacMillan.
- Food and Agricultural Policy Reforms in the Former USSR. An Agenda for the Transition, Washington, D.C.: The World Bank. 1992.
- Kitching, G.* (1998). The Revenge of the Peasant? The Collapse of Large-Scale Russian Agriculture and the Role of the Peasant 'Private Plot' in that Collapse, 1991–1997 // *The Journal of Peasant Studies*. Vol. 26. October.
- Land Commune and Peasant Community in Russia. Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society / Ed. By R. Bartlett. London: MacMillan. 1990.
- Lenain, P.* (1996). Le FMI. Paris: La Découverte.
- Mendras, H.* (1984). La fin des paysans. Paris: Babel.
- Mendras, H.* (1995). Les sociétés paysannes. Paris: Editions Gallimard.

Miller, A. (1926). Essai sur l'Histoire des Institutions Agraires de la Russie Centrale du XVIe au XVIIIe siècles. Thèse présentée à la Faculté des Sciences Economiques et Sociales de l'Université de Genève pour l'obtention du grade de Docteur en Sociologie. Paris: Marcel Giard.

Nove, A. (1972). An Economic History of the U.S.S.R. London: Penguin Books.

Préobrajensky, E. (1966). La nouvelle économie. Paris: E.D.I.

Seurot, F. (1989). Le système économique de l'URSS. Paris: PUF.

Wegren, S.K. (1996). The Politics of Private Farming in Russia // *The Journal of Peasant Studies*. Vol. 23. No. 4.

Yefimov, V. (2003). Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie. Paris: l'Harmattan.